

ХОХЛОМА

Марина Нарусбаева, 9 лет, Ленинград

На всесоюзной выставке юных художников. Москва 1969 г.

В КРЕМЛЕ

Сережа Струнников, 13 лет, Москва

ДОМИК ЛЕРМОНТОВА

Лариса Фомина, 6 лет, Московская область

Костёр

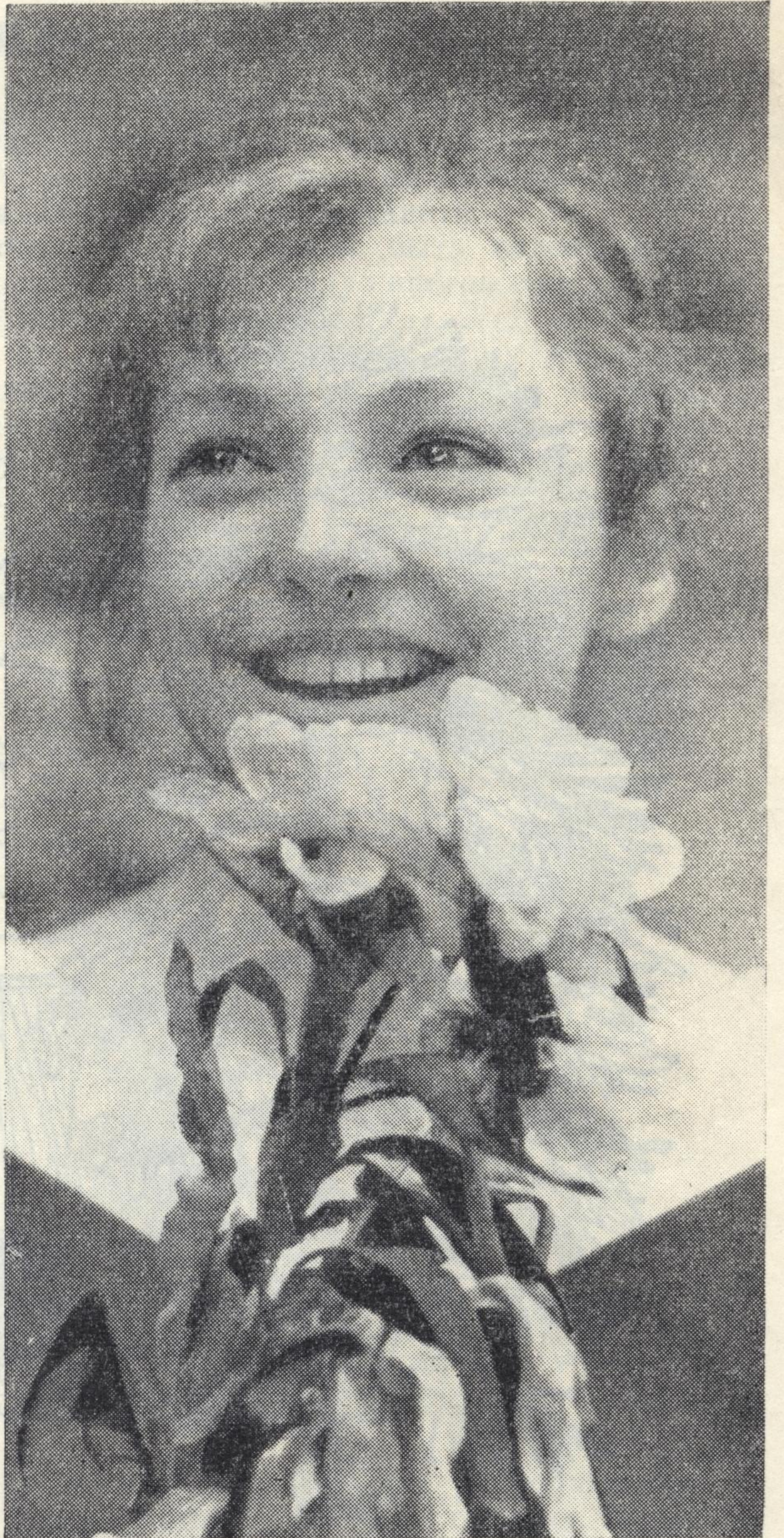
7
ИЮЛЬ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Дом пяти наследников**
очерк М. МОХОВА 2
- Стихи Кадыра Даяна** 8
- Зазеркалье**
повесть Л. КЭРРОЛЛА 9
- Наш кружок поэзии** 16
- Как мы начинали**
страницы воспоминаний Т. НЕСЛУХОВСКОЙ 18
- Совет друзей** 22
- Рассказы про слова**
Л. УСПЕНСКОГО 25
- Медаль**
рассказ Г. ЧЕРКАШИНА 26
- Страна Поэзия** 29
- Новое удивительное приключение Левши**
описанное Н. ВЛАДИМИРСКОЙ 30
- Трудные дни Сережки Покусаева**
повесть Н. ПЕЧЕРСКОГО 32
- Два мира на одной Земле**
главы из книги Б. НИКОЛЬСКОГО 52
- Школа „Спринт“** 56
- Уголёк**
журнал для малышей 57
- Превращения в ихтиандра**
беседа В. СОЛОНКИНА 59
- Уголок веселого архивариуса** 60
- Морская газета** 62
- Шахматы** 64

*Воспитывайте в себе волю,
твёрдый характер, тогда
успех придёт обязательно.*

Ваша Наташа.

Читайте „Совет друзей“ на стр. 22

ДОМ ПЯТИ НАСЛЕДНИКОВ

М. Мохов

Рисунки Т. Капустиной

На берегу, над обрывом — вековая ель. Ее одинокую темную громаду знают все речные капитаны.

Снизу, с реки, не видно, что ель стоит на просторной лужайке. Чуть подалее — старый, но крепкий крестьянский дом. Он пуст. Уже две зимы в нем никто не живет. Старушка хозяйка умерла, и теперь домом вла-

деют пятеро ее наследников. Живут они в дальних городах и никак не соберутся вместе, чтобы распорядиться домом.

Так и стоит дом на высоком коренном берегу Северной Двины.

Пролетают над ним самолеты — на Архангельск, на Котлас. За домом огород, за огородом тайга.

Дисциплина

Колхозное радио заговорило, как всегда, в полдень. Люди обедали и прислушивались краем уха, что скажут хорошего.

Говорил колхозный бухгалтер — как оформлять наряды на работу. Говорила заведующая клубом, Маша — про новые фильмы. Напоследок Маша сказала:

— Сейчас ученик шестого класса Щелоков Федор прочтет стихотворение.

В доме Телицыных мать, подливая в миску уху, кивнула Андрюшке:

— Твой Силан выступает.

В динамике раздался хрипловатый голос Феда Щелокова, по прозвищу Силан. Слышно было, что Федя улыбается во весь рот чему-то, понятному только ему, а стихи читает как попало.

*Травка зеленеет,
Солнышко блестит...*

Просто непонятно, зачем шестиклассник взялся читать такое малышковое стихотворение. Еще непонятнее было Андрюшкино поведение. Как только объявили про стихи, он напряженно уставился на динамик, а ноги незаметно полезли через скамейку, хотя казалось, что он сидит в прежней позе. Мать слишком поздно заметила хитрость. Андрюшка метнулся к двери.

— Куда? Обед!

Дверь хлопнула. И еще где-то в деревне хлопнула дверь, и еще. Все три Андрюшкины сестренки, как по команде, обернулись к окну. Младшая, мамина любимица, сказала благонаравно:

— Побежали все сломя голову. Сумасшедшие.

— Опять не поел! — сокрушалась мать. — И так высох, ровно щепка. А вы чего не едите? — накинулась она на девчонок. — Бежать собрались? Живо доедайте!

Отец молчал, — должно быть, голова болела с похмелья. Потом вяло проговорил:

— Дисциплина...

К старой ели, к пустому дому сбегались ребяташки. На крыльце расселись малыши, а над ними стоял, возвышался Васька Водомеров, единственный в деревне восьмиклассник.

Васька поднял руку, и на виду у всех оказался большой темный ключ на красной тесемочке.

— Видали? Аграфена ключ дала. Дом теперь наш на все лето. Кто свободен, приходите. Игры несите, книжки. Сделаем штаб.

Ребята переглядывались. У больших и у ма-

лых загорались глаза. Васька распоряжался:

— Сейчас поделимся — и на протоку. Будет бой на лодках, где помельче. Федя — ты мать, я отец.

К Федьке стали подходить пары. Они загадывали, он разгадывал.

— Мать, мать, чего тебе дать — транзистор или ласты?

— Ясно, ласты, — отвечал Федька, и один из пары шел к нему, другой к Ваське Водомерову.

Васька в это время говорил рыжей Танюшке — худенькой, угловатой девочке, самой главной у всех девчонок:

— Вечером вымоете пол, обметете стены, потолок. Мы воды натаскаем и веников — пол шаркать. Перегородки разберем, сложим на

поветь. Аграфена позволила. На что нам перегородки?

Танюшка кивала и приговаривала тоненьким захлебывающимся голоском, таким тоненьким, что в ушах звенело:

— Ладно. А мы устроим медпункт. Ладно. И библиотеку. Ладно. И малышей будем пасти, которые не влезли в детский сад...

Ребята двинулись двумя ватагами к про-

токе. В одной шел Васька — рослый, загорелый, как жареное семечко, в белой майке. Он что-то объяснял своим, показывал рукой. Другая ватага валила за Силаном. Тот помалкивал, и все знали, что никаких приказов не будет. Делай, как я — и весь разговор.

Рядом с Силаном шел Андрюшка, тащил запасное весло. Силан рядом — значит, все будет в порядке.

Лучше не отставать

Вот был бой, так бой! Лодки медленно сходились в протоке, ведя ураганный огонь сухими комьями глины, которые разлетались от самого слабого удара. Силан перехитрил Ваську — в разгар сражения поднырнул к флагманской лодке, выскочил с шумным плеском из воды, ухватился за борт и перевернул лодку на себя под восторженные крики своей ватаги. Лодка затонула, Васька встал на дно по горло в воде, а экипаж поплыл к берегу.

В другое лето только и разговоров было бы что о сражении на протоке. А тут не успел Андрюшка ночь переспать, как примчался соседский мальчишка:

— Силан зовет. Наши у Антона.

Антон — колхозный шофер, ездит на легковом «козлике». Осенью Антон собирается переехать в новый дом. По дороге Андрюшка узнал, что у Антона кладут печь. Печник приезжий и работает по-старинному, кладет печь не из кирпичей, а из сырой глины.

В новеньком просторном срубе половину пола занимала толстая глиняная лепешка. На ней была толчая: дюжина ребят во главе с Федькой Силаном топталась по кругу, трамбовала глину, уминала ее собственными подошвами.

Сам Антон, молодой, но с жесткими усами, которые его старили, резал глину ровными прямоугольными кусками. Печь выросла уже до половины. На ней колдовал маленький сморщенный старичок в клеенчатом фартуке, — принимал глину от Антона, укладывал и прихлопывал.

Андрюшка потоптался вместе со всеми, но скоро заскучал и подтолкнул Силана:

— Слышь, Федька, чего мы тут работаем?

Силан, шлепая по глине босыми ногами, буркнул:

— Меси, не разговаривай.

И Андрюшка переступал, притаптывал — месил. Глина заметно уплотнялась, твердела, но на край лепешки откуда-то шлепалась свежая и сырая. И все начиналось с самого начала.

Топ, топ. Шлеп, шлеп. Ни за что бы не затянуть ребят на такую скучную работу. Но ведь кто его знает, что еще придумают Васька с Федькой. Они такое могут надумать — век не догадаешься. Лучше уж не отставать. Топ, топ. Шлеп, шлеп. И Андрюшка, вспотевший и усталый, кружился по лепешке среди таких же потных и усталых ребят.

Потом они сидели возле сруба на свежих бревнах.

— Пропал бы я без вас, ребята, — задумчиво признался Антон. — Мужики телятник строят, бабы в поле. Никого не созовешь.

Рассказывал в тот вечер Антон про армию. Про то, как танки переходят реки по дну, выставляют из-под воды длинные трубы и засасывают через них воздух. А когда выйдут на берег, отбрасывают трубы прочь.

Антон позвала жена. Он поднялся, подумал.

— Чем же вам отплатить? Деньгами — неловко. Может, мяч купить с сеткой? Или еще чего?

Силан попросил:

— Научил бы машину водить. Кружок бы сделали. А мы тебе еще поможем, когда скажешь.

— Идет! — рассмеялся Антон. — Вот у председателя спрошу — и начнем. Как не помочь работягам!

Слышал это Андрюшка, но не поверил. Из лета в лето ни один взрослый не обращал на ребят внимания. Школа далеко, за десять километров. Учителя в их деревне не живут. Даже школьную практику ребята проходят тут же, в колхозной бригаде: поработают на подсобных — и вся наука.

На третий вечер возле старого дома остановился «козлик». Антон выключил зажигание и вылез из кабины. С крыльца посыпались ребята.

— Ого, курсантов-то! — удивился Антон. — Доставайте плакаты с заднего сидения. Гвозди есть? Давайте развешивайте. А главное

пособие — вот. — И Антон похлопал по радиатору «козлика».

Развесили плакаты по стене дома, уселись на траве. Антон взял у кого-то из рук оструганную палочку — вместо указки — и начал речь.

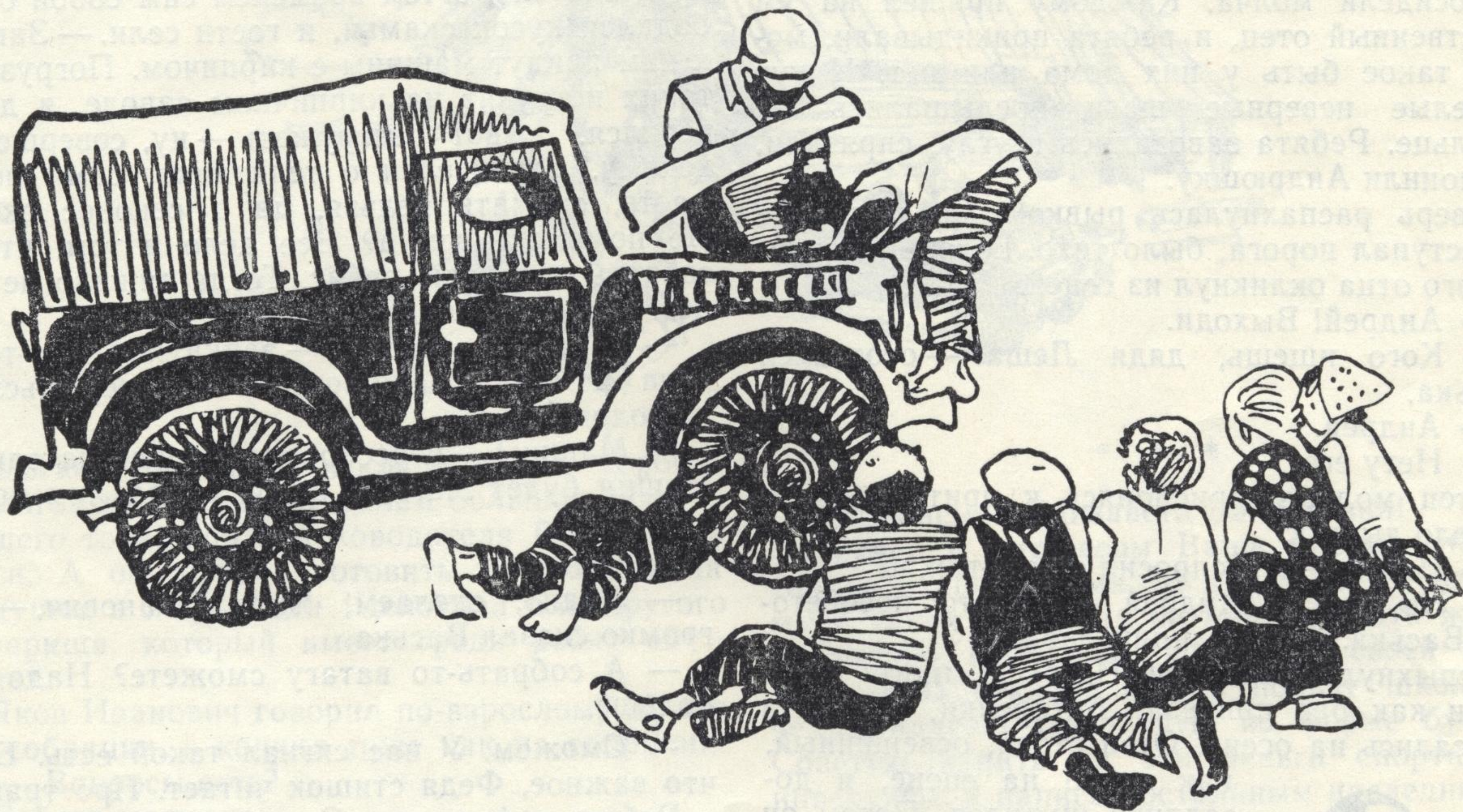
— Разгильдяя к машине не допущу, — он строго кашлянул. — Председатель нашего колхоза Яков Иванович это дело одобряет и лично сам будет принимать от вас экзамен. Слушать и смотреть в оба. Перед вами легковая машина Горьковского автозавода...

В эту ночь Андрюшка метался во сне, бормотал, вздыхал, хватал воздух руками. Все казалось ему, что он ведет машину по густому

Летом передвижка обычно пылилась в кабине физики. Но теперь Антон привез ее в Андрюшкину деревню — знакомые черные ящики, провода и два десятка круглых жестяных банок, от которых сладковато пахло кинолентой — учебные фильмы.

Правá кинодемонстратора имел Васька Водомеров, и однажды Андрюшка помог ему тащить аппаратуру в маленькую избушку старухи Прокопьевны, куда в тот вечер собрались пенсионеры со всей деревни. Еще бы! Кино приехало на дом.

Забелел на стене экран, Васька подключил провода, заправил ленту в киноаппарат. По-

тропическому лесу, какой видел в кино, и склоняются к самой кабине пальмы, шуршат огромными листьями по тенту, нашептывают: «Ведущие мосты... Клиренс... Подвеска... Внутреннее сгорание...»

Нынешнее лето, штаб в старом доме — все было, как сон. И сражение на протоке, и футбольный матч с городскими школьниками, что проходили по их местам туристским походом.

В деревню приехал директор школы. Он о чем-то поговорил с Васькой, Федькой и Тянюшкой, а вечером в старом доме собрались родители. После этого собрания мать уже не так ворчала на Андрюшку, если он задерживался в штабе.

Антон привез из школы кинопередвижку «Украина».

том он шелкнул рукояткой, аппарат затрещал, заиграла музыка, и на экране появилась надпись, которую Васька тут же и прочел, — на случай, если престарелые зрители не разглядят:

— Гроза!

Коротенький фильм о причинах и свойствах гроз имел полный успех. Старики разволновались и расшумелись, как первоклассники. Только Прокопьевна молча сидела, свесив ноги с постели, и все время тихонько раскачивалась взад-вперед — не то размышляла о чем-то, не то дремала.

Ничего нет сложного — показать фильм. Андрюшка мог бы, если бы поучился. Он понятливый. Антон его похвалил уже два раза.

Покупатели

В сумерках сидели в штабе, рассказывали. Вдруг затопало на крыльце, кто-то влетел в дверь, сунулся в угол и часто задышал, захлипывал.

В руке Васьки Водомерова зажегся фонарик. Оказалось — Андрюшка. Лицо зареванное, свежий синяк под глазом.

— Вот это — сияние... — начал кто-то и умолк. Васька спросил:

— Кто тебя, Андрюха?

Андрюшка молчал и косился на окна.

— Это отец его так, — уверенно объяснили из темноты.

Посидели молча. Каждому пришел на ум собственный отец, и ребята прикидывали, может такое быть у них дома или нет. И тут тяжелые неверные шаги послышались на крыльце. Ребята завозились в углу, спрятали, заслонили Андрюшку.

Дверь распахнулась рывком, но никто не переступал порога, было тихо. Голос Андрюшкиного отца окликнул из сеней:

— Андрей! Выходи.

— Кого ищешь, дядя Леша? — отозвался Васька.

— Андрея.

— Нету его.

Отец молчал, прислонясь к притолоке. Он тяжело дышал.

— Нету? — переспросил он протяжно.

— Не трогай Андрея, — сердито посоветовал Васька. — В милицию заявим.

Вспыхнули фонарики. Их было много: в магазин как раз привезли батарейки, и ребята запасались на осень. Отец стоял, освещенный,

как актер на сцене, и досадливо шурился. Потом он занес ногу через порог, но не шагнул, прислушался к чему-то. На крыльце послышался мужской голос:

— Сто лет простоит. Возьмите-ка шило, Елизавета Васильевна. Видите, углы крепкие.

В три шага Андрюшкин отец оказался на крыльце, и слышно было, как он прогрохотал по ступенькам, а тот же голос стал резким и жестким:

— Опять набрался? Завтра придешь в правление, отчитаешься за прогул. Марш домой! И по-деловому:

— Самое большое — два новых венца подрубить. Это пустяки, сделаем в два счета.

Они появились на пороге штаба — председатель колхоза Яков Иванович и секретарь сельсовета Елизавета Васильевна.

— Что у вас, света нет? — весело спросил председатель. Фонарики, погасшие было, снова зажигались по одному. — Здравствуйте, молодая гвардия.

— Здрасс... — негромко зашелестело из углов.

— Есть к вам дело, — снова заговорил председатель, а тем временем сам собой освободился кусок скамьи, и гости сели. — Завтра к нам придут машины с кирпичом. Погрузить-то их погрузят на кирпичном заводе, я договорился. А вот разгружать — ну, совершенно некому. Строителей с телятника, сами понимаете, снимать нельзя, да и сенокос скоро. Не поможете ли, а? Все дело в том, чтобы собрать побольше ребят. Тогда тяжело не будет. Рукавицы выдадим.

— А много машин? — заикнулся кто-то у окна и сразу зашипел: — Чего дерешься-то по голове?

— Машин? — переспросил председатель. — Машин будет шесть. Три до обеда, три после обеда.

Все затихло.

— Ладно, сделаем, Яков Иванович, — негромко сказал Васька.

— А собрать-то ватагу сможете? Надо побольше.

— Сможем. У нас сигнал такой есть. Если что важное, Федя стишок читает. Про травку.

Ребята зафыркали. Отовсюду послышалось:

— Прощебечь с дороги...

— Он у нас заслуженный артист...

— С погорелого театра...

— Дам тебе я зерен, а ты песню спой...

В конце концов Ваське пришлось прикрикнуть, чтобы навести тишину.

— Теперь могу сообщить новость, — другим, обещающим голосом начал председатель. — Этот самый дом, где мы с вами сейчас находимся, покупает сельский совет. Попролам с колхозом. Дом старый, но прочный, так что покупка хорошая.

Андрюшка онемел. Дом продадут! Их штаб, в который тянет как магнитом! Куда уже натащены книги, игры, кое-что из инструмента, где так хорошо в дождливую пору, где завелись военные тайны! Дом продадут! Будут в нем сидеть конторские. Или сделают склад.

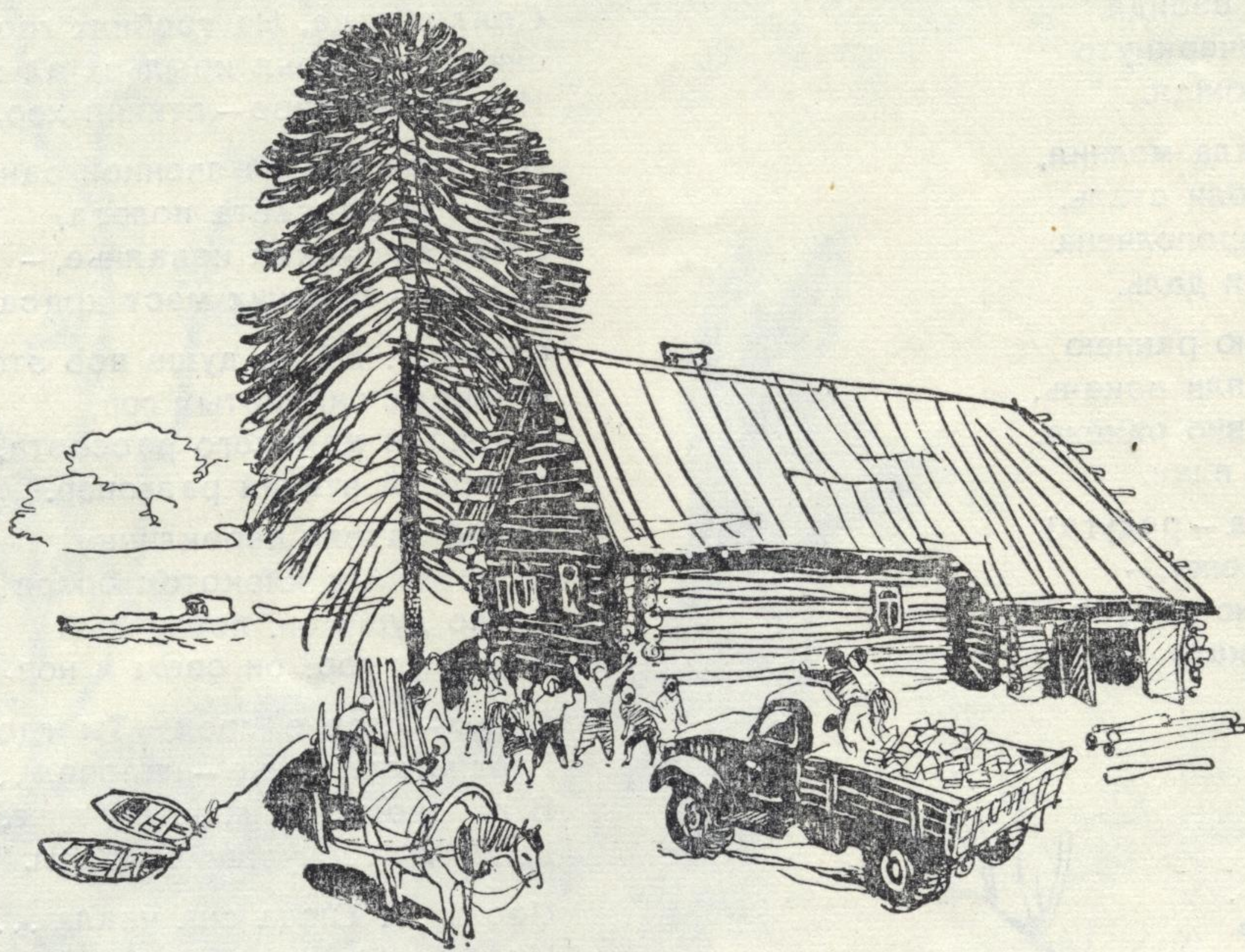

Что они — виноваты, что у них нет денег, чтобы купить этот дом самим!

— К осени отремонтируем, чтобы и зимой было тепло, — председатель повысил голос, — и передадим на баланс школе. Под ваш клуб.

ноте хватали и валили друг друга, тузили, шлепали — но все это молча, потому что председатель и секретарь сельсовета были где-то поблизости.

Куча мала!

* * *

Помогаете вы нам исключительно хорошо. Хулиганства не видно. В чем большая заслуга вашего товарища и руководителя Водомерова Васи. А он должен готовить себе смену на будущее в лице Феди Щелокова или другого товарища, который имеет среди ребят авторитет.

Яков Иванович говорил по-взрослому, будто на собрании, и кончил тоже как на собрании:

— Вопросы есть?

Ребята молчали.

— Много ли денег надо? — поинтересовался Силан.

— Полторы тысячи рублей, — ответил председатель. — Каждому наследнику надо выплатить триста рублей, их пятеро. Надо будет, Елизавета Васильевна, написать им письма. Еще есть вопросы? Нет? Тогда до свидания. Долго не сидите, вас родители потеряли.

И гости ушли. После чего в старом доме от всеобщего восторга началась свалка. В тем-

«Уважаемая Елизавета Васильевна!

Прочел с интересом Ваше письмо относительно старого дома. В годы моего детства мы о таких подарках не мечтали. Что ж, все правильно. Извещаю Вас, что от своей части наследства отказываюсь в пользу школы, с чем прилагаю заверенную по форме бумагу. Советую купить на эти деньги спортивный инвентарь. Я написал остальным наследникам, посоветовал сделать то же самое. Ребятам передайте, что они молодцы. В деревне, где нет учителя или воспитателя, сами находят себе полезные занятия. Надеюсь когда-нибудь приехать в гости, посмотреть на молодежь, рассказать о службе.

С уважением — »

Дальше поставил свою подпись хорошо известный деревне человек, полковник танковых войск — один из пяти наследников.

РАДУГА

Туча стала черною,
над горой взойдя.
Небо перечеркнуто
струями дождя.

Просверкала молния,
словно сабли сталь.
Громом переполнена
вся земная даль.

Над весною раннею
мчатся капли вскачь.
Туча — словно ранена:
неумолчен плач.

Как ворота — радуга!
Зелена, свежа, —
не напрасно радуется
будет урожай!

СИНИЦА

Форточку открыл — синица
закружилась над столом:
ищет, где бы подкрепиться
или заpastись теплом ...

Я насыпал корм, как надо ...
Не присела — на лету
обвела тревожным взглядом
гостя леса тесноту.

И летит обратно, вижу,
снова к форточке, в мороз ...
Там весна, наверно, ближе ...
Птице петь среди берез! ..

КОСУЛЯ

Весна и утро над Уралом.
Спят облака. На гребнях гор
они — как перья крыльев алых.
И в целом мире — птичий хор.

И в этой чистой звонкой рани,
там, где рассвета полоса,
стоит она, — как изваянье, —
косуля — здешних мест краса.

Стоит ... Ей по душе все это:
и череда скалистых гор,
и краски майского рассвета,
и первый птичий разговор.

Ручей затеял перекличку
с гортанным клекотом орлов ...
Ей по душе он, поэтический
мир этих гор: он свеж и нов.

Вдруг — словно гром! Ты где, косуля?
В одно мгновенье — наповал ...
В далеком эхе, грозном гуле,
дрожит проснувшийся Урал.

Цветы ... Сюда она упала ...
Цветы колышутся над ней —
все те, что белые, стали алы,
а те, что алые — алей.

Росинки цвет от крови розов,
они застыли, отсверкав.
И эти росы — словно слезы,
немое горе горных трав ...

А браконьер — „Ура! Победа!“ —
уже над жертвою своей.
Она жива: два влажных следа
от двух слезинок у ноздрей.

Еще полуоткрыто веко:
„Скажи, ну, в чем виновна я,
ты, под обличьем человека
хозяин своего ружья? ..“

Он жертву нес с повадкой вора,
кровавый след скрывал в лесу.
Кукушки не смолкали — горы
оплакивали гор красу.

Ночь подлеца была бессонной ...
Не бред ли это?.. — С высоты
звучало: „Что ж, давай и в солнце
стреляй, убийца красоты!“

*Перевел с башкирского
В. Торопыгин*

Рисунки И. Ризнича

ДЛЯ СЫТ

ДЛЯ ГОСТЕЙ

УАЗЕРКАЛЪЕ

Льюис Кэрролл

Рисунки Г. Ковенчука

Глава девятая

КОРОЛЕВА АЛИСА

— Восхитительно! — сказала Алиса. — Вот уж никогда не думала, что так быстро стану Королевой! И вот что я вам скажу, ваше величество, — продолжала она строго (Алиса всегда была не прочь сама себя побранить), — вам не полагается сидеть на траве в столь вольной позе. Королева должна держаться с достоинством.

Она встала и пошла, стараясь держаться так, чтобы корона с головы не упала; но вокруг никого не было, никто на нее не смотрел, и поэтому она снова уселась на траву.

— Уж если я стала Королевой, — сказала она, — то со временем научусь вести себя как положено.

Все, что с ней сегодня происходило, было так необычно, что она ничуть не удивилась, обнаружив, что Королева Черных и Королева Белых сидят рядышком с нею справа и слева. Спросить их, как они сюда попали, она сначала побоялась, думая, что это будет не совсем вежливо. Но потом решила, что ничего худого не случится — все равно партия закончилась.

— Будьте добры, скажите мне, пожалуйста... — робко обратилась она к Королеве Черных.

— Пока с вами не заговорят, следует молчать, — резко перебила ее Королева.

— Но если все-все так и будут делать, — сказала Алиса (немножко поспорить она всегда была готова), — если все-все будут молчать и ждать, пока с ними не заговорят, тогда никто никому никогда ничего не скажет. Так что...

— Смешно! — воскликнула Королева. — Видите ли, дитя мое...

И вдруг она нахмурилась, умолкла, минуту подумала и внезапно заговорила о другом.

— Вы сказали «если я стала Королевой»? Что вы под этим подразумеваете? Какое право вы имеете так себя называть? Пока не сдадите экзамен, Королевой не будете. И чем скорее мы устроим этот экзамен, тем лучше.

— Я ведь только сказала «если», — виновато пролепетала Алиса.

Обе Королевы многозначительно взглянули друг на дружку, Королева Черных передернула плечами:

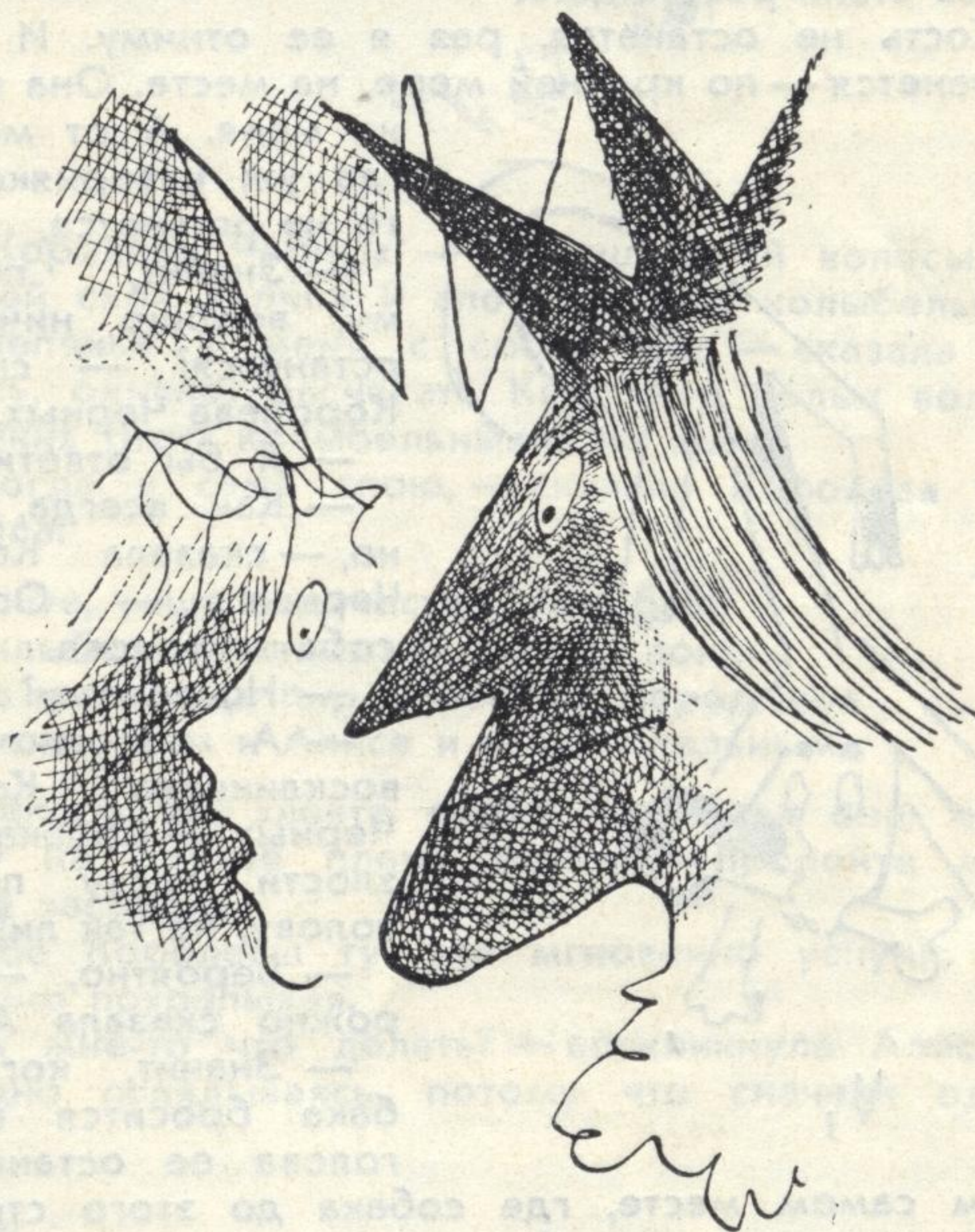
— И она еще говорит, что сказала только «если»!

— А ведь она сказала гораздо больше! — простонала Королева Белых, растопыривая руки. — Вон сколько она уже наговорила!

— Вот видите! — сказала Королева Черных Алисе. — Нужно всегда говорить правду. Перед тем как сказать, — подумайте, после того как скажете, — запишите.

— Но я вовсе не имела в виду... — начала было Алиса, но Королева Черных с жаром ее перебила:

— Вот, вот именно! В этом я вас и упрекаю. Вы должны были иметь в виду! Что за польза от таких детей! Любая шутка и та что-нибудь да имеет в виду! А ребенок — это не шутка! Захоти вы отрицать это

обеими руками, вы и то не сможете.

— Я руками ничего не отрицаю, — возразила Алиса.

— Никто и не говорит, что отрицаете, — удивилась Королева Черных. — Я сказала, что даже если захотите, и то не сможете.

— Она сейчас в таком состоянии! — сказала Королева Белых. — Она и рада бы хоть что-нибудь отрицать, да не знает, что.

— Какой скверный строптивый нрав! — заявила Королева Черных.

Минуту или две царило неловкое молчание. Прервала его опять Королева Черных.

— Разрешите вас пригласить нынче к Алисе на обед, — обратилась она к Королеве Белых.

Королева Белых слабо улыбнулась и ответила:

— А мне разрешите пригласить вас.

— Я и не знала, что нынче у меня обед, — сказала Алиса. — Но раз он будет у меня, то и гостей на него приглашать, наверное, следует мне?

Окончание. См. «Костер» №№ 3—6, 1969 г.

— Вот мы и даем вам возможность это сделать, — заявила Королева Черных. — Кстати, я не сказала бы, что вам на уроках преподают хорошие манеры.

— А манеры на уроках не преподают, — сказала Алиса. — На уроках преподают, как вычислять, то есть складывать, отнимать и тому подобное.

— Вы умеете складывать? — изумилась Королева Белых. — Сколько будет один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один?

— Я не знаю, — растерялась Алиса. — Я сбилась со счета.

— Не умеет она складывать! — вмешалась Королева Черных. — А отнимать вы можете? Отнимите девять от восьми.

— Девять от восьми я отнять не могу, — не задумываясь, ответила Алиса. — Но-о...

— Не умеет она отнимать, — сказала Королева Белых. — Попробуем еще сложить. Сложите сыр и хлеб. Что получится?

— По-моему... — начала Алиса, но Королева Черных ответила за нее:

— Ну, конечно же, бутерброд!.. Попробуем еще отнять, — продолжала она. — Вот собака с костью. Отнимите кость. Что останется?

Алиса стала рассуждать.

— Кость не останется, раз я ее отниму. И собака не останется — по крайней мере, на месте. Онакинется на меня. А от меня тогда уж наверняка ничего не останется.

— Значит, по-вашему, вообще ничего не останется? — спросила Королева Черных.

— Я бы ответила так. — Как всегда, неверно, — сказала Королева Черных. — Останется собачья голова.

— Но почему?

— А вот почему! — воскликнула Королева Черных. — Собака от злости сразу потеряет голову, не так ли?

— Вероятно, — осторожно сказала Алиса.

— Значит, когда собака бросится на вас, голова ее останется! И на том самом месте, где собака до этого стояла! — торжествующе заявила Королева.

— Ну, не обязательно на том самом месте, — сказала Алиса, как могла серьезней, а сама невольно подумала: «Какая чудовищная бессмыслица весь этот наш разговор!»

— Нет, вычислять она не умеет вовсе! — важно сказали обе Королевы хором.

— А вы умеете вычислять? — внезапно обратилась Алиса к Королеве Белых. Такое придирчивое отношение было ей не по вкусу.

Королева Белых зажмурилась и открыла рот.

— Складывать я могу, — сказала она, — если мне дадут время, а отнимать я не могу ни при каких обстоятельствах.

— Вы, конечно, буквы знаете? — перебила Королева Черных.

— Разумеется, знаю, — сказала Алиса.

— Я тоже, — прошептала Королева Белых. — Мы их частенько будем вместе повторять вслух. Скажу вам по секрету, я уже научилась читать однобуквенные слова. Восхитительно, а? Но вы не огорчайтесь. В свое

время вы тоже научитесь.

Королева Черных снова вмешалась.

— А что вы знаете полезного? — спросила она. — Например, как делают хлеб?

— Это-то я знаю! — с жаром воскликнула Алиса. — Берут тесто...

— Почему те сто, а не эти? — спросила Королева Белых. — И почему сто, а не тысячу?

— И не сто и не тысячу, — сказала Алиса, — а тесто из муки, в которое кладут дрожжи.

— Сильной дрожжи или слабой? — снова перебила Королева Белых. — Вы слишком многое пропускаете.

— Охлаждайте ей голову! — поспешно перебила Королева Черных. — Она слишком лихорадочно думала, и теперь у нее может сделаться горячка!

И обе Королевы принялись обмахивать ее зелеными ветками, пока она не попросила их перестать, потому что от этого портилась прическа.

— Теперь с ней все в порядке, — сказала Королева Черных. — А языки вы знаете? Как будет по-французски «околесица»?

— «Околесица» — это не английское слово, — твердо ответила Алиса.

— А разве кто-нибудь говорит, что английское? — удивилась Королева Черных.

Алисе показалось, что на этот раз ей удастся вернуться.

— Если вы мне скажете, по-каковски это «околесица», я вам скажу, как это будет по-французски, — торжествующе произнесла она.

Но в ответ Королева Черных напыщенно заявила:

— Королевам идти на сговор не к лицу.

«Вот бы и задавать вопросы им тоже было бы не к лицу», — подумала Алиса.

— Не будем ссориться, — забеспокоилась Королева Белых. — Скажите лучше, отчего бывает молния?

— От грома, — уверенно заявила Алиса. И тут же торопливо поправилась: — То есть я хотела сказать наоборот!

— Поздно, — сказала Королева Черных. — Раз уж вы сказали, значит, сказали, и вся ответственность за это ложится на вас.

— Это мне напомнило... — Королева Белых потупилась и стала нервно перебирать пальцами. — У нас была такая гроза в прошлый вторник, то есть в прошлый набор вторников, я хотела сказать.

Алиса опять была сбита с толку.

— Как это — набор вторников? — спросила она.

— А здесь дни всегда бывают по два, по три за раз — наборами, — пояснила Королева Черных.

— Там, откуда я, — заявила Алиса, — бывает только один день за раз и никаких наборов!

— Какое убожество! — сказала Королева Черных. — А у нас тут можно набирать не только дни, но и ночи тоже. Зимой мы иногда набираем за раз по пять ночей, чтобы было теплее.

— Разве пять ночей теплее, чем одна? — решила спросить Алиса.

— Конечно. В пять раз теплее.

— Но одновременно они должны быть и в пять раз холоднее — по тому же правилу...

— Совершенно верно! — воскликнула Королева Черных. — В пять раз теплее и в пять раз холоднее. Так же, как я в пять раз богаче вас и в пять раз умнее.

Алиса вздохнула и отказалась от борьбы. «Это все какие-то безотгадные загадки!» — подумала она.

— Пустик-Дутик тоже в нее попал, — бормотала тем временем Королева Белых, словно беседуя сама с собой. — Он как раз подходил к дому со штопором в руке и...

— Что ему было нужно? — спросила Королева Черных.

— Он говорил, что хочет войти, — продолжала Королева Белых, — и поискать, нет ли там бегемотика. Но, оказалось, в то утро его не оказалось.

— А вообще? — удивленно спросила Алиса.

— Только по четвергам, — ответила Королева.

— А я знаю, зачем туда шел Пустик-Дутик, — сказала Алиса. — Он хотел наказать ерша за то, что ерш...

Но Королева Белых снова забормотала:

— Это была такая гроза, такая гроза, что вы себе даже в мыслях представить не можете! («Да у нее мыслей-то никогда не было», — вставила Королева Черных). Кусок крыши отвалился, в дыру посыпался гром огромными глыбами. Как затарахтел по столам, как пошел кувирком по комнате! Я с перепугу не могла вспомнить, как меня зовут!

«Вот уж никогда не пробовала во время всяких происшествий вспоминать, как меня зовут! Зачем это?» — подумала Алиса, но вслух ничего не сказала, чтобы не обидеть Королеву Белых.

— Ваше величество, вам следует ее простить, — сказала Королева Черных Алисе, взяв Королеву Белых за руку и нежно ее поглаживая. — Она прекрасно во всем разбирается, но никак не может удержаться, чтобы не наговорить глупостей.

Королева Белых робко взглянула на Алису. Алиса почувствовала, что нужно бы сказать что-нибудь хорошее, но, как назло, ничего такого придумать не могла.

— Ее никогда не учили, как себя вести, — продолжала Королева Черных, — но она изумительно добрадушна и отзывчива. Погладьте ее по головке — увидите, какое это для нее удовольствие.

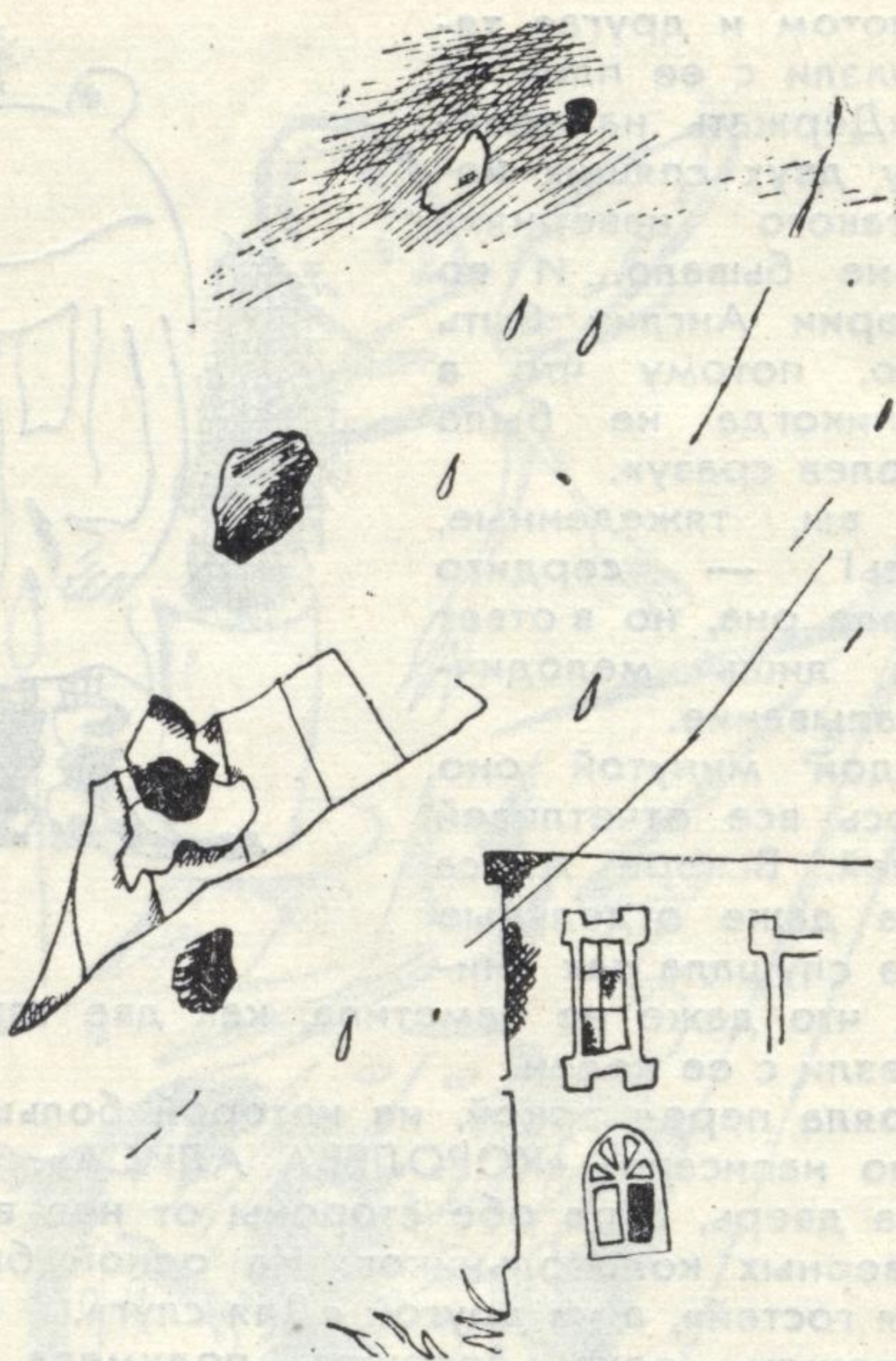
Но на это у Алисы просто духу не хватило.

— Небольшая услуга, просто помочь ей причесаться — и с ней чудо что делается...

Королева Белых глубоко вздохнула и положила голову Алисе на плечо.

— Мне так спать хочется! — простонала она.

— Ах, она устала, бедняжка! — ска-

зала Королева Черных. — Расчешите ей волосы, одолжите ей свой чепчик и спойте тихую колыбельную.

— Чепчика у меня с собой нет, — сказала Алиса, пытаюсь, однако, расчесать Королеву Белых волосы, — и никаких тихих колыбельных я не знаю.

— Тогда я сама спою, — сказала Королева Черных и запела:

Спите, ваше величество, баю-баю!

Колыбельную песенку я вам спою.

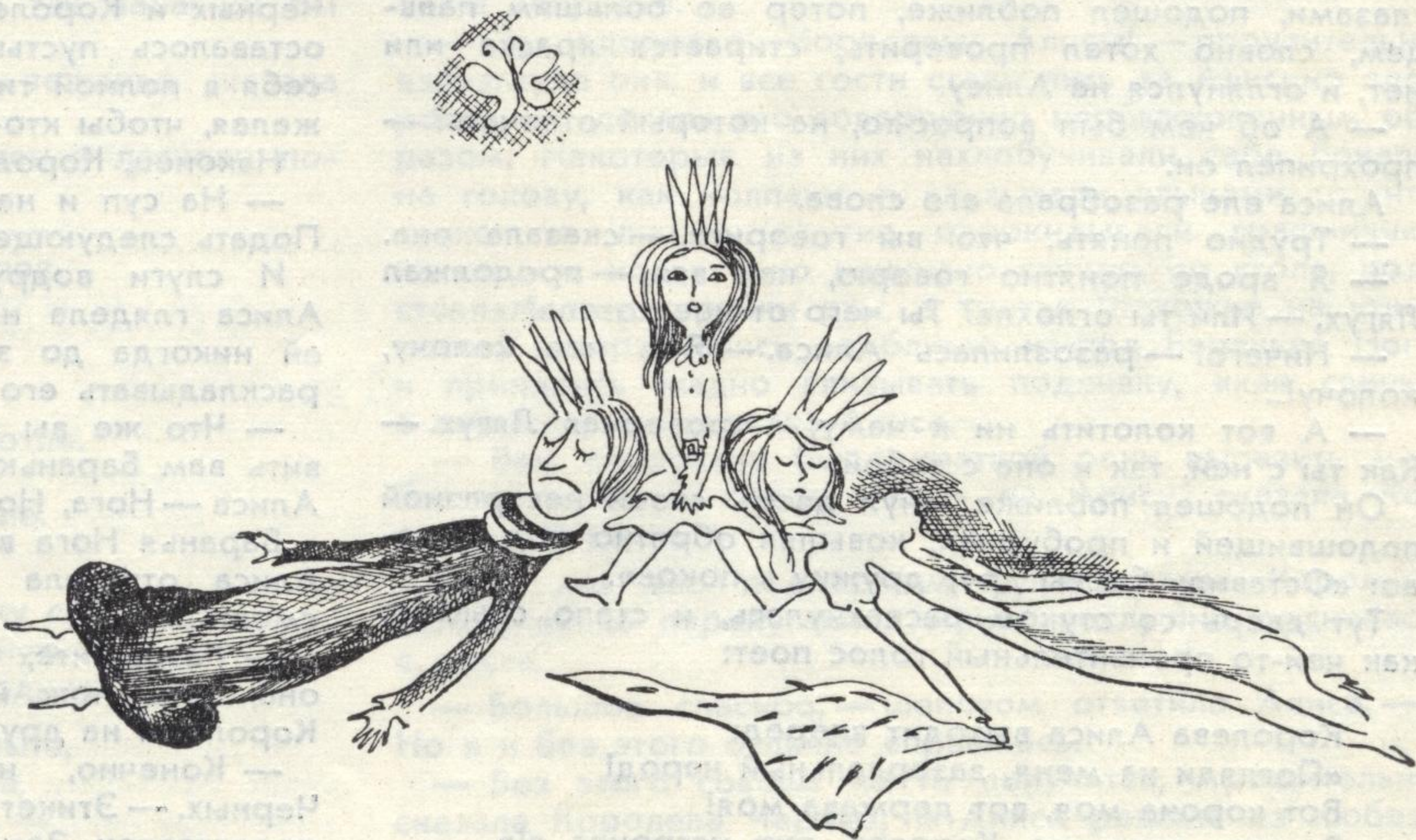
Не готов еще пир, и поспать перед ним

Можно нам и Алисе и всем остальным.

— Теперь вы знаете слова, — сказала она, положив голову на другое плечо Алисы, — пропойте их мне. Я тоже засыпаю.

И обе Королевы тут же мгновенно уснули, сладко и громко похрапывая.

— А мне-то что делать? — воскликнула Алиса, беспомощно оглядываясь, потому что сначала одна го-

лова, а потом и другая тяжело сползли с ее плеч на колени. «Держать на коленях сразу двух спящих королев — такого наверняка никогда не бывало. И во всей истории Англии быть не могло, потому что в Англии никогда не было двух королев сразу».

— Эй, вы, тяжеленные, проснитесь! — сердито продолжала она, но в ответ услышала лишь мелодичное похрапывание.

С каждой минутой оно становилось все отчетливей и напевней. Вскоре Алиса разобрала даже отдельные слова; она слушала так внимательно, что даже не заметила, как две тяжелые головы исчезли с ее колен.

Она стояла перед аркой, на которой большими буквами было написано: «КОРОЛЕВА АЛИСА». В глубине арки была дверь, а по обе стороны от нее висели ручкоятки дверных колокольчиков. На одной было написано «Для гостей», а на другой «Для слуг».

«Я подожду, пока допоят, — подумала Алиса. — А потом, в какой колокольчик прикажете мне звонить? Я не гость и не слуга. Надо бы повесить еще один колокольчик «Для королевы»...»

В это время дверь приоткрылась, в щель высунулся кто-то долгоносый и сказал: «Приема нет до последующей недели». И тут же дверь со стуком захлопнулась.

Алиса долго и безуспешно стучала в дверь и звонила; наконец, очень старый Лягух, сидевший под деревом, поднялся и заковылял к ней; он был одет в ярко-желтое и обут в огромные башмачищи.

— Чего стряслось, а? — спросил Лягух хриплым шепотом.

Алиса обернулась, готовая рассердиться на кого угодно.

— Где слуга, который отвечает за эту дверь? — гневно начала она.

— За какую дверь? — спросил Лягух.

Его неторопливая протяжная речь совершенно вывела Алису из себя.

— За эту, конечно!

Лягух поглядел на дверь своими большими тупыми глазами, подошел поближе, потер ее большим пальцем, словно хотел проверить, стирается краска или нет, и оглянулся на Алису.

— А об чем был вопрос-то, на который отвечать? — прохрипел он.

Алиса еле разобрала его слова.

— Трудно понять, что вы говорите, — сказала она.

— Я вроде понятно говорю, как все, — продолжал Лягух. — Или ты оглохла? Ты чего от нее хотела?

— Ничего! — разозлилась Алиса. — Я в нее колочу, колочу!..

— А вот колотить ни к чему, — проворчал Лягух. — Как ты с ней, так и она с тобой.

Он подошел поближе, пнул дверь своей несуразной подошвицей и пробурчал, ковыляя обратно под дерево: «Оставили бы вы друг дружку в покое».

Тут дверь со стуком распахнулась, и стало слышно, как чей-то пронзительный голос поет:

Королева Алиса выходит вперед:
«Погляди на меня, зазеркальный народ!
Вот корона моя, вот держава моя!
В честь всех нас, Королев, пир устроила я!»

И сотни голосов подхватили:

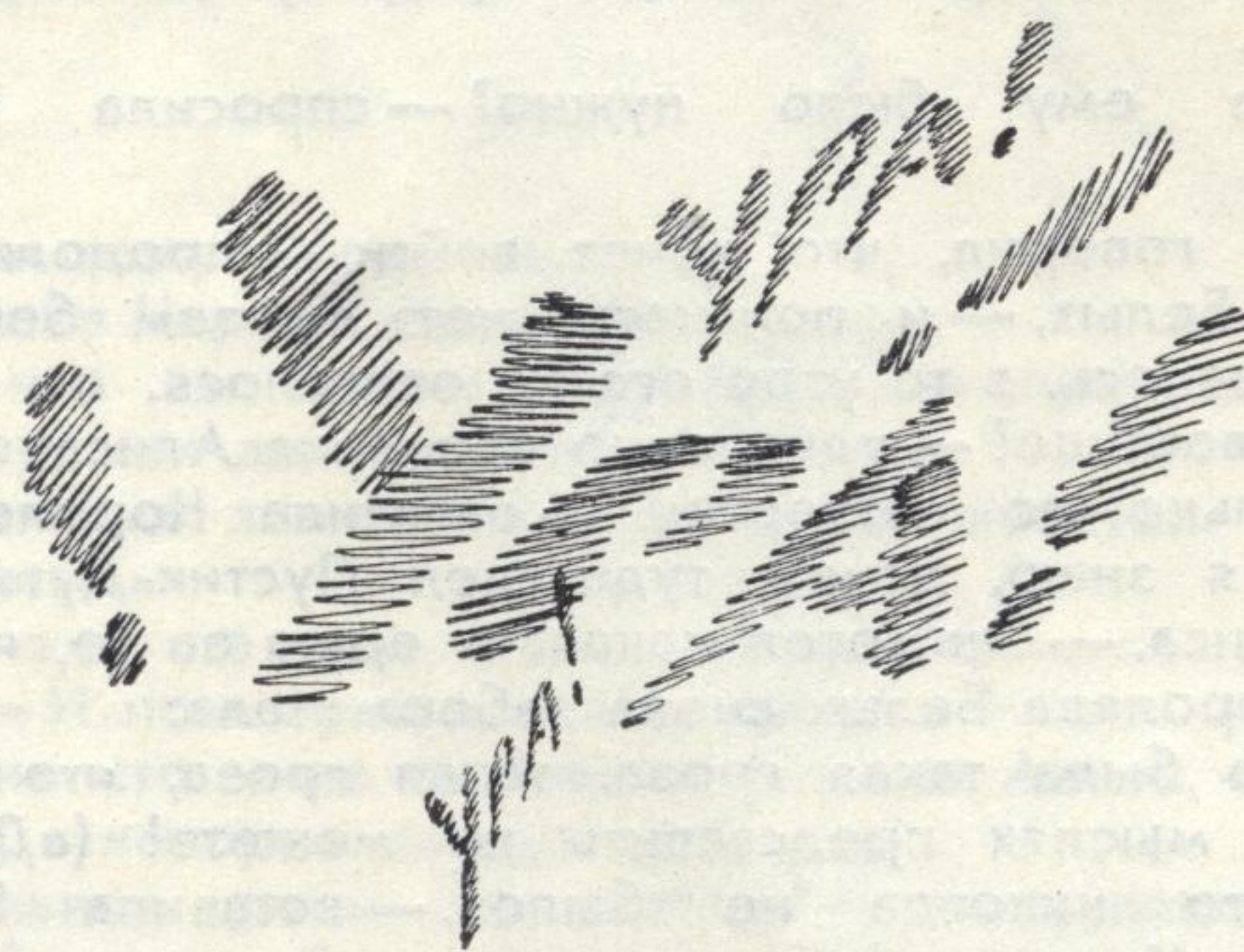
Так наполните чаши! Займите места!
В чайник суньте мышей, а в кофейник кота!
В честь Алисы Великой поем и пищим
Тридцатижды три раза «ура» прокричим!

Раздались нестройные приветственные клики. Алиса подумала: «Тридцатижды три — это будет девяносто. Интересно, кто-нибудь считает, сколько раз они кричат «ура»? Но тут все затихло и тот же пронзительный голос затянул второй куплет:

Королева Алиса сказала нам всем:
«Полюбуйтесь, как я замечательно ем!
Угощайтесь всем-всем, что стоит на столе,
В честь всех нас, Королев, и меня в том числе!»

А хор подхватил:

Поднимите же чаши чернил и песку!
Взворошите золу, шелуху и муку!
В честь Алисы Великой поем и пищим!
Девяностожды девять «ура!» прокричим!

«Девяностожды девять! — ужаснулась Алиса. — Это же никогда не кончится! Лучше я сейчас же войду...» И она вошла, и стоило ей появиться, как воцарилась мертвая тишина.

Проходя по большому залу, Алиса беспокоило окидывала взглядом сидящих за столом. Там было около пятидесяти гостей, самых разных: и звери были, и птицы, и даже цветы. «Как хорошо, что все пришли без приглашения, — подумала она. — Мне бы самой ни за что не догадаться, кого именно надо приглашать».

В конце стола было три почетных места. Королева Черных и Королева Белых заняли крайние, а среднее оставалось пустым. Алиса уселась на него, чувствуя себя в полной тишине весьма неловко и от всей души желая, чтобы кто-нибудь что-нибудь сказал.

Наконец, Королева Черных начала разговор.

— На суп и на рыбу вы опоздали, — заявила она. — Подать следующее блюдо!

И слуги водрузили перед Алисой баранью ногу; Алиса глядела на нее в замешательстве, потому что ей никогда до этого не приходилось делить мясо и раскладывать его гостям.

— Что же вы застеснялись? Позвольте мне представить вам Баранью Ногу, — сказала Королева Черных. — Алиса — Нога, Нога — Алиса.

Баранья Нога встала на блюде и слегка поклонилась. Алиса ответила тем же, не зная, пугаться ей или смеяться.

— Разрешите, я отрежу вам по ломтику? — сказала она, взяв нож и вилку и переводя взгляд с одной Королевы на другую.

— Конечно, нет, — решительно сказала Королева Черных. — Этикет не позволяет резать того, кто вам представлен. Замените блюдо!

И слуги унесли Баранью Ногу, а на ее место поставили огромный пирог.

— Пожалуйста, не представляйте его мне, — торопливо воскликнула Алиса. — А то мы вовсе без обеда останемся. Разрешите, я вам положу?

Но Королева Черных грозно нахмурилась и прорычала: «Пирог — Алиса, Алиса — Пирог! Уберите Пирог!» И слуги унесли Пирог так быстро, что Алиса даже не успела ответить на его поклон.

Однако никто не сказал, что тут может распоряжаться только Королева Черных, и Алиса, решив посмотреть, что получится, крикнула: «Слуги! Вернуть Пирог!» И в тот же миг Пирог оказался на столе, словно по волшебству. Он был такой громадный, что впору было оробеть перед ним, как перед Бараньей Ногой, но Алиса все же преодолела робость, отрезала ломоть и подала его Королеве Черных.

— Какая наглость! — сказал Пирог низким утробным голосом. — Ах ты невежа! Как бы тебе понравилось, если б от тебя ломоть отрезали?!

Алиса лишилась дара речи. Она раскрыла рот, посмотрела на Пирог и села.

— Изволью заметить, — сказала Королева Черных, — что, беседуя с пирогами, вы ставите себя в смешное положение.

— Вы знаете, мне сегодня столько стихов прочли, — начала Алиса и тут же испугалась, потому что, стоило ей заговорить, как все замолкли и воззрились на нее. — И я... то есть мне пришла в голову забавная мысль: так или иначе в каждом стихотворении что-нибудь да было про рыбу. Вы не знаете, почему здесь все так любят рыбу?

Она обращалась к Королеве Черных, но та уклонилась от прямого ответа.

— Что касается рыбы, — медленно и важно сказала она, склонившись к Алисиному уху, — что касается рыбы, ее белое величество знают премилую загадку — всю стихами и всю про рыбу. Не соизволите ли послушать?

— Ее черное величество были необычайно любезны, упомянув об этом, — промурлыкала Королева Белых Алисе в другое ухо. — Это было бы так забавно! Вы разрешите?

— Пожалуйста. С удовольствием, — вежливо сказала Алиса.

Королева Белых радостно засмеялась и ласково потерлась об Алисину щеку. И начала:

Щуку поймать не штука —
Поймает любой дурачок.

Щуку купить не штука —
Есть у меня пяточок.

Щуку сварить не штука.
Глядь — уж она и в котле.

Щуку подать не штука.
Миг — и котел на столе.

Не штука щуку и вынуть,
Осталось лишь крышку снять.
Но крышку никак не сдвинуть —
Ни сдвинуть, ни приподнять.

Умерь-ка теперь свою прыть,
Сядь и подумай. Ну-ка,
Скажи, что легче открыть —
В чем штука или то, в чем щука.

— Минута вам на раздумье — отгадывайте, — сказала Королева Черных. — А мы тем временем выпьем за ваше здоровье.

— За здоровье Королевы Алисы! — пронзительно взвизгнула она, и все гости стали пить за Алисино здоровье, но делали это совершенно необыкновенным образом. Некоторые из них нахлобучивали себе бокалы на голову, как колпаки, и слизывали языками то, что текло по лицам, другие опрокидывали графинчики на стол и, когда вино начинало стекать со стола, подставляли под струйки рты, а третьи (похожие на утконосов) вскарабкались на блюдо из-под Бараньей Ноги и принялись жадно слизывать подливку, «как свиньи в корыте», — подумала Алиса.

— Вам следовало бы в краткой речи выразить мне благодарность, — строго глядя на Алису, сказала Королева Черных.

— А мы вас поддержим, — прошептала Королева Белых, когда перепуганная Алиса послушно поднялась с места.

— Большое спасибо, — шепотом ответила Алиса. — Но я и без этого отлично справлюсь.

— Без этого совсем не то получится, — решительно сказала Королева Черных, и Алиса решила из любезности подчиниться.

(«И тут они как нажали с боков! — рассказывала потом Алиса старшей сестре. — Словно хотели в лепешку меня раздавить!»)

Тщетно старалась Алиса удержаться на месте. Королевы нажимали так, что она уже едва касалась ногами пола.

— Я поднялась, чтобы выразить благодарность... — начала она и повисла в воздухе; силась протиснуться между Королевами и снова стать на пол, она схватилась за край стола.

— Берегитесь! — пискнула Королева Белых, обеими руками цепляясь за Алисины локоны. — Ой, что сейчас начнется!

И тут (так потом говорила Алиса) началось! Свечи вмиг выросли до потолка и закачались, как камышинки с пылающими метелками. Бутылки подхватили по паре тарелок, замахали ими, как крыльями, вместо ног приставили себе вилки и пошли шататься по столу. «Они же словно птицы», — еще успела подумать Алиса среди начавшейся кутерьмы.

Откуда-то сбоку раздался хриплый хохот. Алиса оглянулась на Королеву Белых, но той не было, а на ее месте расселась Баранья Нога.

— Тут я! Тут! — раздался голос из суповой миски. Алиса повернулась в тот момент, когда добродушное лицо Королевы Белых улыбнулось ей над краем миски, и тут же Королева нырнула в суп.

Нельзя было терять ни секунды. Кое-кто из гостей уже разлегся на блюдах, а разливательные ложки понесли по столу прямо на Алису, еще издали покрикивая: «С дороги! С дороги!»

— Я этого больше не потерплю! — крикнула Алиса, вскочила, схватила скатерть и дернула изо всех сил. Тарелки, блюда, гости, свечи кучей посыпались на пол.

— А вас!.. — и Алиса гневно обернулась к Королеве Черных, которую сочла зачинщицей всего этого озорства... Но Королевы Черных на прежнем месте не было. Она вдруг уменьшилась до размеров куклы и кругами, кругами весело носилась по столу, ловя волочащуюся за ней шаль.

В другое время Алиса подивилась бы этому, но сейчас она была слишком разгневана, чтобы чему-то еще удивляться.

— А вас!.. — повторила она, хватая злополучное создание в тот момент, когда оно прыгнуло на катящуюся по столу бутылку. — Вас я буду трясти, покуда вы у меня не превратитесь в котенка!

Глава десятая

ПРЕВРАЩЕНИЕ

С этими словами она подняла Королеву Черных над столом и стала трясти изо всех сил.

А Королева и не сопротивлялась. Только личико у нее стало маленьким-маленьким, а глаза большими и

зелеными. Алиса трясла ее, трясла, а она становилась все меньше, все мягче, все круглее и превратилась...

Глава одиннадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...в черного котенка. И не в Зазеркалье, а наяву.

Глава двенадцатая

КОМУ ЖЕ ЭТО ВСЕ ПРИСНИЛОСЬ?

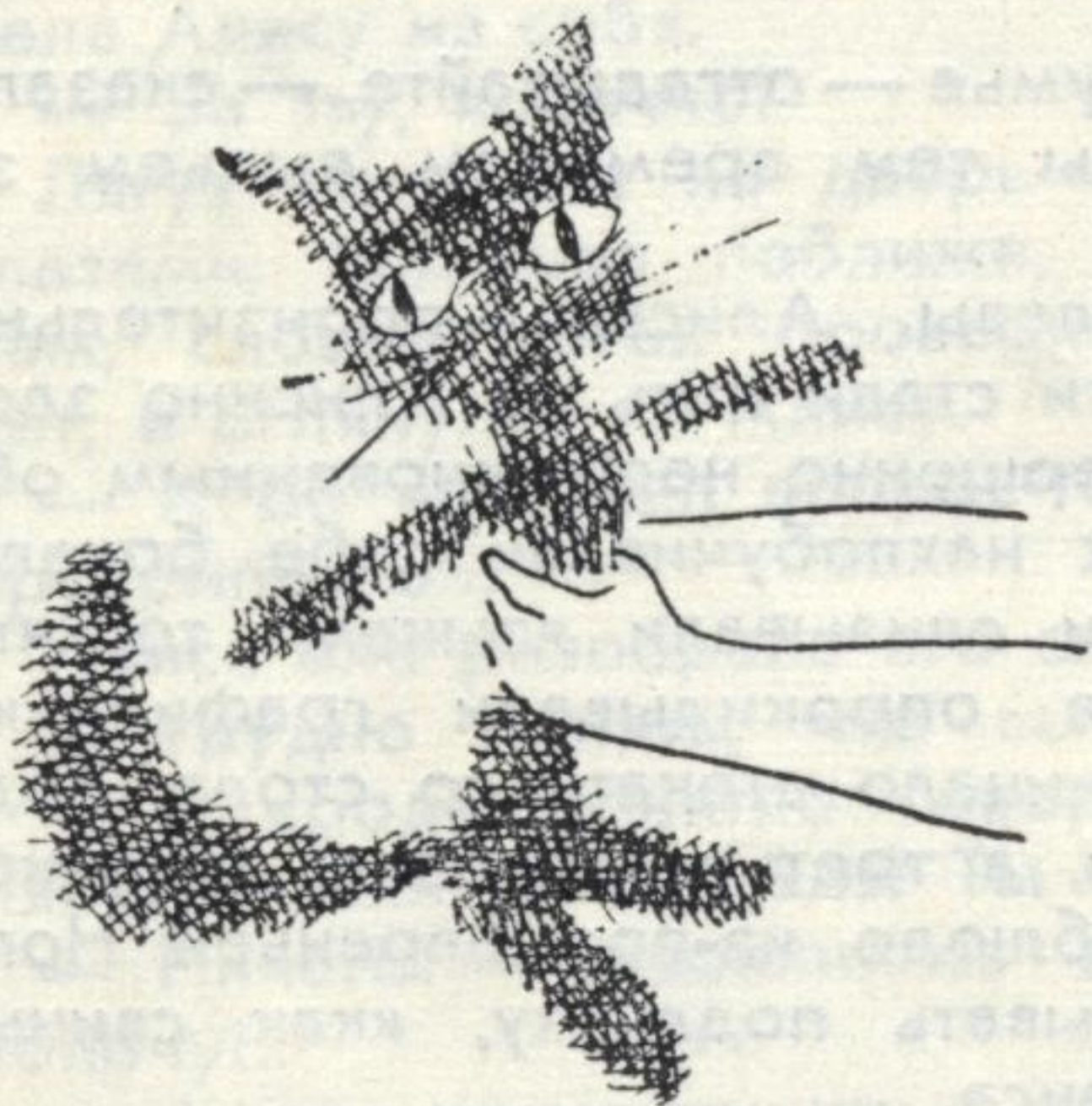
— Ваше черное величество, вам не следует так громко мурлыкать, — почтительно, но с оттенком строгости обратилась Алиса к котенку, протирая глаза. — Кис-кис, ты не дал мне досмотреть такой прекрасный сон! Я была в Зазеркалье, и ты все время был вместе со мной. Уж ты-то об этом знаешь, не правда ли?

У котят есть одно огорчительное свойство (и Алиса как-то об этом говорила): что им ни скажи, в ответ они всегда мурлычут. «Хоть бы они вместо «да» мурлыкали, а вместо «нет» мяукали, — говорила она, —

или придумали другое какое-нибудь правило, чтобы с ними можно было побеседовать! Но как можно говорить с тем, кто вечно повторяет одно и то же!»

И на этот раз котенок в ответ замурлыкал. И невозможно было понять, то ли он мурлычет «да», то ли он мурлычет «нет».

Тогда Алиса отыскала среди шахматных фигур на столе Королеву Черных, взяла ее, стала коленками на каминный коврик и дала котенку и Королеве поглядеть друг на друга.

— Ну, Кис-кис, — торжествующе хлопнула она в ладоши, — признавайся! Ты в нее превращался!

(«Но он не хотел смотреть на нее, — рассказывала она потом старшей сестре, — он отворачивался и притворялся, что не видит. Я чувствовала, что ему было немножко стыдно. Значит, он наверняка превращался в Королеву Черных»).

— А ну-ка, сядь, как следует, на задние лапки! — со смехом воскликнула Алиса. — И делай реверансы, пока придумываешь, что промурлыкать! Это сэкономит нам время! Помнишь?

И она поймала котенка и поцеловала, за то что он был Королевой Черных.

— Снежинка, малышка! — продолжала она, оглянувшись на белого котенка, который терпеливо дожидался окончания своего туалета. — Когда же Дина приведет, наконец, в порядок ваше белое величество? Так вот почему вы приснились мне в неаккуратном виде! Дина! Ты знаешь, ты уперлась лапой в нос Королеве Белых! Какая непочтительность!

— А скажи мне, Дина, в виде кого ты снилась мне сама? — Алиса пристроилась на полу поудобней, поставила локоть на коврик и оперлась подбородком на

руку, чтобы наблюдать за котятами. — Наверное, в виде Пустика-Дутика? Может быть, и так, но я в этом не уверена, и ты пока лучше никому этим не хвастайся.

— Кстати, Кис-кис, если только ты действительно был со мной там, ты, наверное, был рад-радешенек, когда мне читали столько стихов и все про рыбу. Ну погоди, завтра утром мы устроим представление! Тебе дадут на завтрак каши, а я буду читать наизусть «Моржа и Плотника». А ты будешь воображать, что глотаешь устриц!

— Но самый главный вопрос, Кис-кис, кому же это все приснилось? Не лижи лапку, не притворяйся, будто тебя не умывали! Это должно было сниться или мне или Королю Черных. Конечно, я видела сон отчасти про него, но ведь он тоже видел сон отчасти про меня. Кис-кис, это снилось Королю Черных? Раз ты изображал Королеву Черных, ты должен помочь мне разобраться! Твоя лапка подождет!

Но этот негодный черный котенок уже принялся лизать другую лапку, словно и не слышал вопроса. Так кому же это все приснилось, как вы думаете?

Перевел с английского Александр Щербаков

Т Е Н И

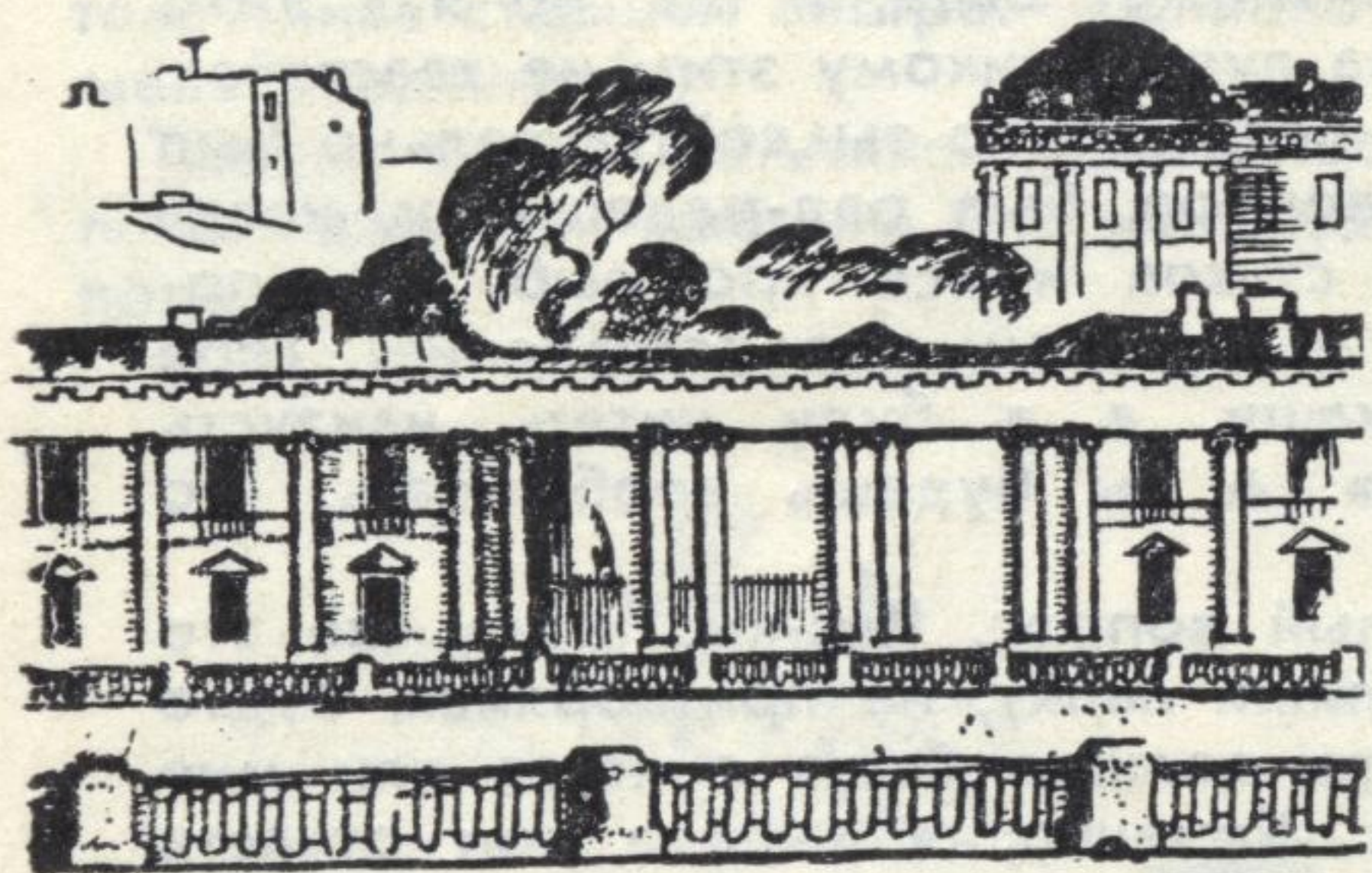
Спускается солнце —
И тени длинней.
Трусливый характер
У этих теней:
Подальше
От клена,
От вербы,
От хаты
Они уползают
В пору заката.
И тянутся тени
От солнышка прочь
В тот край,
Из которого явится ночь.
И как по тропинкам,
По синим теням
Вечерние сумерки
Двинутся к нам.

И тени, как водится,
Все до одной
Сольются, смешаются
Стьмою ночной.

Но как только вспыхнет
Над миром рассвет,
За тьмой уходящей
Потянутся вслед
С востока на запад,
От солнышка прочь,
Туда, где от света
Скрывается ночь.
Как руки, протянутся
К тающей мгле,
Стараясь
Ее удержать на земле.

Потом,
Чем сильнее разгорается
день,
Короче становится
Каждая тень.
Под клен уползает,
Под вербу,
Под хату
И сумрачно ждет
Приближенья заката.
Чтоб синюю руку
Ему протянуть
И ночи
На запад
Указывать путь.

Е. Фейерабэнд

Наш кружок ПОЭЗИИ

Пять лет я веду кружок юных поэтов в литературном клубе «Дерзание» при Ленинградском Дворце пионеров. Каждую осень к нам приходят новые ребята, ученики старших классов. В тетрадях, блокнотах и на отдельных листках они приносят стихи. По желанию автора стихи читаются вслух и обсуждаются всем коллективом.

Обсуждение не обходится без споров. Ведь недаром один из наших кружковцев Гена Григорьев писал в своем стихотворении: «Если головы — разные головы, непохожие до невозможного».

Мы стараемся вести разговор так, чтобы критика была принципиальной, не обижала автора напрасно. Это помогает ребятам не только развивать свои способности, но и по-настоящему дружить.

У нас существует такое правило: занятия в кружке — отдача в школе. Ребята охотно устраивают в школах поэтические вечера, организуют литературные анкеты, викторины.

Вот что пишет в письме о своем первом чтении стихов в Суворовском училище десятиклассник Геннадий Лесневский: «Зал полон зрителей. И вот ведущий-весельчак выходит на сцену и говорит:

— Товарищи, показ фильма задерживается (хотя в кинобудке все готово), и вам один поэт будет читать стихи.

Я сижу и встать не могу. А ребята хлопают. Вышел. И вдруг так тихо стало. Смотрю в зал — полумрак. Сцену освещает прожектор. И я начал. А в зале тихо-тихо, и слова, кажется, поглощаются каждым. Я прочел одно. Кричат: «Еще!» Я прочитал еще. И слушали. И как слушали... Как полюбил я всех в это время...»

Суворовцы пришли в наш кружок в прошлом году: Володя Филиппов

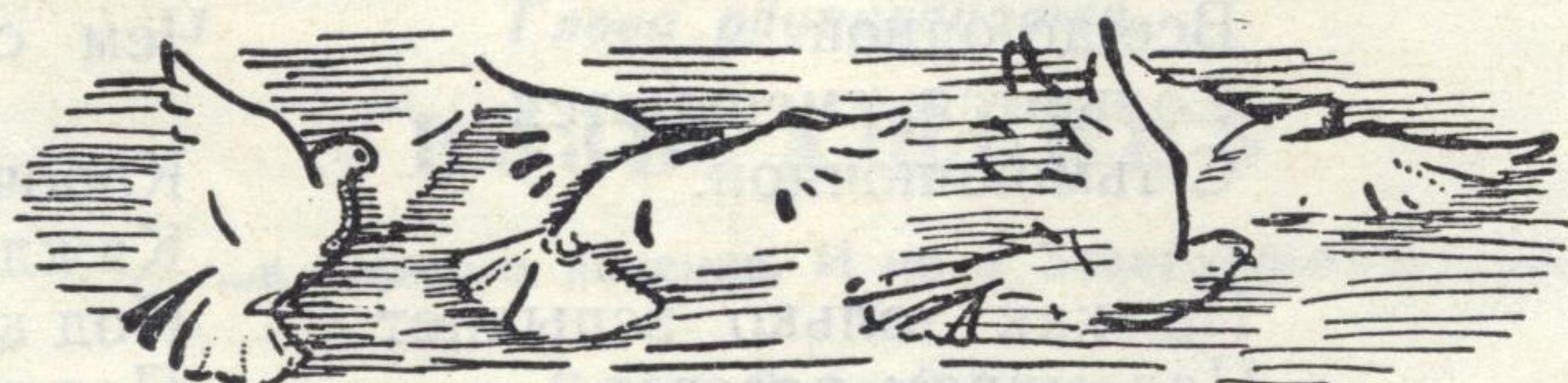
увлекался стихами и прозой, Игорь Гурков сочинял короткие басни. «Штурмом взяли дворец», — шутили ребята. Но на первых занятиях еще чувствовали себя скованно, стеснялись читать стихи, задавать вопросы. И только одиннадцатиклассник Саша Михальцов рвался в бой, горячо спорил с ветеранами.

Саша закончил Суворовское училище и продолжает военное образование в Киеве. Но по-прежнему присылает нам свои стихи.

Михальцов не единственный, кто, выйдя из школьного возраста, сохранил связь с кружком. На занятиях постоянно присутствует и делится своим опытом кто-нибудь из выпускников. Это стало традицией.

Таня Котович, Таня Калинина, Саша Шумилов — в прошлом победители областных турниров среди школьников. Сейчас обе Тани — студентки Ленинградского университета (филфака), а Саша Шумилов призван в армию. Наташа Гуревич учится в ЛИСИ. Лена Барбарович — студентка 3 курса ЛИИЖТа, недавно получила первую премию на поэтическом конкурсе к 50-летию комсомола. И для всех этих девушек и юношей Дворец пионеров остался родным домом.

*Руководитель кружка юных поэтов Ирина Малярова
Рисунки В. Бродского*

А НЕБО ГОЛУБОЕ...

А небо голубое, как в кино,
И тишина на Пулковских высотах.
А во дворах играют в домино.
И пчелы наполняют медом соты.

На Пискаревке душно от весны,
И запахи сирени в сердце льются.
И дети, что не видели войны,
Сражаются на палках и смеются.

От голубей на площадях бело,
Им люди хлебных крошек набросали.
И на душе становится светло
От этой мирной голубиной стаи.

Но на земле еще не кончен бой.
И запах серы в грохоте орудий.
Напомнит в дни салютов над Невой,
Чтоб о войне не забывали люди.

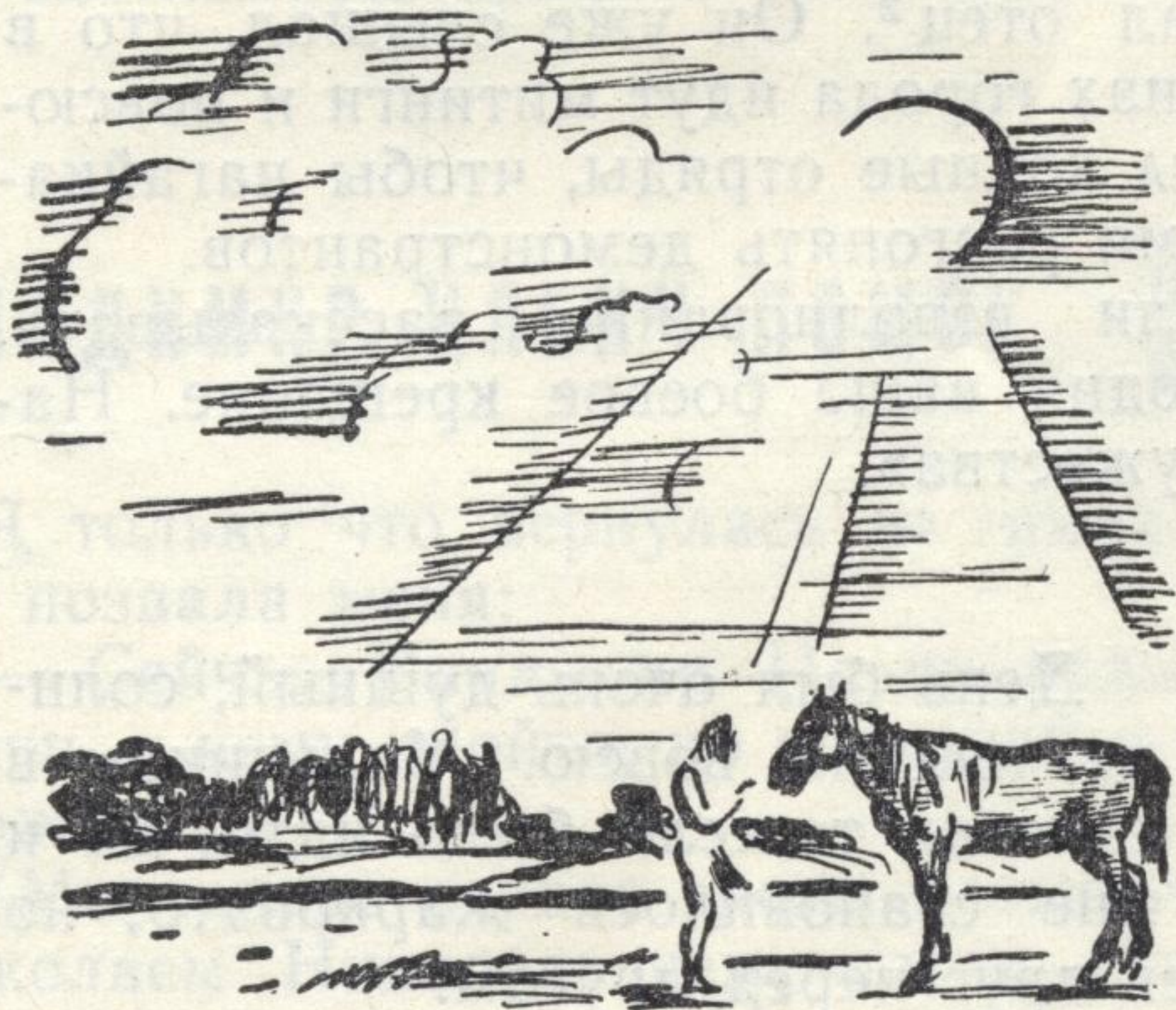
Александр Михальцов

* * *

Я распрягу усталого коня,
Когда жара сгущается, как лава;
И на ладонях солнечного дня
Неспутанным пушу его по травам.

Он не помчится вихрем по полям
Туда, где тень под крышами заснула...
Мы булку с ним разделим пополам,
Что мама мне с собою завернула.

И из ручья, холодного, как лед,
Напьемся вдоволь, намочив ресницы...

Нас приласкает добрый небосвод,
Нам прощечуют маленькие птицы.

И конь пойдет, копытами стуча,
Играя и махая светлой гривой...
И нам еще простора два часа,
А время в полдень так неторопливо.

И я усну в ладонях жарких дня,
В душистую траву уткнувшись
носом...

Как я люблю и солнце, и коня,
И золотое время сенокоса!

Люба Юдина, 10 класс

ПТИЦЫ

Я не верю, что умирают птицы,
Они не умирают, нет.
Они только улетают. Улетают навсегда
И не возвращаются.
Ты видел, как выются чайки'
Над морем в ясную погоду?
Плавно и нежно парят они
В бездонной чистоте неба,
А море волнуется и пенится под ними:
Синее, глубокое, умное и нежное.
Да, птицы не умирают.
Знаешь, что делает горный орел,
Когда становится стар?
Сложив крылья, камнем бросается он в пропасть.
Грудью о скалы.
Гордая душа его сурова:
Он не терпит жалости!
Никто не видит его гибели,
Но все видят полет...
Птицы не умирают!
И стальные птицы в годы испытаний
Отчаянно и бесстрашно
Носились в грохочущем небе.
А потом скрывались за кромкой дальнего леса,
Оставляя огненный след...
А матери получали
Маленький белый лист
С несколькими словами:
«Пропал без вести...»
И не верили, что убит...
Ждали.
...Нет, птицы не умирают!

Елена Субботенко, 10 класс

КОРОТКИЕ БАСНИ

ЛЕВ И КРОЛИК

Лев Кролика ловил,
Но не поймал.
Тот был увертлив,
Хоть и мал.
Но Лев иначе объяснил причину:
«Мне с мелочью возиться не по чину!»

ФЕДОТ И КЛИМ

Федот на Клима
Зол, как волк,
За то, что сам
Отдать не может долг.

Игорь Гурков, суворовец,
10 класс

КАК МЫ НАЧИНАЛИ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Т. Неслуховская

Рисунки К. Савкевич

ЧЕМ ЗАПОМНИЛАСЬ ОСЕНЬ 1905 ГОДА

Спереди окрики, задние ряды напирают, солдаты перегородили дорогу.

Какой-то человек взобрался на фонарный столб. Его слов не разобрать было, но раздался резкий сухой звук — и человек с фонаря упал. Едва мы успели понять, что слышали выстрел, что человека убили (или ранили?) — так вот, просто! — как раздались новые команды, опять, выстрелы, гул голосов. Люди стали разбегаться.

Мама схватила меня с младшими — Марусей и Сережей — и, прижимая к себе, пыталась выбраться из толпы. Тут рядом вздыби-

лась перепуганная лошадь извозчика. Маме как-то удалось посадить нас в его пролетку, самой

вскочить на подножку: «Поезжай скорей, видишь — дети!» — лошадь стала пятиться, но извозчик рывком сумел выехать в боковую улицу, приговаривая: «Ну и дают свободу...»

Дома ждал отец². Он уже слышал, что в разных районах города идут митинги и повсюду разосланы конные отряды, чтобы нагайками и шашками разгонять демонстрантов.

Мы начали взволнованно рассказывать. «Что ж, сегодня ваше боевое крещение. Набирайтесь мужества».

ЧТО БЫЛО ЛЕТОМ

Летом нас отправили на дачу в Лугу.

К нашему соседу Платону из города часто приезжали товарищи. Иногда они между собой спорили, о чем-то шептались.

И вот они предложили мне идти с ними в деревню «митинговать».

— Прстив царя? Согласна!

Мы постарались одеться не по-городскому: мальчики — в смазных сапогах, я — в платочке. Нам казалось, что такой маскарад поможет расположить к нам крестьян.

День был очень душный, солнце палило вовсю. Мальчикам в сапогах тяжело было идти, да и мне становилось жарковато; но

мы бодрились друг перед другом.

Пришли в деревню Турово и собрали сход. Старший из нас выступил, стал разносить царское правительство.

Крестьяне слушали с недоверием, старики — с пренебрежением. Один, выдавший, как я прятала листовку около колодца, узнал меня и стал гнать «девочку с косами».

Дома оказалось, что нас уже разыскивает полиция. Особой приметой снова была «девочка с косами». Пришлось срочно уехать в город.

„ГЕНЕРАЛ ПРИШЕЛ“

Осенью дядя Митя¹ попросил моих родителей временно предоставить в нашей квартире кабинет для занятий Владимиру Ильичу — он был тогда на нелегальном положении.

Однажды утром в передней раздался звонок. Мать сама открыла дверь: «Входите, мы вас ждем, Николай Николаевич». Я не была

в тот день в гимназии и видела, как вошедший, человек среднего роста, легкими, упругими шагами прошел за мамой через

полутемную переднюю в глубь квартиры.

Потом мы — молодежь — лишь изредка встречались с ним, когда он днем выходил выпить стакан чаю. Хорошо помню внимательный взгляд «Николая Николаевича». Коренастая фигура его в ладно сидящем костюме не бро-

¹ Дмитрий Ильич Лещенко, тот самый, который позже, летом 1917 года, сфотографирует в Разливе Владимира Ильича Ленина в парике для пропуска на имя рабочего Иванова.

² Полковник Константин Францевич Неслуховский, преподаватель Владимирского пехотного юнкерского училища. Он и его семья сочувствовали большевикам и активно им помогали.

салась в глаза, но в быстрых точных движениях всегда было что-то волевое. Не случайно вестовой отца с полной уверенностью в вы-

ском чине «Николая Николаевича» докладывал матери:

— Мария Николаевна, генерал пришел!

ПАЛЬТО НА КРОВАТИ

в спальне) — и начал было что-то быстро объяснять Владимиру Ильичу.

Собралось очередное совещание по издательским вопросам. Были Ленин, Крупская, Воровский, Бонч-Бруевич, Лещенко и другие.

Мать послала меня отнести в комнату графин с водой, а в это время поспешно вбежал один из опоздавших, на ходу сбросил пальто на застланную кровать (совещание проходило

Ленин резко перебил вошедшего и предложил отнести пальто на вешалку. И добавил, что надо уважать хозяев квартиры.

Я не раз слышала, что Владимир Ильич никогда не позволял себе какой-либо небрежности в отношениях с окружающими. А теперь и сама стала свидетельницей такого случая.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ПОМОГ

я хочу вступить в партию. Как это сделать?» — он внимательно на меня посмотрел и спросил, сколько мне лет.

Я только что вернулась из гимназии, и мама позвала меня:

— Сейчас Владимир Ильич отдыхает, можешь к нему пройти, но постарайся его не задерживать.

(Мы только первое время называли Ленина Николаем Николаевичем, потом стали звать по настоящему имени-отчеству).

В ответ на мое робкое: «Владимир Ильич,

— Скоро шестнадцать.

— В подполье рановато... К этому нужно серьезно готовиться. Надо приобрести необходимые революционеру знания.

В тот день у него была Надежда Константиновна. К моей радости, она предложила направить меня именно в ту организацию, о которой я уже слышала от товарищей.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Мне выдали двадцать революционных открыток и поручили продать у себя в гимназии — деньги в пользу партийной кассы.

Я старалась быть очень осторожной.

Взять одноклассницу под руку, пройти с ней во время перемены, иногда с книжкой, будто повторяя урок, пошептаться — девочки во-

обще охотно шептались, — в этом не могло быть ничего необычного.

Вдруг бедовая Зина Травина на уроке показала одну из моих открыток — на ней была карикатура — соседке Доре Спивак. Та взглянула и прыснула.

— Что у вас там такое? Госпожа Травина, покажите!

Учитель протянул руку, однако открытка исчезла так же быстро, как и появилась. Зина и Дора отделались замечанием. Но мой испуг!

СПОРЫ

В нашем классе училась Женя Газенфус. Она в кружок не вошла, считала, что придерживается особых каких-то взглядов, но мы доверяли ей и часто пользовались ее гостеприимством.

Помню, как-то мы общими силами вместе с нашим руководителем Володи Курбатовым доказывали ей, что пролетарская революция может победить только массовым восстанием.

— Женя, — кипятилась Зина, — ну какой смысл убивать отдельных плохих людей? Ведь на их место придут новые, а порядок останется прежним!

И она так стремительно вскочила, что с грохотом упал стул. — А невинные жертвы подвергаются опасности, — морщась, проворчала Ася Сегаль, поднимая злополучный стул, который больно ушиб ей ногу.

ПЕСНИ

Нам не хочется расходиться.

«Таня, покажи новую песню, зачем прячешь?» — «А время еще есть?» — «Есть еще», — успокаивает хозяйка Женя.

Сегодня я принесла песню «Слезам залит мир безбрежный».

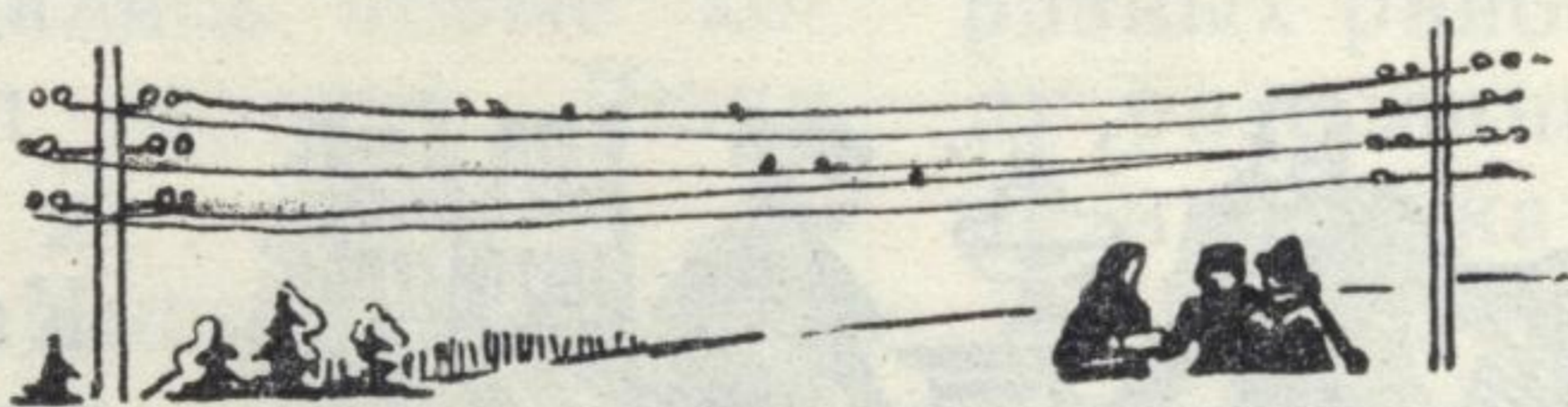
Особенно нам нравится четвертая строфа:

*«Смелей, друзья! Идем все вместе!
Рука с рукой, и мысль одна!
Кто скажет буре: «Стой на месте»?
Чья власть на свете так сильна?»*

— В какое интересное время мы живем, — вырывается у Зины.

— В страшно трудное, — добавляет задумчиво Вера.

РАЗВЕ ТАК МОЖНО?

На зимние каникулы я уехала к родным в Брест-Литовск. Но мой кружок должен собраться у Жени. И я шлю в Петербург на Женин адрес новогоднее поздравление!

Точно теперь текста не помню, но были там какие-то весьма прозрачные пожелания успеха в борьбе, почти революционные призывы.

И здорово же влетело мне от кружковцев, когда я вернулась! И за дело...

САПОГИ

Юнкер Савельев разговорился, признался, что его товарищи прямо задыхаются — в училище нельзя получить верных сведений о политических событиях, газеты поступают только самые реакционные, книг нужных тоже нет.

Осторожно я принялась его расспрашивать. Савельев ручался за своих ближайших друзей. И я пошла на риск: предложила помочь им найти руководителя для политического кружка.

Через несколько дней я могла уже написать записку: «У фонаря на Гребецкой, в субботу...» — записку вложила в книгу и вручила книгу Савельеву, когда он пришел к отцу. Савельев подчеркнуто поблагодарил — значит, понял.

В субботу вечером была неприятливая погода, накрапывал дождь, — тем лучше: народу на улице меньше. Отправилась из дома якобы к подруге. У ворот стояла полосатая будка, перед ней расхаживал часовой. Дальше — туман. Иду не торопясь, напряженно вглядываюсь.

Савельев на месте. В штатском пальто — где он только его достал? — с поднятым воротником.

В луже играют блики от фонаря — и вдруг, не успев еще заговорить, я вижу в этой предательской луже отражение солдатских сапог, не скрытых пальто!

Скорей отвожу Савельева в тень, даю явку к Георгию Сабину, и свидание закончено.

Под руководством Георгия кружок юнкеров стал регулярно заниматься.

ЗНАМЯ

Весной 1907 года нам с товарищем Валентином из десятой гимназии дали поручение:

позаботиться о знамени для первоймайской демонстрации.

Кумач для знамени надо было покупать небольшими кусками в разных магазинах, чтобы не вызвать подозрений. Наша незаменимая связная Дебора

Жив, ловкая и незаметная, и Валентин отправились «промышлять» по городу.

Куски материи предстояло сшить в одно полотнище. Мы с сестрой Марусей договорились шить его на квартире у надежных друзей. Большого стола не было. Что делать, —

садимся на пол, расстилаем материал. Надо сметать все эти куски, не сдвигая швы. Ползаем по полу, дело не очень-то спорится. А времени уже в обрез.

Заходит нас проведать Валентин. «Есть еще иголка?»

Втроем быстро все заканчиваем.

ВАЛЕНТИН—АГИТАТОР

Настоящее имя Валентина было Гриша. Гриша Вейнбаум.

Он был старше и опытнее нас, и ему все чаще приходилось выступать перед рабочими.

Во время одной летучки на «Айвазе» завод неожиданно оцепили, в проходной полиция стала проверять документы. Как быть? Раздумывать некогда, и рабочие спешно вывели

через высокий забор на пустырь.

Хотя Валентин упал в снег, но довольно сильно расшибся и с трудом дошел до Квасковых, где сестра Феди, медичка, оказала ему первую помощь.

Вечером он как ни в чем не бывало пил у нас чай.

Валентина на задний двор, там раскачали своего агитатора за руки и за ноги и перебросили

ДОСТАЕМ ШРИФТ

Женя Пашуканис и Федя Квасков сумели организовать кружки ремесленников — портных, шапочников, учеников типографии. Среди них были смелые ребята, они для Феди не раз выносили из типографии шрифт.

Как-то один из типографских учеников увлек-

ся и набил столько шрифта в карман, что карман подозрительно оттопырился и привлек внимание хозяина.

Но парень не растерялся, стал хныкать, что за весь день не успел съесть завтрак, вот, мол, он у него до сих пор с собой, — и при этом постарался затесаться в толпу товарищей и юркнул за дверь.

РАСПРОСТРАНЯЮ БИЛЕТЫ

Елена Николаевна Лещенко работала в финансовой комиссии большевистского партийного комитета. Она поручила мне продать билеты на лекцию-концерт, сбор с которого предназначался для партийных нужд.

На следующий день, после обхода всех «точек», у меня осталось еще три билета. Я вошла в большой новый дом на Каменноостровском проспекте, позвонила у нарядно обитой двери.

Прислуга отправилась доложить, и сразу же я услышала чей-то недовольный голос: нечего, мол, всех пускать. В это время из коридора вышла старушка, скромно одетая, и

шепотом быстро проговорила:

— Уходите, деточка, здесь вы ничего не получите! —

и сунула мне в руку сложенный рубль. — Берите, берите, я знаю, — вы собираете на доброе дело.

Несколько озадаченная, я вышла, и дверь за мной захлопнулась.

Но билеты-то по-прежнему были у меня! Я прошла несколько домов, и тут мне приглянулся небольшой белый особнячок. Открыл швейцар — великан неприступного вида. Однако он согласился предложить своим господам билеты в пользу бедных детей и сирот и ушел наверх по широкой, устланной ковром лестнице, а меня оставил созерцать барский вестибюль.

Швейцар скоро вернулся и вынес деньги — заплачено было даже больше, чем следовало. У кого же я побывала? Когда я дома опи-

сала особняк, старшие рассмеялись. Оказалось, что там живет ни более ни менее как бывший премьер-министр граф Витте.

ПОСЛЕДНЯЯ МАЕВКА

Маевку назначили в Сосновке. По дороге у нас были выставлены патрульные, — они для отвода полицейских глаз, но и не без озорства, накупили самых черносотенных газет и делали вид, что читают, а сами незаметно указывали дорогу.

Только собрались на небольшой поляне, как появились два незваных гостя, молодых

анархиста. Вскочив на пенек, они стали кричать: доллой большевиков! Рабочим нужны не книжки, а револьверы и бомбы! Бей фараонов! Громи банки!

Реалист Глеб (Н. Яковлев) с того же пенка немедленно ответил:

— Револьверы и бомбы очень нужны рабочему классу, но их нужно беречь как зеницу ока, — пока партия не призовет нас на баррикады!

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

«Хотела бы, чтобы в Совет вошла известная гимнастка Наталия Кучинская и чтобы она рассказала о себе как можно больше...» (Алла Гвызина. Станция Атогай, Талды-Курганская область. Казахстан).

«В нашем классе десять девочек, и всем нам по душе выступления Наташи Кучинской. Мы видели по телевизору, как Наташа сорвалась с бревна. Но она — молодец! Не упала духом... Напечатайте, пожалуйста, рассказ Наташи и ее фотографию» (7 «б» класс, село Екатериновка, Приморский край).

«Хочу как можно больше узнать о моей любимой спортсменке Наталии Кучинской...» (Валя Гасперт, Чернигов).

«По-моему, с детства надо готовиться к трудной и интересной профессии. Как знать, к чему есть талант?» (Таня Коротких, Кировская область).

На имя Наталии Кучинской в редакцию пришло немало писем. Ребята любят Наташу, желают ей успеха в предстоящем первенстве мира по спортивной гимнастике.

Итак, Совет друзей пополнился. На вопросы ребят отвечает Наташа Кучинская.

— Когда я начала заниматься гимнастикой?

— Первый раз пришла в школьную секцию гимнастики, когда училась в пятом классе. Мне повезло: тренировала нас тогда Клавдия Герасимовна Жердева. Прекрасный педагог. Я полюбила ее на всю жизнь...

Класс наш можно было назвать неспортивным, но через два года от его неспортивности не осталось и следа. А я к этому времени получила даже первый разряд.

Спортивная гимнастика не сразу стала моим «коньком». Я хотела попробовать свои силы в разных видах спорта. Сначала записалась в шесть секций и четыре кружка. Выдержало проверку временем только увлечение спортивной гимнастикой.

— Почему мне тогда нравилась математика?

— Иной раз бьешься над задачкой, готова уже отступить, но приходит решение, единственно правильный ответ, и ты счастлива, счастливее тебя нет!

Привычка решать трудные математические задачи помогает и в гимнастике. И на помосте случается так — отступить некуда, или поздно, или самолюбие не позволяет.

В школе бывало так. Тренер возражает против спортивной перегрузки. Значит, надо отказаться от общеклассного кросса, от выступления в бассейне... Директор школы разрешает освободиться от дежурств по школе... Я отказывалась от поблажек, мне казалось нечестно поступать иначе. Я настаивала: «Буду делать, как все».

Вопрос Тани Коротких: «**Можно ли узнать, к чему есть талант?**» — вопрос серьезный.

В детстве мы с сестренкой Мариной ни в каких талантах замечены не были: как все, скакали через веревочку, бегали взапуски. В раннем детстве мы с родителями бывали на многих спортивных состязаниях, и это не прошло бесследно, интерес к спорту окреп. К десяти годам мы с Мариной хотели уже посвятить себя спорту. С этим намерением и пришли в детскую спортивную школу...

Марина с детства тяготела и к музыке, всегда что-то напевала, училась игре на пианино. В пятом классе я «заодно» записала ее в секцию спортивной гимнастики. Некоторое время вместе посещали тренировки Клавдии Герасимовны. Но однажды Марина расплакалась и наотрез отказалась ходить в эту секцию: «Страшно, боюсь упасть. И с бревна, и с брусьев...» Победить страх невозможно, а мешает он в занятиях как ничто другое...

Марина ушла в художественную гимнастику и... стала чемпионкой мира. Как видите, решение надо принимать самостоятельно.

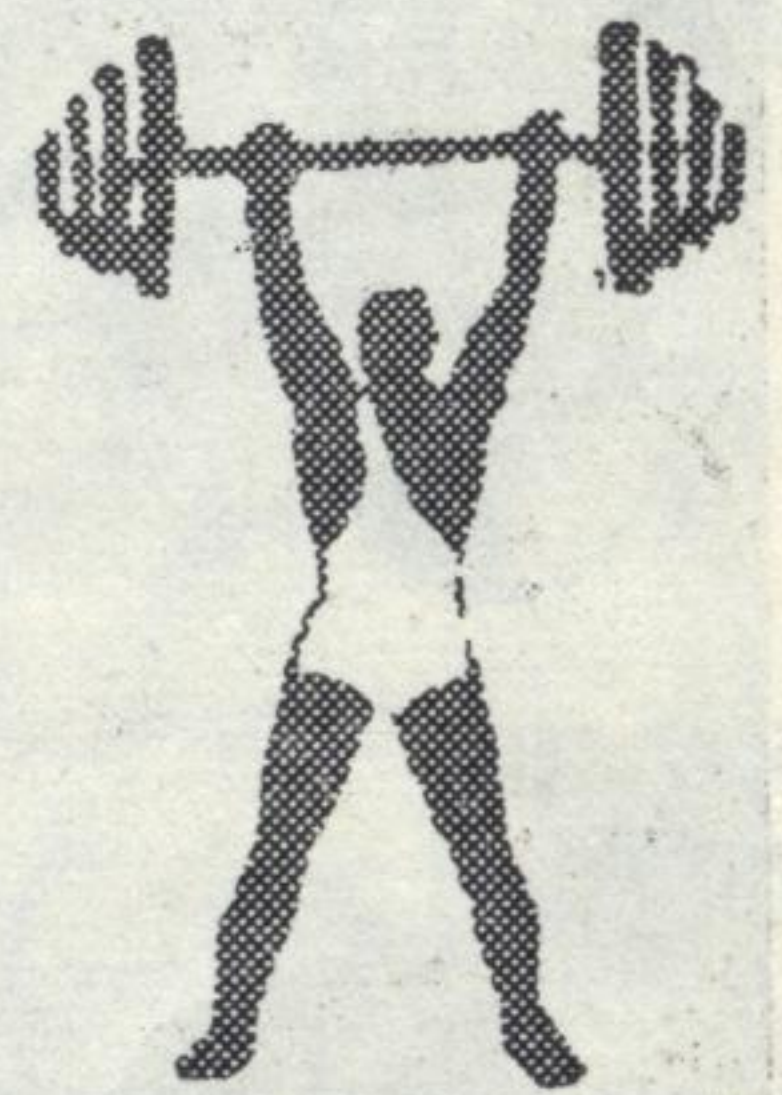
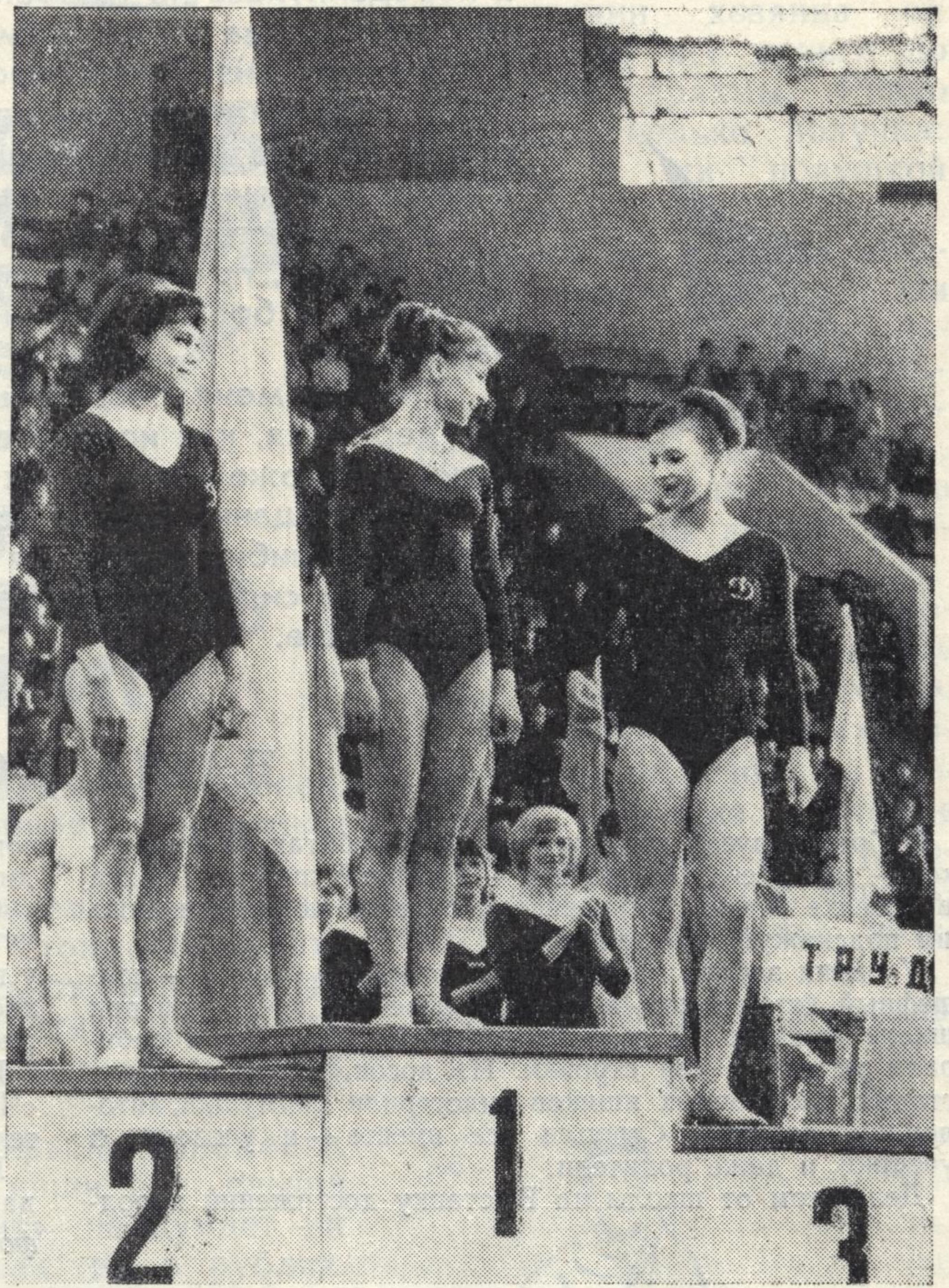
Я одинаково люблю теперь все гимнастические снаряды. Но не всегда так было. Когда-то не любила прыжок через коня. Вольные, брусья — простор для выдумки. Прыжок — мгновение, а работы требует огромной. Семь потов сойдет, пока добьешься точности, отработаешь все движения. Спасибо нашей Клавдии Герасимовне — она сумела подружить нас с конем. Положит, например, мяч на коня: прыгай боком, мяча не задень. За удачный прыжок — премиальные очки...

— **Какое соревнование запомнилось больше всего и почему?**

— Многих ребят интересует моя неудача в Мехико. Зря они стесняются прямо спрашивать об этом.

...Когда я сорвалась с бревна, поняла, что абсолютной чемпионкой мне не быть. Это большое горе. Но подвести свою команду нельзя! «Только бы мы победили!» С этой мыслью я подошла к брусьям. Собралась с духом...

Выступление, как вы знаете, прошло удачно. С тринадцатого места

я передвинулась на третье. И на родину привезла две золотые медали: за снаряды и за победу команды.

На всю жизнь мне запомнилось другое соревнование — первенство СССР в Ленинграде. Там впервые увидела я выступление Полины Астаховой, абсолютной чемпионки страны по спортивной гимнастике. Красота ее движений, музыкальность покорили меня.

В первенстве СССР 1965 года я уже была участницей. Полина Астахова, правда, претендовала на первое место. Но выступила неудачно — сорвалась с бревна. Чемпионкой страны стала я. Мне было тогда пятнадцать лет.

Первой меня поздравила Астахова. Я удивилась, как мужественно она держится, как искренне поздравляет меня. Я поняла очень важную истину: дороже всего успех товарища.

На прощанье скажу: готовых ответов на ваши вопросы нет. Самая большая ошибка надеяться на готовое. Все зависит от вас самих: пробуйте свои силы, добивайтесь самых больших успехов в деле, которое вам по душе.

Вел беседу В. Кордовский

НАША ПОЧТА

В Совет друзей пришло письмо о ребятах из маленькой — там всего 130 человек — северной школы. Ребята в поселке Мякит Магаданской области не ждали, пока им подскажут, чем заняться.

У одних забота пришкольный огород, у других — подшефный детский сад, а мякитские ребята построили при школе птичник. И сами хозяйничают там. Саки собирали материал для стройки. Из досок, кусков фанеры, старых посылочных ящиков смастерили кормушки, автопоилку, полочки. Строили все вместе — и учителя, и ученики, и даже родители.

Делегатом от школы на Выставку достижений народ-

ного хозяйства ездила Ира Чудинская. Школу наградили дипломом III степени.

Сейчас лучший коллективный шеф птицефермы — четвертый класс. Четвероклассники хорошо знают, что у цыплят в кормушках должно быть вдоволь капустных листьев, золы, ягод. От этого цыплята больше всего растут...

Идет Всесоюзная трудовая пионерская операция «Чукотка». Мякитские пионеры перечислили на строительство пионерского Дворца в Анадыре сто рублей.

Молодцы юные мякитские птицеводы! Хороший совет дают они всем скучающим.

фото Я. Юрцуняка

И. Войтко

Лена Жабина, Римма Касатова и Люда Павлюнова кормят своих питомцев

Есть слова, которые обычно именуется «термины». Их вводят в употребление люди ученые, и рождаются эти слова, как правило, не в разговорной речи, а в книге.

Конечно, они образуются по общим языковым законам, от существующих уже корней.

Например, термин «кибернетика» впервые использован ученым Винером; создателем науки об управлении. А «хибернетос» и значит по-гречески «кормчий», «рулевой».

Бывают термины, которые раньше были просто словами. Что такое, скажем, «куб»? В математике это — термин, обо-

ХИБЕРНЕТОС

значающий совершенно точное понятие: «правильный шестигранник, у которого все грани — квадраты».

А некогда в древней Греции слово «кюбос» значило «шестигранная косточка для игры».

Однако сейчас я хочу рассказать вам не о терминах, а совсем о других словах, самых обыкновенных, которые, попав на книжную страницу из обиходной речи, переменили свой смысл и теперь живут в новом чине и звании.

Таких слов очень много. Вот, к примеру, слово «талант».

Оно было известно еще древним грекам: талант — весы, талант — мера — веса, равная двадцати шести килограммам

* Лев Успенский * РАССКАЗЫ * ПРО СЛОВА * ОНИ РОДИЛИСЬ В КНИГЕ

двумстам граммам, наконец, талант — крупная денежная единица.

В разные времена и у разных народов стоимость таланта изменялась от тысячи пяти-сот до двадцати семи тысяч наших теперешних золотых рублей.

Но вы прекрасно понимаете, что никто в наши дни, слыша слово «талант», не думает ни о килограммах, ни о рублях. Оно значит у нас нечто совершенно иное: «большая даровитость», «исключительные способности».

Мы говорим о «талантливых людях», называем «талантливыми» особенно удачные произведения литературы и искусства.

Как же случился этот, употребляя выражение писателя Лескова, «повертон»?

В священной книге христиан — евангелии — излагается притча, поучительный рассказ о том, как некий богатый человек, надолго отлучась из дома, оставил своим двум рабам для сбережения по таланту золота. Пока господин отсутствовал, один из рабов, человек честный, но робкий и нерешительный, зарыл золото от греха подальше в землю. При

возвращении хозяина он вернул ему все деньги до последней драхмы. Ровно столько, сколько получил: талант, и ни полушкой больше.

Второй же раб был энергичен, смел и оборотист. Он в отсутствие господина занялся торговлей, имел большую прибыль и вернул гораздо больше, чем получил. Хозяин похвалил второго и не одобрил вялую честность первого.

Отсюда, из притчи, и пошло выражение «зарыть свой талант в землю». И скоро под «талантом» стали разумеать не деньги, а способности человека, которые каждый может либо приумножить, либо так и не использовать, а то и вовсе потерять.

Теперь у всех европейских на-

родов «талант» означает «одаренность», обычно — большую одаренность.

Слово осталось жить, нацело потеряв свое старое значение, но приобретя новое, рожденное книгою.

МЕДАЛЬ

РАССКАЗ

Г. Черкашин

Рисунок Т. Есенофонтова

На Вовке была форма номер три — черные брюки, темная фланелевка и бескозырка. А на груди висела медаль «За оборону Ленинграда». Вовка широко раскрывал рот и пел под аккордеон: «На нас девчата смотрят с интересом, мы из Одессы моряки...»

Девчонки хлопали ему безбожно. А медаль он взял у матери. Взял после того, как Нонка появилась на вечере с медалью «За оборону Севастополя».

Вовка приехал к нам из Ленинграда и поэтому говорил: «Кто куда, а я в сберкассу». У нас таких плакатов не было.

У Нонки медаль была настоящая, не то что у Вовки. Но Вовке надо было пофорсить, и он взял ее у матери. А Нонка не форсила. Она ее получила за дело, но носила только по праздникам. В другое время мать запрещала ей носить медаль. Она запирала медаль в комод. Она боялась, что Нонка ее затаскает. Кто поймет этих взрослых! А Нонка... Нонка так отлично дралась и в нужный момент всегда умела стукнуть коленкой. Это просто удивительно, что она носила платье.

Мне даже стало обидно, что ей дали медаль, а мне нет. Но, честно говоря, мне ее давать и не стоило.

...Раненых было очень много. Они сидели на земле на площади Щорса, возле школы, где был госпиталь. По их темным заросшим лицам текли капли пота. Я никогда не видел так много небритых мужчин.

Некоторые из них стонали, некоторые нет, но пить хотели все. Мы поили их. Но они все равно поддерживали котелок грязной рукой, рука дрожала, и котелок стучал по зубам.

Котелки быстро пустели, и мы шли за водой на колонку, где сидела тетя Паша и открывала кран, когда мы подставляли котелок, и закрывала, как только котелок наполнился. А когда мы возвращались на площадь, со всех сторон нам кричали: «Сынок, сыночек, воды!»

Нас было немного, человек двенадцать. Мы с Котькой Греком самые младшие. Пока мы делали один рейс, ребята постарше — два, а Нонка с Гешкой — три. Они носились как угорелые.

Я сдался первым. Мне надоело носить воду и слышать, как кричат раненые: «Сынок, воды!» У меня кружилась голова, хотя я раз пять мочил тубетейку. И я ушел, никому не сказав ни слова.

Вечером прибежала Нонка.

— Ты почему ушел? — спросила она, и я решил, что сейчас она даст мне по шее.

— Устал, — сказал я. — Вы большие, а я маленький.

— Котька тоже маленький, — сказала Нонка, — но он носил воду весь день. Мы носили воду до тех пор, пока ее не перестали просить, и все время Котька был с нами.

Она смотрела на меня злыми зелеными глазами, и я все ждал, когда она ударит.

— Твой отец героически погиб под Киевом. Ты не должен так себя вести, — сказала Нонка. И вдруг ушла, так и не дав мне по шее.

Это была правда. Мой отец был первым с нашей улицы, кого убило на войне. Это случилось девятого августа сорок первого года. Его любили все мальчишки с нашей улицы, и Нонка тоже.

На следующее утро я взял котелок и пошел на площадь. Ребята не разговаривали со мной, дулись.

Я носил воду, стараясь не отставать от Нонки.

— Пейте, — говорил я, как Нонка. — Пейте себе на здоровье. Мы еще принесем.

Раненые улыбались. «Молодцы-огольцы», — говорили они.

Когда мы совсем выдохлись и сели в тени передохнуть, прибежала Нонка и, утирая потное лицо рукой, завопила, что нечего нам сидеть в тени и лупать глазами — надо устроить для раненых концерт.

— Давай! — обрадовался вдруг Цубан. — Я спою им «Цыпленок жареный».

Концерт прошел отлично. Цубана вызывали раз десять. Он и пел, и плясал цыганочку, и лаял как щенок. Я читал стихи, Павка Жереб держал на руках стойку, а когда мы запели «Раскинулось море широко» — ее подхватили все, вся площадь.

Нонка сияла.

— Ну, что я вам говорила! — повторяла она. — Слышали, они же смеялись!

...Когда школу разбомбило, госпиталь пере-

вели в штольни. Раненые больше не сидели на площади. Город непрерывно бомбили и обстреливали снарядами. Из-под Бахчисарая была «Дора», самая большая пушка в мире. Немцы перевезли ее с линии Мажино. Снаряды этой пушки поднимали на воздух многоэтажные дома и оставляли глубокие воронки. Но город держался. Каждый день мы собирались в своем штабе и сообщали друг другу все, что удалось узнать.

— Флот прорвался в бухту, и немцев вытурили с Северной. Мекензиевы горы снова наши...
— Немцы потопили «Червону Украину»! У Графской...

— Эскадра ушла на Кавказ. Сегодня немцы бомбили в Инкермане стоянку линкора, а его уже и след простыл! Лихо обдурили!..

— Погибла «Абхазия!» Сволочи, санитарный бомбят, там же кресты!..

Мы ушли на лидере «Ташкент», последнем корабле, которому удалось прорвать блокаду. Погрузка шла ночью. В черной воде бухты извивались оранжевые змеи. Город горел.

...Мы вернулись в Севастополь через два года. В мае сорок четвертого. И я снова увидел бабушку и всех своих друзей. Среди них не было только Жорки — его увезли в Германию.

— Представляешь, всего за четыре дня до освобождения... — сказал Гешка. — Немцы спасали технику и забрали с собой женщин с детьми. На палубах держали. Чтобы наши не бомбили.

— Изверги! — подтвердил Котька. — А чего стоит их «Лола»!

— Какая «Лола»? — поинтересовался я.

— Был у них такой парусник, — сказал Котька, — деревянный, мелкосидящий, прямо по минным полям мог ходить, представляешь? Они на нем всякие там документы, взрывчатку, все что хочешь перевозили...

— А что же наши летчики? Куда они смотрели?! — удивился я.

— Вот в этом-то и штука, — сказал Котька. — Летчики ничего не могли сделать. Немцы не дураки, похватили на улицах наших пацанов, девчонок. Наши летят, смотрят — дети на палубе, и айда обратно. Кто же детей бомбить будет! Да ты вот у Нонки спроси, она тоже на «Лоле» была.

— А-а, — отмахнулась Нонка. — Была да сплыла. Рейс сделала в Констанцу, а как вернулись в Севастополь, я ночью за борт и — привет. А чего это ты интересуешься?

— Да так, — сказал я, — интересно.

— «Интересно»? Я от холода чуть ко дну не пошла. Знаешь, какая вода в марте? Еле доплыла, а ты — «интересно»! — И она отпустила мне в лоб такой шалабан, так щелкнула, что у меня из глаз искры посыпались.

— Еле доплыла, — передразнил я от злости. — Развоображалась! Вода холодная... Других, наверное, в Германию угнали, рабами там сейчас ходят!

— Не ходят, — сказала Нонка. — Наши катерники шхуну на abordаж взяли, понял?

А Вовка Урбас стал врать. Он рассказывал, как он подрывал немецкие танки и стрелял из «максима». Нонка не выдержала его трепотни и хорошенько дала ему, так, что он заревел и пошел матери жаловаться. А его мать выскочила на улицу и заорала во все горло, какая Нонка хулиганка. Нонке пришлось смываться, потому что мать Урбаса схватила палку и направилась к нам.

— Посмотри, какая нервная, — сказала Нонка и ушла, спрятавшись в развалинах.

А потом Нонке неожиданно дали медаль. Ей дали медаль после того, как в газете появилась статья и фотография. Один корреспондент рассказал, как взяли Сапун-гору и вели наступление на Херсонес. Шли уличные бои. Наши дрались, изнемогая от усталости и жажды, и тут появилась худенькая девчонка, которая ползком, среди выстрелов и взрывов, стала приносить во фляжках воду. На фотографии Нонка протягивала флягу улыбающемуся матросу с автоматом.

Когда наш директор увидел фотографию, он очень удивился, потому что Нонка не была отличницей, а даже наоборот, но он все равно куда-то пошел, и Нонке дали медаль.

А теперь Вовка тоже нацепил медаль и пришел на утренник в школу.

Меня прямо перевернуло. Еще вчера его мать приходила к нам и показывала моей маме фотографии, и везде она была с медалью. Она рассказывала про блокаду и говорила, что, слава богу, хоть Вовки не было, увезли со школой в Ярославскую область, а то вдвоем бы они не выжили.

Вовка стоял на сцене и во всю глотку горланил: «На нас девчата смотрят с интересом, мы из Одессы моряки». Тоже мне, Лемешев нашелся.

Когда он кончил петь, девчонки ему бешено зааплодировали, а он стоял и сиял, как электрическая лампочка.

Наверное, нет такого поэта, у которого бы не было стихов о детстве. Когда-нибудь соберут антологию стихов русских поэтов о своем детстве, и это будет поэтическая история нашей страны, потому что Время так естественно и ненадуманно входит в такие стихи.

Мне дороги мои стихи о детстве — ведь в них мужественное и страшное время блокады Ленинграда, время, которое формировало наши души. Я даже не могу сказать — принадлежат ли эти стихи к лучшим моим стихам или нет. Они просто неотделимы от меня, они близки мне, как близки равно матери дети ее, красивые и некрасивые.

Историю изучают не только по учебникам истории. Поэзия тоже распахивает окно в прошлое народа. И если мои стихи о блокаде помогут юношам сегодняшнего дня представить и ощутить ярче великий подвиг Родины в дни войны, — я буду удовлетворен.

О. Шестинский

* * *

ДРУЗЬЯМ, ПАВШИМ НА ЛАДОГЕ

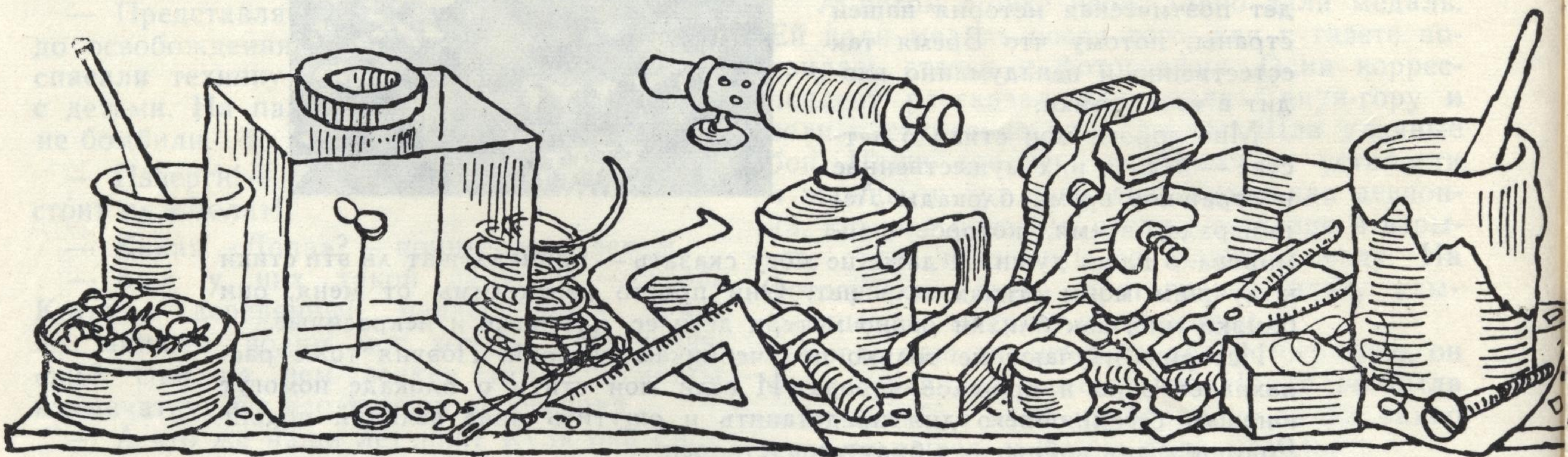
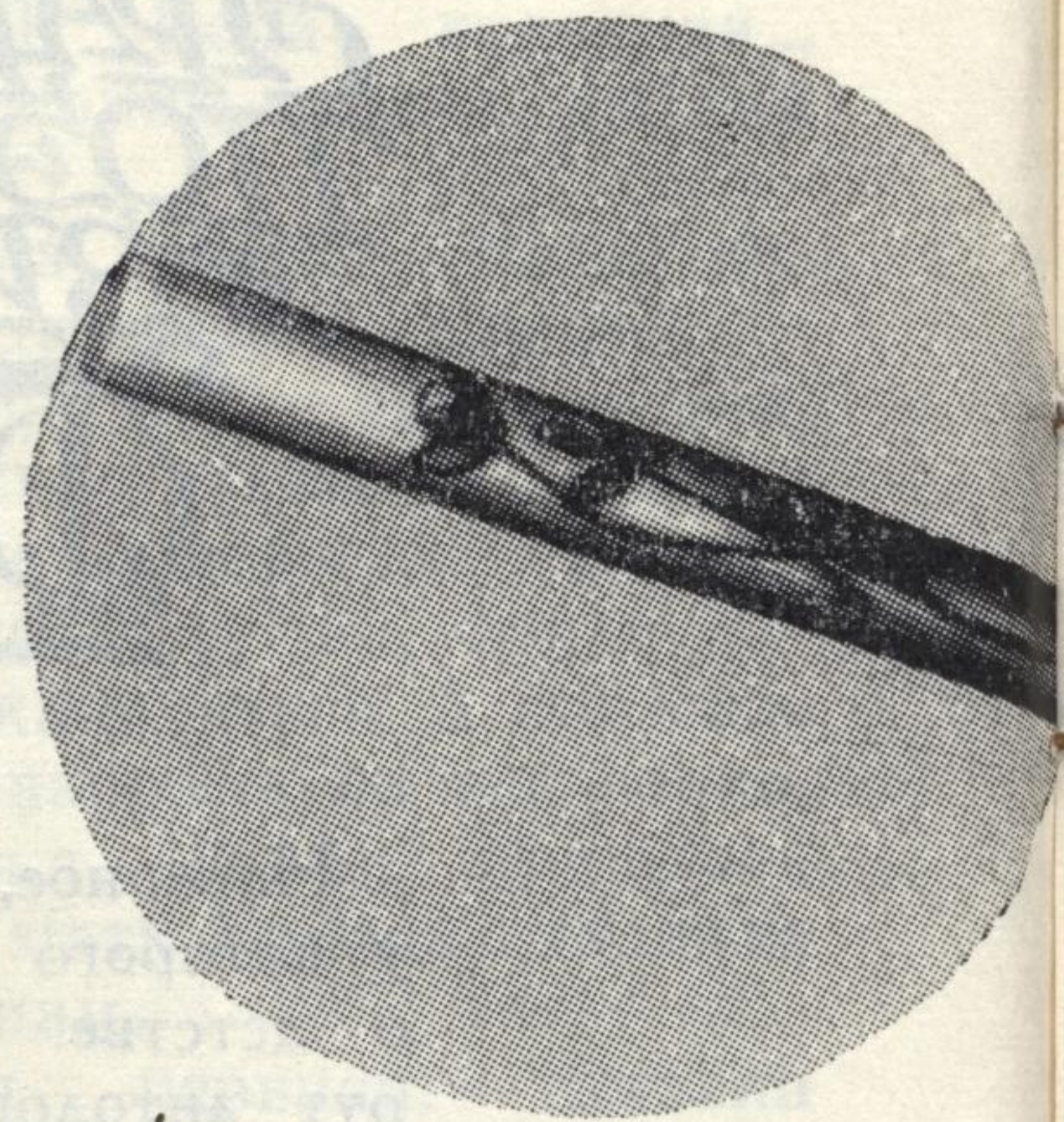
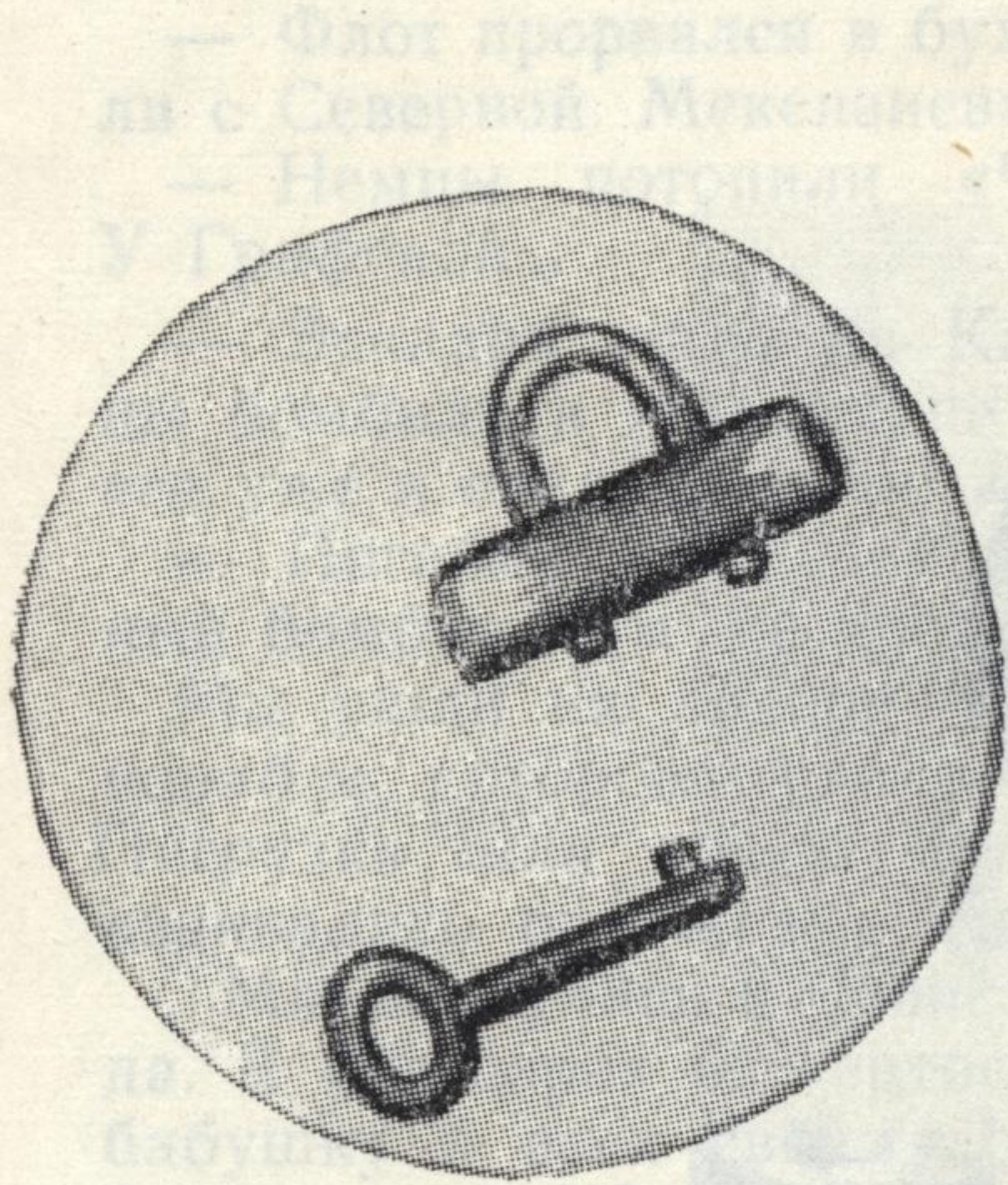
Я плыву на рыбацком челне,
холодна вода, зелена...
Вы давно лежите на дне,
отзовитесь, хлопцы, со дна!
Борька Цыган и Васька Пятак,
огольцы, забияки, братцы,
я — Шестина из дома семнадцать, —
вы меня прозывали так.
В том жестоком дальнем году,
чтоб не лечь на блокадном погосте,
уезжали вы — кожа да кости —
и попали под бомбу на льду.
Неприглядна в путину вода,
не проснуться погодкам милым,
их заносит озерным илом
на года,
на века,
навсегда...

Мы были юны, страшно юны,
среди разрывов и траншей,
как мальчики времен Коммуны,
как ребятя Октябрьских дней.

Мы познакомились с вещами,
в которых соль и боль земли,
мы за тележкой с овощами
такими праздничными шли.

Нас не вели за город в ротах,
нас в городе искал свинец...
О, мужественность желторотых,
огонь мальчишеских сердец!

Там «юнкерс» падал, в землю
вклинясь,
оставив дыма полосу...
Те годы
я мальчишкой вынес
и, значит,
все перенесу.

НОВОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ

Н. Владимирская

Помните повесть о тульском мастеровом Левше?

Писатель Николай Лесков закончил рассказ о его, Левши, печальной судьбе таким рассуждением: нет теперь уже таких искусников, ибо «машины не благоприятствуют артистической удали» — перевелись, иначе говоря, на Руси рукодельные мастера.

Долго ли, коротко ли, не год прошел, не два, не три, — и вот однажды Левша, тот самый, косой от рождения, с родимым пятном на щеке и выдранными при учении волосьями, выбрался из переплета, покинул душный шкаф и вмиг очутился в просторной комнате. Огляделся: стол, шкаф, полки, табуреты. Вроде бы, мастерская. Только совсем не такая, как его убогая горенка, где он с приятелями-туляками аглицкую блоху подковал.

Стоит Левша, озирается. Видит — мелкоскоп. Ну и мелкоскоп! Безо всяких украшений, полированный, и стекла такие, что, пожалуй, и в ты-

сячу раз увеличивают. Сам-то Левша хоть и умел ими пользоваться, но по бедности без стекол обходился, его глаз «так был пристрелявши».

На полках баночки да скляночки. Краски в них, клеи, смолы. Тут же инструменты, один другого меньше, рядом с ними спичка — великан: резцы, сверла, штихели, пинцеты, рашпили, иглы.

Попробовал резец — отменно острый. Сталь самая наипрочнейшая — тульский оружейник хорошо разобрался в металле. И подумал: самодельные это. Ни одна машина не сделает такого сверхмелкого инструмента.

Вот несколько небольших ящичков. В каждый вделана зрительная трубка. А что под трубкой — не разглядеть: не то пылинка, не то мусоринка, не то зернышко. Прильнул Левша — не мог оторваться. Перед ним золотой замочек с ключиком. А рядом, словно глыба — маковое зерно. Прикинул: пожалуй, в зернышке не

одна добрая сотня замочков с ключиками уместится. Чудеса!

Припал глазом к трубке другого ящичка. Видит: в футляре роза на стебельке с листочками. Только никакой это не футляр, а выдолбленный волос. Ну и мастер; видно, руки у него золотые, если волос просверлил.

Рядом скрипка. Самая настоящая, у нее и струны, и смычок, и дека полированная. А длина — всего 3,45 миллиметра.

Много удивительных вещей увидел Левша. Любовался портретами, написанными на зернышке мака, проса, а то и на торце волоса. А ведь это совсем не просто: прежде чем рисовать (да еще под микроскопом!), мягкую сердцевину волоса сперва надо прогрунтовать. А как рисовать? Один неверный штрих — и ничего не закрасишь, не подправишь. Очень точная рука должна быть у художника. Уж кто-кто, а Левша понимал все эти тонкости мастерства.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛЕВШИ

Рисунки Ю. Лобачева

Полюбовался книжечкой в багряном переплете (из среза лепестка бессмертника), украшенной тончайшей золотой пластинкой. В книге портрет, и рисунок, и стихи — семьдесят пять строк насчитал Левша. Это, надо полагать, самая маленькая книга в мире, шесть десятых квадратного миллиметра форматом. Увидел крошечный цветок хризантемы. Начал считать лепестки — едва со счета не сбился: девятьсот лепестков!

Больше всего изумил Левшу моторчик-малютка, в одну двадцатую долю кубического миллиметра. Он составлен из пятнадцати отдельных частей. Легко сказать — составлен! Ведь каждая часть сделана из стали и точно пригнана к другой. Тут подумаешь, как вытачивать эти пылинки. Они же невесомы. Потеряешь — не найдешь. На такую кроху даже тепло руки влияет!

Но еще больше удивился Левша, когда рядом с ящичком нажал кноп-

ку. И сразу же вал приборчика быстро-быстро завращался. Ну и машина!

И вот последний ящик. Глядит Левша и не может прийти в себя от удивления: у него перед глазами — подкованная блоха!

Подковки самые настоящие, медные и прикреплены тремя малюсенькими гвоздиками, вроде тех, что он сам работал.

Расчувствовался Левша чуть не до слез. Хорошая сотня лет прошла, а, глядишь, его мастерства не забыли.

А тут он заметил надпись над ящичками: экспонаты Всемирной выставки в Монреале ЭКСПО-67.

Что значит экспонаты и ЭКСПО-67, Левша, разумеется, не знал. Но что такое всемирная выставка, он понял. Значит, не только его земляки, но и люди всей земли могли любоваться произведениями искусника.

Нет, ошибся писатель Лесков. В век машин и автоматики, в век технического прогресса точность руки,

острота глаза не изменяют мастерскому человеку.

Тут бы и кончить рассказ об удивительном случае с Левшой.

Но нет. Увидел он на столе пачку писем. И хоть чужие письма не следует читать, все же проглядел несколько. И еще больше стал гордиться своим искусным последователем.

Откуда только ему не писали — из разных городов. Врачи благодарили за инструмент, изготовленный для глазных операций. Metallурги сообщали, что микродеталь работает отменно. Женщина из Иркутска умоляла изготовить микробронхоскоп, без которого врачи не могут извлечь орешек, застрявший у ее ребенка в бронхах.

Из этих писем Левша узнал имя и фамилию автора всех этих невидимых глазу вещей: Николай Сергеевич Сядристый. Инженер, заведующий лабораторией в Киевском институте сверхтвердых синтетических материалов.

Трудные дни Серезки Покусаева

ПОВЕСТЬ

Николай Печерский

Рисунки Ю. Шабанова

ТАПОЧКИ

Серезка Покусаев снова потерял тапочки. Третий раз в этом году. Мать Серезки не удивилась. Даже тряпкой на этого растяпу не замахнулась.

— Живи как хочешь, — сказала она. — А только денег у меня больше нет.

Положение было критическое. Зимние ботинки Серезки смазали ваксой и давно спрятали в кладовку под замок.

Другой подходящей обуви, похоже, не было.

Серезка полдня шуровал в сарае. В углах жили серые пауки, лежали рыжие корявые обручи от бочек, порванные велосипедные камеры и всякий другой хлам.

Потом Серезке попались старые мамины туфли на шпильках. Они были еще ничего. Только стельки отлипли и выглядывали изнутри, как собачьи языки.

Серезка выдрал языки, отбил молотком шпильки и примерил обнову. Размер был как раз такой. Если бы брюки-клевш, можно было вполне их прикрыть. Но у Серезки были брюки-дудочки. И это немного портило вид.

Серезка выбрался из сарая и пошел для пробы по двору. Там резались в «козла» за деревянным ребристым столом пенсионеры. В песочнице строили замки дети. Никто Серезке ничего не сказал, и он сразу повеселел.

Ходить в узких изогнутых туфлях было неудобно. Но без тренировки ничего не дается.

Это уже Серезка знал по опыту.

Возле подъезда дома номер четыре показалась Галя Гузеева.

В Галя были поголовно влюблены все мальчишки. Серезка тоже.

Галя увидела Серезку, подошла прямо к нему. Она сразу заметила Серезкины корабли и начала еще издали улыбаться.

— Здравствуй, Покусаев, — сказала Галя. — Что это?..

Серезка не дал Гале закончить.

— У тебя очень красивые ресницы, — сказал он. — Точно как у Софи Лорен. А ну, закрой глаза!

Какая женщина устоит перед таким комплиментом!

Галя Гузеева опустила веки и дала полюбоваться своими ресницами.

И все же Галя не отстала от Серезки. Не помогла ему даже Софи Лорен.

— Покусаев, зачем ты надел дамские туфли? — спросила Галя. — Для смеха?

— Ничего не дамские... Я репетирую. Клоуном в цирк оформляюсь.

— Ты, Покусаев, врешь!

— Очень надо! Можешь у папы спросить. Учеником берут...

Серезка наморщил лоб и стал думать, что бы ему еще такое соврать.

— В постоянную труппу берут, — сказал он. — Вчера с папой табель успеваемости носили. Знаешь, как придираются!

Серезка подробно рассказал, какие строгости в цирке и какой у него в постоянной труппе репертуар. Под конец он расщедрился и даже пообещал Гузеевой Гале достать бесплатный билет на свои представления.

— Можешь хоть каждый день ходить, — добавил он. — Устрою!

Скоро необычайная весть эта распространилась по всему двору.

Все знали, что Серезка трепач. Но тут поверили. Не станет же человек за здорово живешь щеголять в дамских туфлях и раздавать билеты в цирк!

К Покусаеву повалили делегации. Серезка принимал всех. Он сидел на деревянном ларе для песка, болтал ногой в белой остроносой туфле и рассказывал мальчишкам и девчонкам про цирк.

Все ахали и завидовали.

Потом Сережку попросили что-нибудь исполнить. Сережка не баловал публику. Он прошелся в своих клоунских туфлях боком-скоком, потом задом наперед, потом стал на руки. Стоял он недолго, но все аплодировали ему: во-первых, Сережка был еще учеником клоуна, а во-вторых, он мог обидеться и не дать билеты в цирк.

Вскоре, впрочем, интерес к цирковому искусству упал. Зрители один за другим разбрелись по своим делам.

У Сережки своих дел не было. Он снес пиджонские туфли в сарай и отправился домой обедать.

Была у Сережки Покусаева тайная надежда: мать увидит его несчастную жизнь и переменит свое решение. Так уже сколько раз было.

Посмотрит на голые Сережкины ноги и скажет: «Вот тебе, растяпа, деньги. Иди поку-

пай тапочки. Только смотри — последний раз даю...»

Эти радужные мысли развеялись в пух и прах. Мать даже не подумала менять свой суровый приговор. Не поддержал сына и отец.

— Правильно! — сказал он за обедом. — Пускай ходит босиком, как снежный человек.

Снежный человек молча проглотил обиду. Взаимоотношения его с родителями явно зашли в тупик.

После обеда Сережка Покусаев остался дома. Он сидел возле окошка и думал о прежней веселой жизни.

Без тапочек никуда не было ему ходу — ни в кино, ни на речку, ни просто на улицу.

За воротами играли в классы девчонки, о чем-то спорили мальчишки, шли как ни в чем не бывало прохожие. Никто из них не знал, какая страшная беда постигла одинокого, забытого всеми Сережку Покусаева.

Чем больше Сережка думал об утраченных радостях, тем сильнее тянуло его на улицу, в общество.

Сережка прикидывал всякие варианты, сам утверждал их и сам отвергал.

В конце концов он решил сделать пробную вылазку. Если спросят, почему он шпарит по городу босиком, можно выкрутиться. Сказать, например, что тапочки сдали в ремонт. Обещали починить утром, а потом закрыли мастерскую на переучет.

Мало ли что можно придумать!

Скажет, что вообще не переваривает обувь, ходит босиком для закалки и воспитывает себя по системе йогов.

Сережка поглядел в зеркало, застегнул пуговицы на рубашке и отправился в вояж.

В ворота он не пошел. Там стояли свои мальчишки. Он перемахнул через забор, оглянулся и взял курс в центр города.

Изредка прохожие поглядывали на босоногого путника. Но от замечаний воздерживались и в переговоры не вступали.

Пока все шло нормально. Только возле кино «Спартак» какой-то дядька наступил Сережке на пальцы.

Но тут Сережка был сам виноват. Он полез в очередь за билетами, хотя в кармане у него была абсолютная пустота и делать ему в очереди, в сущности, было нечего.

Сережка направил свои босые и израненные стопы в зоопарк. В заборе была приличная дыра, и мальчишки лазили туда бесплатно.

Возле зоопарка улицу залили новым черным асфальтом.

Он даже на вид был липкий и вязкий.

Сережка был человеком риска. Об этом знало пол-Воронежа.

И, конечно, он не пошел в обход. Он полез в черную липкую гущу. Вдобавок ко всему гуща оказалась нестерпимо горячей.

В такой смоле черти варили в аду грешников. Если, конечно, черти и ад когда-нибудь существовали.

Трудно передать все страдания и муки Сережки Покусаева. Описанию они не поддаются.

Целый час Сережка мыл ноги в кадуске под водосточной трубой, драил их песком и шершавым, как наждак, кирпичом.

Эксперимент удался только частично. На ступне остались черные пятна различной величины и формы. Отдаленно они напоминали острова в Японском море или шкуру леопарда.

Сережка тайком пробрался в дом и, окончательно подавленный и угнетенный, сел возле окошка. Ноги он спрятал под стул.

Он решил вообще удалиться от общества.

В книжках он читал про отшельников и схимников. Они прятались от мира в кельи и больше оттуда ни ногой. Примут мисочку через окошко, поедят и снова за свое — бухают поклоны или спят на жестком ложе, воспитывают из себя аскетов.

Подходящей кельи в доме не было. Была темная, пропахшая нафталином кладовка. Но туда не пустят. Кладовка была все время на замке. Там хранились от моли зимняя одежда и Сережкины ботинки.

Ну что ж, он будет сидеть на этом стуле. Тут он состарится, поседеет и отрастит длинную бороду. И тогда все посмотрят на него и поймут, какую они совершили роковую непоправимую ошибку. Пускай им будет хуже!

От такого окончательного, бесповоротного решения Сережка даже немного повеселел. Он сложил руки на груди и смотрел за окно в одну точку. Он окончательно порвал с миром, его суетой и соблазнами.

Сколько сидел Сережка, неизвестно. Может, час, а может, полтора. В глазах у него прыгали серые мурашки и с непривычки болела шея. Сережке уже давно надо было сбегать кое-куда. Но он крепился, потому что главное в жизни отшельника терпение и выдержка.

Мрачное уединение прервал стук в дверь. Это пришел друг Сережки Изя Кацнельсон. Изя был кудрявый, как баранчик из сказки. На носу у него сидели очки с толстыми стеклами. Глаза у него от этого казались большими и круглыми, как будто Изя смотрел из-за графина с водой.

— Ты чего тут сидишь? — спросил Изя и внимательно посмотрел из-за своего графина. — Хватит сидеть. Пошли в кино.

Отшельник не переменял позы. На аскетическом лице, где скоро должна была появиться борода, не дрогнул ни один мускул.

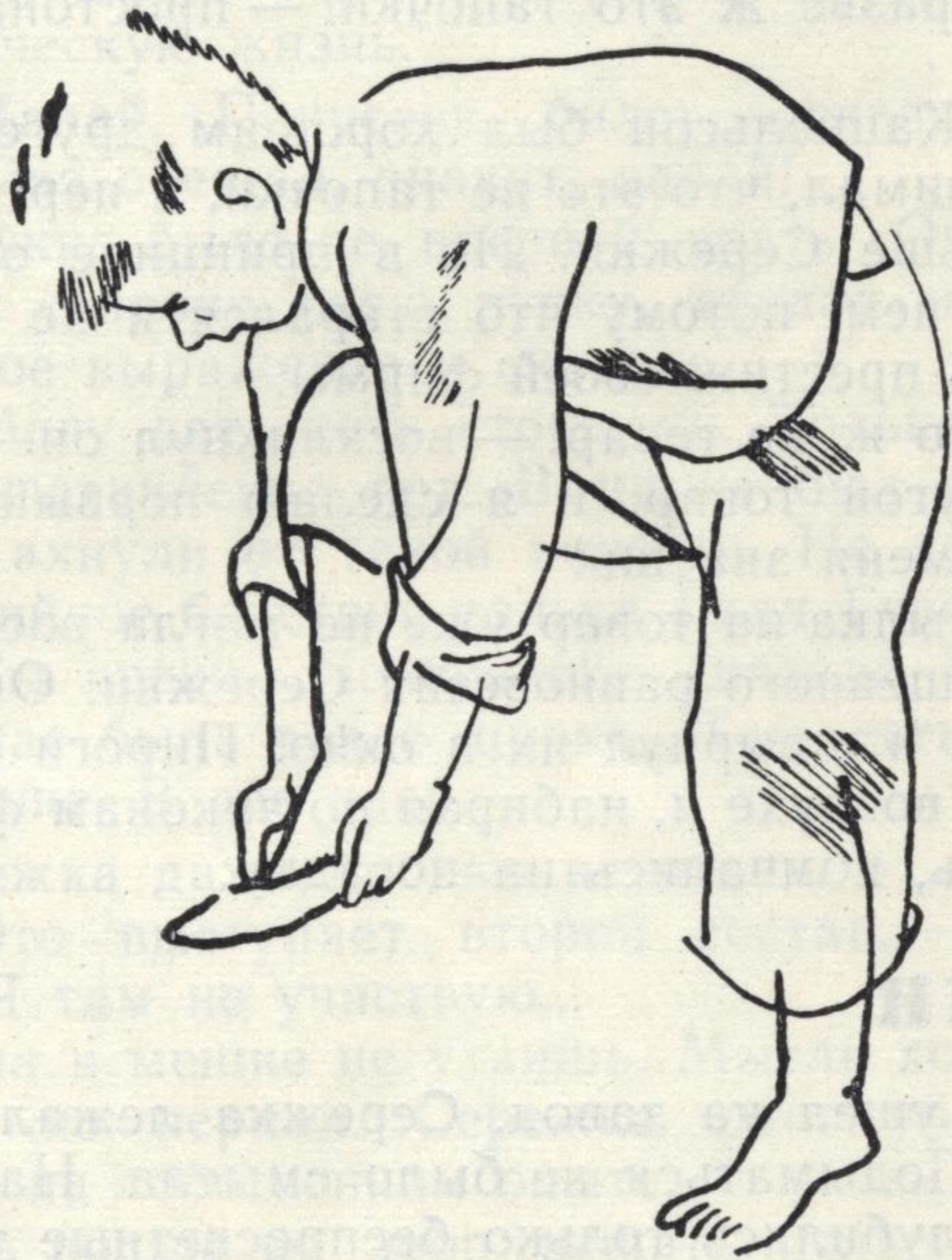
— Меня кино не интересует, — ответил Сережка загробным голосом. — Теперь я буду сидеть тут.

— Вот же чудак! Там же интересней!

— Мне интересней здесь, — еще глуше ответил Сережка. — Прошу не беспокоить.

Такой официальный тон смутил Изю Кацнельсона. Он даже подумал, что Сережка обиделся на него. Утром циркач Сережка делал стойку. Изя опрометчиво заявил, что может простоять дольше. Это было не совсем точно.

Теперь Изя чувствовал угрызения совести. Ему не хотелось терять друга из-за какой-то стойки.

— Может, денег нет, так я из копилки вытащу, — великодушно предложил Изя.

По лицу Сережки пробежала быстрая тень. Но все же он подавил мирской соблазн.

— Не могу, — сказал он. — Я буду сидеть тут...

Слух о том, что Сережка с самого обеда сидит на стуле, как прикованный, всколыхнул весь двор.

Двери Сережкиной квартиры не закрывались. Пришел даже Вовка-директор, с которым Покусаев не особенно дружил.

Вовка-директор был рослый толстый парень. По своим физическим данным он мог выступать за сборную города по тяжелой атлетике. Но интеллект у него был понижен. Говорили, что у него не хватает мозгов. Вовка по два года сидел в каждом классе и в этом году, наконец, перешел в третий. С переездом по русскому.

Вовка ввалился в комнату без стука. Он убедился, что Сережка в самом деле сидит на стуле, как прикованный, и начал хихикать.

— Ты чего тут сидишь? Может, ты дурак, да?

У Сережки все заклокотало внутри. Но он сдержался. Во-первых, настоящие аскеты и отшельники не обращают внимания на глупые шутки, а во-вторых, у Вовки-директора кулаки были, как гири, и он бил наповал.

Вскоре визиты закончились. Отшельника и аскета покинули в трудную для него минуту жизни все. Даже Галя Гузеева, в которую Сережка был безумно влюблен с первого класса.

Но настоящая дружба, как это известно, проверяется в беде. К Сережке снова пришел его лучший друг Изя Кацнельсон.

Сережка принял друга и покаялся ему во всем. И правильно сделал. Изя был дошлый парень и сразу нашел выход из тупика.

— Чудак ты! — заявил Изя. — Сами тапочки сделаем. Это мне раз плюнуть.

Это было не просто дружеское утешение. Отец Изи работал в сапожной мастерской. Изя видел, как он тачает ботинки и вколачивает в подметку острые тонкие гвозди. Изе это дело понравилось. Он тоже мечтал стать сапожником или скрипачом в кинотеатре «Спартак», как его старший брат.

— Чудак ты, — еще раз повторил Изя, — это мне раз плюнуть!

Через полчаса Изя снова был у Сережки. Он принес моток толстых ниток, иглу с большим ушком, ножницы и кусок мятого брезента.

Брезент был всех цветов. Трудно определить, какой колер преобладал. Будто поливали его с неизвестной целью йодом, зеленкой, чернилами, мяли в саже и пепле.

— На орангутанга шить будешь, да? — спросил Сережка.

— Чудак! — сверкнул очками Изя. — Замажем кремом, за первый сорт сойдет!

Закройщики приступили к делу. Изя был главным исполнителем, а Сережка Покусаев критиком и консультантом.

Все шло как по маслу. Даже немножко лучше.

Сережка наступил ногой на орангутангский брезент, а главный исполнитель обвел вокруг ступни химическим карандашом жирную категорическую черту.

Чавкнули, как древняя гильотина, ножницы, и две отличных подошвы тридцать восьмого размера были налицо.

— Ты делай по моде, — предупредил консультант. — Узконосые.

Изя заверил, что все будет в порядке и тапочки получатся первый сорт. Нет, он положительно нравился Сережке, этот Изя Кацнельсон!

— Теперь выкроим заготовки, — сказал

Изя. — Прошу вашу ножку. Вот так... благодарю...

Внешне заготовки не производили впечатления. Это были обыкновенные продолговатые лоскуты с дырами для ног. Но критик и главный консультант воздержался от замечаний. Он знал: заготовки — только полуфабрикат, как, примерно, фарш для котлет. Он только еще раз напомнил Изе про острые носы.

Союзники приступили к следующему этапу: помогая, где надо, зубами, начали пришивать заготовки к подошвам. Работали посменно, без передышки. В результате такой организации труда тапочки были готовы досрочно, раньше, чем предполагалось.

Изя взял готовую продукцию в руки, полюбовался, ударил одной подошвой о другую и передал заказчику.

— Готово. Носи на здоровье!

Волнуясь, будто перед экзаменами, Сережка полез в тапочки.

Но тут выяснились некоторые дефекты производства. Изя плохо отцентровал дырки для ног, и они получились где-то сбоку. В таких

тапочках можно было только лежать или ходить под углом в сорок пять градусов.

И все же заказчик обулся, придал телу вертикальное положение и посмотрел сверху вниз на произведение искусства.

Ужас и смятение отразились на лице Сережки. Острых носов не было и в помине. На ноге нахально сидели какие-то пухлые пироги с начинкой из пальцев.

— Р-разве ж это тапочки! — простонал Сережка.

Изя Кацнельсон был хорошим другом. Он сам понимал, что это не тапочки, и переживал не меньше Сережки. Но в принципе он был ни при чем, потому что старался и не желал уронить престиж своей фирмы.

— Это ж не товар! — воскликнул он. — Дай мне другой товар, и я сделаю первый сорт! Ты же меня знаешь!

Но ссылка на товар уже не могла восстановить душевного равновесия Сережки. Он снял тапочки и швырнул их в окно. Пироги покружили в воздухе и, набирая по законам физики скорость, помчались на посадку.

В ИЗГНАНИИ

Сережка Покусаев проснулся рано. В кухне гремела посудой мама, слышался разговор. Говорили о Сережке, о том, что этот шалопай снова остался без тапочек. Отец был за Сережку, а мать — против. Она подавала отцу завтрак и вспоминала все грехи, которые водились за их безрассудным сыном. В этом унылом перечне для Сережки не было ничего нового, как в старой, давно прочитанной книжке.

В прошлом году Сережка ходил в поход и посеял байковое одеяло. Котелок и ложка безвременно погибли в другом походе. Новую майку в полосочку он оставил на пляже. Там же расстался Сережка с последними тапочками.

Дело было так. Сережка загорал после купанья на песке. Тут пришел его лучший друг Изя Кацнельсон и пригласил прокатиться бесплатно на моторном катере. У Изи там были друзья.

После прогулки Сережка вернулся на прежнее место. Но тапочек там уже не было. Людей тоже не было. На песке валялся только рыжий скрученный шнурок. Но это был другой шнурок, потому что последние Сережкины тапочки были черного цвета.

Этот шнурок в виде вещественного доказательства Сережка и принес домой. Дальше все известно. Можно начинать сначала, как сказку про белого бычка.

Отец ушел на завод. Сережка лежал в постели. Подыматься не было смысла. На горизонте клубились только беспросветные тучи и мрак. В переносном смысле, конечно.

Зашла мать. Посмотрела, как Сережка лежит, скорчившись под одеялом, и сказала:

— Вставай, а то без завтрака оставлю!

Сережка хотел сказать, что теперь вообще не нуждается в завтраках, будет сидеть на стуле, выращивать бороду и воспитывать из себя аскета. Но воздержался. Мать могла огреть тряпкой за аскета. К тому же Сережке уже давно хотелось есть. Он еще не был полностью подготовлен к аскетической жизни.

После завтрака мать усадила отшельника решать задачки по арифметике.

— Хватит баклуши бить, — сказала она. — Снова двойки принесешь!

Это была неправда. Сережка приволок только одну двойку. И то в первой четверти.

Но приказ есть приказ. По крайней мере в доме Сережки.

Сережка нашел учебник, заправил авторучку и начал мараковать над задачками. Выбирал он самые легкие. Такие, чтобы не напрягать мозги.

Мать стирала в ванной белье. Изредка она приходила в комнату, смотрела, как Сережка пишет в тетрадке пером, и делала замечания. Продолжать аскетическую жизнь в такой обстановке было невозможно.

Примерно через час в комнату пришел Вовка-директор. Он мешал Сережке заниматься полезным делом, размахивал своими пудовыми кулаками и требовал обещанного билета в цирк.

Явились и другие вымогатели, включая Галю Гузееву. Не было только Изи Кацнельсона. Он сдержал слово, не сказал никому про тапочки и про то, что Сережка начал новую аскетическую жизнь.

— Давай, Покусаев, билет, — сказала Галя. — Раз обещал, значит, давай!

Сережке было не впервой врать. Он отложил в сторону свою ручку, сделал на лице грустное выражение и сказал:

— Могу дать хоть сто штук. Только сегодня представления нет. В цирке был пожар...

Все ахнули от такой новости. Не поверила в стихийное бедствие только Галя Гузеева.

— Ты врешь, Покусаев! — сказала Галя. — Я сейчас была возле цирка. Там есть представление. В два часа.

Сережка даже бровью не повел.

— Это выступает второй состав, — сказал он. — Я там не участвую...

Шила в мешке не утаишь. Мысль хотя и не новая, но верная. Сережка смог убедиться в этом на собственном опыте.

Мать пошла во двор вешать белье. Скоро она вернулась. Стала посреди комнаты и взмахнула мокрой тряпкой.

— Значит, клоуном оформляешься? Билеты в цирк раздаешь? Аскетом заделался?

Сережка молчал. На такие вопросы отвечать трудно. Мать не проведешь!

— Ты до каких пор врать будешь? — спросила мать и съездила Сережке мокрой тряпкой по уху. — До каких пор срамить перед всем двором будешь?

Сережка опять ни слова. Что он может сделать, если у него все само вретя. Не хочет, а оно вретя. Даже сам удивляется.

Мать походила по комнате, затем села к столу, оперлась щекой о ладонь и заплакала.

— Я в твои годы разве так жила! — сказала она сквозь слезы. — Я картофельные очистки ела! Я в лаптях ходила, образина ты бестолковая!

У Сережки кошки на душе скребли. Он и сам понимал, что он образина и сам во всем виноват. Он хотел подойти к матери, открыто заявить ей об этом и дать последнее честное-пречестное. Но он не успел. Мать вытерла ладонью глаза, поднялась и голосом суровым и решительным сказала:

— Уходи из дому! Уходи, чтобы глаза мои тебя больше не видели!

Отлученный от дома, Сережка грустил во дворе на скамеечке. Ребят не было. Все ушли в цирк. За деньги.

Пока еще Сережка сомневался, не знал твердо, что с ним стряслось. Возможно, мать припугнула его. А возможно, выгнала насовсем. Такие случаи тоже бывают...

Прошлая жизнь, которая теперь ускользала из-под ног, казалась Сережке заманчивым сказочным видением. Ему было жаль всего. И кровати с теплым ватным одеялом, и стола, за которым он готовил уроки, и отца, и мать.

Неужели выгнала совсем?

Ну что ж, если так складывается жизнь, он уйдет. Поступит на завсд учеником, определится в общежитие, а потом напишет домашним письмо:

«Дорогие мама и папа!

Вы не беспокойтесь, я уже начал самостоятельную трудовую жизнь. А деньги за черные тапочки, которые я случайно потерял на пляже, я вам возвращу. Оставайтесь живы и здоровы.

Передавайте привет Изе Кацнельсону.

Ваш Сергей Покусаев».

Письмо Сережке нравилось. Строгое, деловое, без лишних слов и рассусоливаний. Можно еще напомнить про учебники и футбольный мяч под кроватью. Пусть не выбрасывают. Он зайдет за ними когда-нибудь или пришлет Изю Кацнельсона. А больше ему ничего не надо. Он прощает родных, потому что и взрослые иногда ошибаются и даже теряют тапочки.

Сережка продумал окончательный текст. Весь, до последней точки. Теперь надо было приниматься за дело, переносить мысли на бумагу. Бумаги и чернил у него не было. Но это не важно. Можно написать на куске коры углем или кровью. Это даже лучше.

И все же Сережка пока медлил. В принципе он порядочный сын и должен в первую очередь думать о родителях. Письмо придет не скоро. Мама и папа будут все это время волноваться и переживать. Лучше всего заявить родителям о своем бесповоротном решении устно.

Прийти и сказать: «Мама и папа, я ухожу. Разрешите мне взять учебники и футбольный мяч, который лежит под кроватью...»

Сережка похвалил себя за принципиальность и чуткость. Можно, пожалуй, даже не ожидать отца. Он придет с завода не скоро, будет возражать или вообще вздует ремнем с медной солдатской пряжкой. Сережка скажет все матери. Она изгнала его из дому, пусть она сама и успокаивает отца.

Серезка взвесил все «за» и «против» и решительно поднялся со своего наместа. Он шел в родительский дом для окончательного объяснения.

Трудно передать состояние души в подобные трагические минуты. Тем более такой сложной и противоречивой, как у Серезки. С каждым шагом по лестнице он чувствовал, что его безвозвратно покидают физические и моральные силы. В дом он приплелся совсем измочаленный и размягченный, будто бы его пропустили через мясорубку.

Мать резала свеклу для борща. Она даже не обернулась и не посмотрела на Серезку. Только нож застучал по доске еще громче и отрывистей. Серезка постоял возле притолоки, а потом вдруг протянул каким-то противным и неестественным голосом:

— Мама, прости. Я больше не буду...

Мать не обернулась. Нож все стучал и стучал по доске. Свекле, казалось, не было ни конца, ни края.

— Прости, я не буду...

Мать бросила нож и наконец обернулась. Лицо ее побелело. На щеках, там где сидели раньше маленькие веснушки, выкруглились красные пятнышки.

— Уходи сейчас же! — крикнула она. — Придет отец, он с тебя три шкуры спустит. Я ему все расскажу!

Серезка поплелся в свою комнату. Похоже, мать отменила свое решение и не выгоняла больше из дому. Это в корне меняло дело. Серезка сел к столу и стал размышлять, как ему жить в новых обстоятельствах.

На глаза Серезке попала газета. Газетами, как таковыми, он не увлекался. Он лишь просматривал последнюю страницу. Те места, где печатались объявления о цирке и кино. Теперь, когда жизнь поставила столько вопросов и восклицательных знаков, читать о цирке и кино было бессмысленно. Серезка просмотрел фотографии и углубился в объявления о работе.

Народу всякого требовалось уйма. Экскаваторный завод приглашал токарей и плотников. «Электросигнал» требовал электриков, а швейная фабрика — закройщика и мотористок. Серезка умел вставлять в пробки проволочные жучки, пилил, когда была охота, напильником, но толком ни одной профессии пока не знал.

В самом конце страницы Серезка увидел крохотное объявление. Оно было отпечатано самым маленьким шрифтом. Столовой номер три требовался подсобный рабочий. Это как раз то, что надо! Серезка будет носить дрова для печки, чистить картошку, разгружать

машину с продуктами. Может быть, ему даже дадут работу полегче. Серезка лично знал одного подсобного, Федора. Он познакомился с ним возле домоуправления. Федор с утра до вечера курил там на скамеечке, расспрашивал посетителей о жизни, жаловался на дороговизну и радикулит. У Серезки нет радикулита. Его примут. Он будет стараться.

Серезка решил ковать железо, пока оно горячо. Он надел новую рубашку, пригладил капроновой щеткой волосы, повертел головой перед зеркалом. Все было в порядке. Конечно, оформляться на работу босиком не совсем удобно, но иного выхода не было.

В столовую номер три Серезка летел на крыльях. В переносном смысле, конечно. Возле памятника Петру Первому он немного задержался.

Самодержец стоял на высоком постаменте из розового гранита. Правой рукой он опирался на тонкий высокий якорь, а левую простер вверх. По углам газона торчали из земли настоящие пушечные стволы.

Серезка любил свой город, а Петра Первого считал своим земляком. Когда-то очень давно, когда точно, Серезка не помнил, Петр приезжал в Воронеж. Вокруг тогда росли мачтовые сосны. Петр строил с работными людьми корабли, гнал их к реке Дону и дальше, в Азов-море, совершать великие походы и громить врагов земли русской.

Серезка завидовал Петру и жалел, что его уже нет в живых. Можно было бы оформиться к нему юнгой на боевой корабль. Петр любил отчаянных мальчишек, учил их стрелять из пушек, управлять судами, а потом награждал орденами и медалями петровской эпохи. Плевать тогда Серезке на столовую номер три!

Но эпоха и обстоятельства влекли Серезку в иную стихию. Он повернул влево от памятника, пересек проспект Революции и вскоре очутился возле высокого серого дома. На дверях дома висело объявление. Точно такое, как в газете, только написано покрупнее. Вакансия подсобного рабочего оставалась пока свободной.

Посетителей в столовой было немного. Они сидели за столиками, уныло смотрели на официанток, которые обсуждали важные проблемы возле буфета. Серезка сел за столик и взял меню. Ему нужно было время, чтобы еще раз все продумать и осмыслить.

Серезка прочитал до конца меню, удивился, сколько существует в мире всякой еды, и решил, наконец, пойти в контору для переговоров.

Контора столовой нашлась без труда. За столами сидели четыре человека. Они шелкали на счетах, жужжали, как жуки, арифмометрами и что-то писали на серой разлинованной бумаге. Сережка сразу определил, кто здесь директор. Это был полный человек. Он дымил папиросой и был почему-то в шляпе. Подсобный рабочий стоял среди комнаты и ждал вопросов. Ему не хотелось представляться первым.

Человек в шляпе заметил посетителя. Он затоптал в пепельнице окурок и спросил:

— Что тебе надо, мальчик?

Сережка смутился. Он решил, что директор увидел его босые пятнистые ноги. Это была ошибка. Обозревать всю картину сразу директору мешали столы. Он видел только верхнюю часть Сережки.

— Я ничего... — сказал Сережка. — Я просто так. У вас тут подсобный рабочий требуется?

Губы директора раздвинулись в улыбке. От удовольствия он даже закурил вторую папиросу.

— Значит, ты подсобный рабочий?

От предчувствия скорой развязки Сережка даже присел.

— Никакой я не подсобный, — сказал он. — У меня дядька подсобный. Утром из Новосибирска приехал...

— Это в самом деле? — оживился директор.

— Ну да. Он сейчас моется с дороги. Говорит: «Ты сходи узнай. Если им надо, я оформлюсь...»

— Ты не шутишь?

— Очень мне надо шутить! Он на вокзале работал. Лучший подсобник в Сибири. Даже портрет в «Правде» печатали. Видели?

Директор промолчал. Возможно, он не выписывал «Правду», а возможно, пропустил по рассеянности портрет в газете.

— Нам подсобник вот как нужен, — сказал директор и провел ладонью по горлу. — Просто зарез...

— Не можете найти? — поинтересовался Сережка.

— Не в этом дело... Не держатся... У нас — текучка. Ты этого не поймешь...

Директор вздохнул каким-то своим, недоступным Сережке мыслям и добавил:

— Скажи своему дяде, пусть приходит. Впрочем, подожди, дай адресок. Мы сами к нему съездим...

Директор погасил от волнения папиросу, которую только что закурил, и кивнул машинистке. Она сидела за низеньким столиком и печатала что-то одним пальцем. Возможно, новое объявление о подсобнике.

— Катя, запишите у товарища адрес дяди.

Катя стерла резинкой какую-то букву, передвинула каретку и позвала Сережку к себе.

— Как его фамилия, твоего дяди?

Сережка побил по вранью рекорд. Но тут он спасовал и с перепугу дал полные координаты.

— Его зовут Вовка-директор, — сказал Сережка. — Комиссаржевская, четыре. Возле двадцать восьмой школы.

Машинистка что-то записала на клочке бумаги и вдруг удивленно подняла бровь.

— Он разве директор?

— Да нет... Это я просто так... Это его так дразнят. У него фамилия Савельев...

— Отчество как?

Сережка не знал отчества Вовки Савельева. Во дворе Вовку звали директором. А иногда — дубиной. В зависимости от обстоятельств.

— Откуда я знаю, — сказал Сережка. — У меня целых восемь дядей. Этот только сегодня приехал. Я его еще не изучил...

Сережка принялся перечислять, какие у него дяди, где работают и даже их точные адреса.

В конторе остальными дядями не заинтересовались. И зря. Среди них были замечательные люди — слесари, инженеры и даже один космонавт. Правда, он еще не летал в космос, но, наверное, скоро полетит. Вчера он прислал письмо. Если Сережке не верят, он может принести конверт. Ему это ничего не стоит.

Директор принялся благодарить. Он даже хотел покормить Сережку бесплатным обедом, но Сережка отказался. Дядя привез из Сибири байкальского омуля. Сейчас все будут обедать. Ему не хочется портить аппетит.

Подсобный рабочий шел из столовой номер три как побитый. Он проклинал себя за малодушие и за то, что продал вместе с потрохами Вовку-директора. Правда, Вовка был плохой друг и грубиян. Но это уже был совсем другой вопрос...

СЕРЕЖКА И ПЕТР ПЕРВЫЙ

Вечером в Сережкиной квартире была порка. Но опустим подробности и детали. Так хочет Сережка и автор этой грустной и немного смешной повести.

Скажем только одно. В этот вечер было неприятно и Сережке и его отцу. Он угрюмо ходил по соседней комнате и молчал.

Отец у него был молчун. И дома и на работе. Станет к станку и вкалывает...

На заводе возле проходной висел портрет отца. Он был там похож. Только шрам от пули художник убрал со щеки. Наверно, хотел, чтобы был красивым.

Лично Сережка был против этого. Он любил отца таким, как он есть, и его темные сумрачные глаза, и покатые, опущенные плечи, и эту памятную военную отметину.

В старой маминой сумке, которая лежала в шкафу, под горой свежего белья, хранились ордена и медали отца. Одни он получил на фронте, а другие уже после войны, на заводе.

Ордена и медали отец никогда не носил. Стеснялся. Только один раз Сережка увидел его при «полном параде».

Это было в День Победы. Сережка играл во дворе и вдруг увидел в дверях отца. Он шел с матерью в театр.

На груди отца сверкало золото и серебро. Даже глаза слепило.

Отец шел рядом с матерью и почему-то смотрел в сторону — неизвестно куда. Он даже не заметил Сережку.

Зато все во дворе заметили отца. Стояли и не дышали. Сережка тоже.

А почему не гордиться, если у него такой отец!

С тех пор картина эта не выходила у Сережки из головы.

Закроет глаза и видит: идет отец. На груди сиянье. А вокруг только вздохи: «Вот это да!»

Как-то Сережка остался дома один. Он запер дверь на два ключа, достал из шкафа ордена и развесил по всей куртке.

Чужое величие это ослепило Сережку. Он важно ходил по комнате, надув щеки, вытягивал руку вперед. Но слава взаперти — это не слава. Сережка подошел к окну, выпятил грудь. Снизу его кто-то заметил, замахал рукой.

Сережка с перепугу рухнул на пол и сидел полчаса. К счастью, все обошлось и в квартире никто не вошел. С тех пор Сережка не касался орденов. Видно, понял, что слава отца не передается по наследству, как цвет глаз или горбинка на носу.

Что заслужил сам, то и получай. Хоть горюшку, хоть песчинку, хоть обыкновенный, сложенный из трех пальцев кукиш. Так гово-

рил Сережкин отец. Правда, говорил он по другому поводу. Но это значения не имеет.

Вообще же Сережкин отец моралей и прописных истин не читал. Скажет слово и — точка. Делай выводы сам, пока не поздно...

Жаль только, времени у него на Сережку не хватало. С восьми на заводе. Потом — слеты, активы, форумы. Сюда тащат, туда рвут. Хоть караул кричи.

По этой причине Сережкиным воспитанием занималась больше мать. За ней всегда в доме было последнее слово.

Несмотря на форумы, мать хотела сблизить и сдружить Сережку с отцом. Только случится у отца свободная минутка, мать уже тут как тут.

— Иди гуляй с Сережкой. Ему нужно мужское общество. Вы мужчины. Вы лучше поймете друг друга.

Отец и Сережка ходили по грибы, сидели с удочкой, как колдуны, на тихой, заросшей кувшинками Усманке.

Хорошо на этой ласковой, прибежавшей из далеких полей и лугов речке. Особенно вечером. Деревья на берегу. Деревья в реке. Вниз ветками. Где что — не поймешь. И облака, и перелетная птица. И ты сам. Стоишь в красной рубашке вниз головой и гонишь от себя дымный густой клуб мошкары.

Так все красиво, что даже не верится!

Разговаривали Сережка с отцом мало. Так — слово, два. Вполголоса. Чтобы не спугнуть тишину, не разогнать серебряную стаю рыбешек возле песчаного берега.

Сережка любил такие прогулки с отцом. Но теперь об этом нечего было и думать. Без тапочек Сережке не было ни ходу, ни проходу.

Вся проблема с тапочками упиралась в главную точку — то есть в маму...

А раз мама сказала, значит, так и будет. Ее никто не переубедит!

После порки Сережка спал неважно. Снилось ему все, что случилось за день. С некоторыми отклонениями. Одни и те же страдания Сережка пережил дважды.

Под утро Сережке приснился Петр Первый.

Дело было так. Сережка отправился к самодержцу наниматься в юнги. Во дворец его не пустили. У входа стояли два гвардейца петровской эпохи и молоденький офицер с усами. Через плечо у него висела голубая лента, как у чемпиона. На ленте сверкали ордена и медали.

Сережка стоял у входа, переминался с ноги на ногу и нудным голосом тянул:

— Пустите, дяденька. Чего вам стоит...

Сережка надоед офицеру. Он хотел турнуть его, но потом пожалел и сказал:

— Сейчас я пойду и поговорю с государем. Жди тут.

Вскоре он вернулся и велел гвардейцам пропустить Сережку.

— Можешь идти, — сказал он. — И пожалуйста, вытирай ноги. Ковры нам все перепачкаешь.

С волнением Сережка переступил порог царских палат. Тут было чисто и тихо, как в музее. Возле каждой двери стояли с ружьями гвардейцы. Они зорко осматривали посетителя и проверяли пропуск с печатью, который дал Сережке офицер.

Сережка прошел несколько коридоров и вдруг увидел в глубине огромной комнаты Петра Первого. Петр стоял спиной к нему и рассматривал на стене географическую карту мира. Вероятно, разрабатывал планы походов, думал, с какой стороны лучше ударить по врагам земли русской.

Справа и слева в комнате стояли деревянные скамейки, сидели рядышком какие-то бородачи в кафтанах с длинными рукавами. Это были бояре, которых Петр ненавидел за подлый нрав и за то, что они были консерваторами. Петр Первый прижимал бояр и стриг им бороды. Наверно, они сидели в очереди, ждали, когда царь освободится и начнет отчекрививать им разросшуюся до самого пояса растительность.

Но вот Петр обернулся. Слева и справа послышалось какое-то подхалимское шипенье. Это шипели на своих скамьях бояре.

— Падай ниц, холоп! На колени перед государем!

Петр был прогрессивный царь. Но Сережка все равно не упал перед ним на колени. Если бы Галя Гузеева увидела Сережку на четвереньках, она наверняка сказала бы:

— Ты, Покусаев, болван! Почему падаешь перед царем на колени? Я расскажу твоей пионервожатой!

Петр Первый увидел Сережку. В глазах его отразилось удивление. Густая черная бровь поднялась вверх.

Но тут к Петру подошел офицер и что-то шепнул ему. Лицо государя просветлело.

— Иди сюда, мин херц, — сказал Петр. — Не бойся. А бояре пускай подождут. Им не к спеху.

Петр сел в кресло с высокой резной спинкой и кивнул Сережке.

— Садись. В ногах правды нет. Ты еще не сидел с царями?

По вранью Сережка был олимпийским чемпионом. Он врал кому угодно и где угодно. Не мог удержаться Сережка и сейчас.

— С министром сидел... Он приезжал в город. С отличниками совещание проводил...

Сережка уже совсем освоился в царском обществе. Он принялся рассказывать о министре просвещения. О том, как сидел с ним рядом на банкете и как министр похвалил его за отличную успеваемость и дисциплину.

Покончив с министром, Сережка вкратце коснулся своего города. Петр узнал, что Сережка из Воронежа, и страшно разволновался.

— Ах ты елки-палки! — воскликнул он. — Я ж там был! Как там сейчас Воронеж?

— Не узнаете! Нечего и думать, — сказал Сережка. — Один проспект Революции чего стоит! Даже иностранцы отмечают...

Тут уж Сережка не врал. Город был первоклассный. Красивые, как в сказке, дома, школы, театры. Вдоль улиц цвели высокие липы, и пряный аромат их затекал в каждое окно.

Петр внимательно слушал рассказчика, кивал головой и, как показалось Сережке, немало завидовал. Так это и было. Петр вдруг

встряхнул черной густой гривой. Усы у него ошетинились и торчали как пики.

— У вас другая обстановка, — сказал Петр, метнул недобрый взгляд на бородатых бояр. Те сразу заволновались и зашипели.

— Цыц, стилиаги! — крикнул Петр и стукнул каблуком в пол.

Бояре моментально смолкли.

Сережке не хотелось огорчать прогрессивного царя. Он сказал, что его в Воронеже помнят. Там есть Петровский сквер и памятник с черным якорем. Петр немного повеселел и спросил Сережку:

— А в Липецке ты был, мин херц? Там тоже было жаркое дело...

Сережка подтвердил, что он ездил в Липецк на экскурсию, видел там останки железнодорожных заводов петровской эпохи и чугунную руку Петра в краеведческом музее.

Экскурсовод рассказывал подробности. Петр Первый приехал на завод посмотреть на разливку металла для пушек и кораблей. К нему подошел сталевар в кожаном фартуке, с ремненным пояском на голове. Он попросил государя положить руку на мокрый формовочный песок и оставить отпечаток. Потом в отпечаток налили жидкого чугуна. Получилась рука. Могучая, властная — точно как у Петра.

Врал экскурсовод или говорил правду, Сережка не знает и не хочет извращать историческую правду.

— За что купил, за то и продаю, — сказал Сережка. Лично он никогда не врет. Об этом знает пол-Воронежа. Даже немножко больше.

Петр выслушал Сережку, сказал, что факт такой в его биографии был. Все соответствует исторической правде. Липецкие краеведы — на уровне. Жульничества и обмана нет.

Сережка принялся рассказывать Петру, какой сейчас огромный металлургический завод построили в Липецке, но Петр уже слушал рассеянно. Наверно, устал.

Сережка решил, что пора брать быка за рога. То есть сказать Петру, почему он пришел и что ему, собственно, надо. Но тут произошел конфуз. Петр посмотрел на голые ноги Сережки, которые он по рассеянности забыл спрятать под стул, и недовольно спросил:

— Мин херц, почему ты пришел босиком? Тебе тут что — пляж или дворец?

Сережка растерялся.

— Я мальчишке тапочки отдал, — сказал он. — Стоит возле Петровского сквера и плачет. Я говорю: «Ты чего плачешь?» А он говорит: «Тапочки потерял. Теперь с меня отец три шкуры сдерет». Мне стало жаль. Я чуткий...

Петр Первый пристально посмотрел на Сережку и вдруг голосом Гали Гузеевой сказал:

— Ты, Покусаев, врешь! Ты сам потерял тапочки на пляже!

Сережке нечем было крыть. Он стоял перед Петром навтытяжку и хлопал глазами.

А Петр Первый уже окончательно вышел из себя. Он стукнул кулаком по столу и загремел своим могучим басом:

— Отец и мать работают, спину гнут, а ты тапочки теряешь! У тебя кто отец — миллионер? Рокфеллер?

Петр поднялся, посмотрел на Сережку сверху вниз, будто с огромной темной горы.

— Ты, Покусаев, не тапочки потерял, а свою совесть! Сегодня — тапочки, а завтра что потеряешь? Мундир? Оружие на поле брани бросишь? Чего молчишь?

У Сережки язык к гортани прилип. Лучше бы он сразу признался. Только вчера обещал быть кристально честным.

— Иди с глаз долой! — сказал Петр Первый. — И думать о юнге брось. Мне растяпы не нужны!

Петр Первый придвинул кресло к пьедесталу из розового гранита, подтянулся на руках, забросил ногу и влез на верхушку. Он спокойно и властно положил правую руку на якорь. А левую протянул вперед. Это уже был не живой царь, а бронзовый, как в Петровском сквере.

На этом сон Сережки закончился. Он открыл глаза. Комната была залита ярким дневным светом. Петра не было. У порога стоял Изя Кацнельсон.

— Вставай, — сказал он Сережке. — Есть дело.

Отца в доме не было. Матери тоже. Наверно, ушла в библиотеку. На столе лежала записка: «Завтрак на тарелке. Я приду не скоро». Мать не называла в записке Сережку по имени. Она по-прежнему сердилась, не желала разбудить Сережку, когда он разглагольствовал с Петром Первым.

На тарелке под бумагой лежал кусочек колбасы, очищенные картофелины и любимые мамы пирожки с повидлом. Эти три пирожка остались с ужина. Значит, мать ела колбасу и картошку. А свою любимую еду оставила Сережке. Настроение у Сережки сразу испортилось. Он решил, что есть пирожки не станет. Пусть мама знает. Он не такой...

Но как-то так получилось, что пирожки и колбаса сами полезли в рот.

Пока Сережка уплетал колбасу и пирожки, Изя рассказывал события дня. Ребята всем двором искали Сережке тапочки. Лишних ни у кого не оказалось. Только у Вовки-дирек-

тора. Но второгодник носил очень большую обувь. Кажется, сорок шестого размера. Ноги у него были крупнее, чем у Петра Первого. Галя Гузеева нашла в своей кладовке опорки. Они остались от деда. Дед был хороший, вежливый, но опорки — то есть сапоги без голенищ — расползлись по всем швам и никуда не годились.

— Мы тебе соберем на тапочки, — сказал Изя и положил на стол гору медяков. — Сейчас пошли по другим дворам. К обеду деньги будут. Будь уверен!

От такой новости Сережка чуть не подавился колбасой. В душе у него вдруг пробудились гордость и самолюбие. Обычно эти чувства у него дремали, а возможно, вообще были в зачаточном состоянии.

— Я вам нищий? Попрошайка? Катись отсюда!

Изя Кацнельсон стоял ни жив ни мертв. Ноги у него тряслись, на лбу выступили крупные капли пота. Изя первый раз в жизни видел своего друга в таком состоянии.

Сережка понял, что хватил лишку, и поторопился успокоить друга. Ведь Изя не виноват и делал все из лучших чувств и побуждений.

— Я на работу оформляюсь, — сказал Сережка. — Завтра аванс дают. Шестнадцать рублей...

На какую работу он оформляется, Сережка не сказал. Он только приложил палец к губам и дал понять Изе, что работа эта особенная. Возможно, что тут пахнет секретным заводом, а возможно, даже службой в милиции. В общем, он связан тайной и не скажет больше ни слова. Даже лучшему другу.

Поверил Изя или нет, неизвестно. Скорее всего поверил. Если перестанут верить лучшим друзьям, на земле вообще наступит хаос и неразбериха.

— А Вовка-директор тоже на работу оформляется, — сообщил Изя.

Сережка даже похолодел от такой новости.

— Врешь ты!..

— Чего мне врать. Грузчиком в столовую номер три берут. Сегодня девушка оттуда приходила. Во дворе его искала.

— Ну и что... оформляют его?

— Не. Его вчера в лагерь отправили. В Дубовку...

Сережка не стал спрашивать Изю о подробностях. В конце концов, от судьбы не уйдешь. Вовку забреют в грузчики не сегодня, так завтра. Все равно в школе от него никакого толку.

— Ну, ты иди, — сказал Сережка другу. — Мне приготовиться надо...

Сережка проводил Изю до порога, нежно похлопал по плечу и снова приложил палец к губам.

— Ребятам про мою работу ни слова... Понял?

Через несколько минут Сережка и сам был за пределами квартиры. Центр города Сережка оставил на этот раз в покое. Он решил попытать счастья на окраине, в каком-нибудь промкомбинате. Там производили квас и оранжевых петухов на деревянных палочках. С квасом Сережка справится вполне.

До окраины города Сережка добрался с препятствиями. Два раза его высаживали за безбилетный проезд из трамвая и один раз из автобуса.

Сережка переходил с одной стороны улицы на другую, внимательно читал вывески на домах. Ничего подходящего пока не попадалось. Какая-то кожгалантерея, мастерская по ремонту телевизоров, аптека.

Ноги Сережке припекало, будто шел он по горячей сковородке. Большие дома вскоре кончились. Потянулись какие-то деревянные хи-

бары с вишневыми деревьями во дворах и злющими собаками на привязи. За деревянными частоколами мелькали люди. Скрипели заступами, шелкали, как парикмахеры, садовыми ножницами.

Возле одного такого дома Сережка остановился. Во дворе копал грядки старик в красной майке. Он заметил возле открытой настезь калитки Сережку и недовольно окликнул его.

— Чего пришел?

Прямой вопрос требовал прямого ответа. Сережка решил больше не хитрить и выложить все начистоту.

— Деньги нужны, — сказал он. — К вам пришел...

Старик в майке разогнулся, положил на рукоять заступа красные ладони.

— Вишь, чего заманулось! А ландрину не хочешь?

Сережка не знал, что такое ландрин.

— Я не просто так, — сдержанно ответил он. — Я заработать...

Лицо старика оживилось. Оно стало похоже на красную клубнику с белыми точками.

— Копать можешь? — спросил старик и прицелился в Сережку глазом, как будто собирался стрелять.

Сережка подтвердил, что может. В этом году он ездил в колхоз и выполнил сразу три нормы...

— Почетную грамоту вручили, — дополнил он, — с печатью...

Старик еще раз прицелился в Сережку и пожевал губами.

— Сколько возьмешь?

Сережка решил брать без запроса.

— Рубль, — сказал он. — С меня хватит.

Хозяин не стал торговаться. Он измерил ногами часть поля, вбил на границах по два колышка и сказал:

— От сех — до сех. Как закончишь, так тебе — рупь.

Сережка приступил к делу. Он даже удивился, как у него здорово получалось. Вгонит заступ в землю, поднажмет, перевернет пласт и сверху разрубит острием. Иногда попадались белые корешки и червяки. Червей Сережка тоже разрубал. По два раза каждого.

Старик сидел под деревом, дымил папиросой и наблюдал за работой. Потом он поднялся, зевнул во весь рот и сказал:

— Ты тут действуй, а я пойду в избу. Устал что-то. — Кинул взгляд на босые Сережкины ноги и добавил: — Лопату смотри не заиграй...

— Очень мне нужны ваши лопаты! — обиделся Сережка. — У нас у самих шесть штук. Одну отец из нержавеющей стали сделал. Как бритва...

Лопата из нержавеющей стали развеяла все сомнения. Старик позевал еще немного, перекрестил рот и поплелся в избу спать.

А между тем лопата с каждой минутой становилась все тяжелее и тяжелее. Пот лил с лица ручьями. Но Сережка не сдавался. Он решил вскопать «от сех — до сех», хоть кровь из носу.

Потом пришел старик. Лицо у него было помято, как варенка. Один глаз после сна был меньше другого. Старик оглядел Сережку большим и малым глазом и сказал:

— Устал, вижу. Садись, подзаправимся.

Под деревом появился дощатый ящик с трещинами. Старик деловито, будто на прилавке, разложил на газете огурцы, ломоть сала, репчатый лук и краюшку черствого хлеба.

— Нажимай на лук, — сказал он, — там витамины.

Сережке надо было восстановить мускульную силу. Он сосредоточился на сале.

Впрочем, и лук не залежался. Он умял провиант вместе с напарником в два счета.

Наниматель оказался чутким стариком. Он даже помог Сережке и вскопал за него остаток поля. Практически Сережка уже нигде не годился. Руки и ноги у него тряслись, как у деревянного клоуна на ниточке, которого продают на рынке частные лица. Сережка сидел под деревом и ждал, когда хозяин разочтется с ним и отпустит домой.

Но вот наступил и этот заключительный этап. Старик воткнул заступ в землю и пошел к Сережке.

— Гони, дьякон, деньги на кон? — подмигивая, спросил он. — Сейчас дадим. Сколько заробил, столько и дадим. У нас без обмана. Сейчас сальдо-бульдодведем...

Старик вынул из кармана обрывок бумаги, карандаш и сел возле Сережки на ящик. Сережка ничего не понимал. Молча и удивленно смотрел из-за плеча на бумагу. Старик писал в столбик какие-то цифры. Они напоминали задачу на вычитание. Кругом стояли только минусы. И ни одного плюса. Хозяин проверил еще раз задачу, пожевал губами и написал внизу, под жирной короткой чертой цифру двадцать.

— Теперь ажур, — подмигнул он Сережке. — Тройная бухгалтерия.

Что такое ажур и тройная бухгалтерия, Сережка понял в следующую минуту. Старик отложил писчебумажные принадлежности и опустил руку в глубокий, как мешок, карман. В горсти появились медь и серебро. Старик разгреб пальцем холм и вытащил из него двугривенный.

— Получай, — сказал он. — Бери на здоровье...

У Сережки брови полезли на лоб.

— Вы ж рубль обещали, — выдавил он из себя. — Зачем же вы...

Старик удивленно посмотрел на Сережку. Даже обиделся. Лицо снова покраснело и стало похоже на спелую клубнику.

— Ты сало ел? — спросил он.

— Ел, — сознался Сережка.

— То-то и оно, что ел. Тут бухгалтерия. Без обмана.

Наниматель сунул под нос Сережке бумагу с задачей на вычитание и добавил:

— За сало положил пятьдесят копеек. По рыночной цене. Это тебе — раз. Теперь, значит, — лук, хлеб. Еще двугривенный. Посчитай, сколько выходит!

Сережка зашевелил губами, как старик, начал в уме подбивать итог. Получалось ровно семьдесят копеек. Даже без тройной бухгалтерии.

— Десять копеек не хватает, — сказал Сережка, проверив для точности еще раз.

— Десять копеек — подходящий налог, — сказал старик. — Полагается. Спроси кого хошь!

Сережка понял, что торг окончен. Он погорел, стал жертвой тройной бухгалтерии. Молча и сурово он принял двугривенный и, не простившись с чутким стариком, пошел со двора. А старик стоял у ворот и кричал ему вслед:

— Скажи спасибо, что я больше с тебя не взял! Ходят тут всякие!

Понурился, шел Сережка домой. Он думал о сложности и глубине людских отношений, пережитках, которые разъедают отсталую часть человечества, равновесии добра и зла.

Возможно, он думал иными словами. Но смысл остается один и тот же.

Солнце опускалось за крыши домов. Сережка ускорил шаг. Мать ничего не скажет ему, потому что они с Сережкой в ссоре. Но Сережка знал, что она ждет и волнуется. Сидит возле окошка, смотрит во двор и грустит...

Отец, наверно, не пришел. Он работает слесарем на экскаваторном. Там у них сейчас аврал, и появляется он поздно, когда Сережка уже спит. Иногда Сережка просыпался и видел узкую полоску света в кухонной двери. Там сидели отец и мать, вполголоса говорили о своих делах, о том, что надо экономить и беречь деньги.

Кроме Сережки, у родителей было еще двое: Сережкина сестра Ира и сестра Аня. Ира

училась в Киеве на англичанку, а сестра Аня — в борисоглебском техникуме. В каждую полчку им отправляли деньги или посылки. Но отец и мать никогда не хныкали и не падали духом. Возможно, они не хотели, чтобы обо всем этом знал их сын Сережка.

Отец только гладил мать по плечу и говорил:

— Ничего, мамка, не расстраивайся!

Сережкину мать звали Валею, а точнее — Валентиной Семеновной. Но отец называл ее мамкой или мамурёнком. Такое у него было смешное и ласковое слово.

Всею семьей Покусаевы собирались в последнее время только по субботам и воскресеньям. Так было и в прошлую субботу. Они сидели за столом, пили чай и говорили о жизни, о том, что пора отправлять в Киев и Борисоглебск посылки.

— Ничего, мамка, — сказал тогда отец. — Смотри, какой у нас помощник растет! Пирогам к старости кормить будет...

Отец как-то ласково и значительно посмотрел на своего сына. Может, он сказал про пироги так. А может, в самом деле верил, что Сережка одумается и станет когда-нибудь человеком.

В принципе Сережка тоже хотел быть человеком. Но у него ничего не получалось. И все шло шиворот-навыворот.

Сережка подошел к своему дому. Во дворе уже никого не было. У подъезда горела желтым светом электрическая лампочка. Сережка постоял немного у подъезда, вздохнул и пошел вверх по лестнице...

ТРЕБУЕТСЯ НЯНЯ

Сережка завтракал с матерью. Она сидела с одной стороны стола, а Сережка — с другой. Сережка не подымал головы. Ему видны только мамины руки. Они тонкие, худые, с голубой жилочкой возле запястья. Эти руки много сделали для Сережки. Нянчили, когда он был маленьким, вытаскивали из пяток занозы, стирали штаны и рубашки, прикладывали к голове мокрые тряпки. Сережка сильно болел. Если бы не мама, он бы не осилил злую горячую болезнь. Мама и ее руки сделали для Сережки все...

Мать устроилась в библиотеку. Теперь у нее работы в два раза больше. Никогда Сережка не жалел ее по-настоящему, не брал на себя ее заботы. Даже мусорное ведро Сережка выносил с боем. У него всегда находились отговорки и уважительные причины. Лучше самой сделать что надо, не просить этого лодыря и растяпу, не расстраивать и

не унижать себя. Сережка в принципе все это понимал. Но как-то не перевоспитывался и не исправлялся.

Сейчас был подходящий случай сказать все это маме, дать последнее честное-пречестное. В конце концов, он не преступник, и в груди у него бьется настоящее сердце. Сережка размышлял, как все это получше изложить маме, покончить раз и навсегда с темным прошлым, стать образцовым, как Изя Кацнельсон, Галя Гузеева и те ребята, о которых рассказывают в радиопередачах.

Он смотрел на руки матери и подбирал про себя подходящие слова. Душа его была залита теплом, нежностью, всем тем, чему люди не нашли и, видимо, не скоро найдут точного и емкого названия...

Сережка ничего не успел сказать. Мать вдруг поднялась, подошла к нему и прижала к фартуку. На голову Сережки, там, где был

длинный шрамик от камня, упала теплая капля. Одна, потом другая. Она ничего не говорила, мама. Только сильнее прижимала голову безрассудного сына тонкой худой рукой.

— Ты меня прости, Сережа. Я вижу, как тебе... Купим тапочки.

Она порывисто отслонила Сережку от себя и ушла из комнаты, закрывая лицо руками.

Все перевернулось в душе Сережки. Лучше бы его убили, чем так. Расстреляли, как гада! Он больше не может. Он должен что-то сделать, Сережка! А если не сделает, — тогда умрет. Он все решил!

Он метался по комнате, как шаровая молния. Сдвинул стулья, вымыл до блеска полы, смотался вниз с мусорным ведром. Ничто не ускользнуло от его взгляда. Перемыл посуду, вытер кругом пыль, полил пальму и даже вычистил наждаком огромную алюминиевую кастрюлю. Ею уже давно не пользовались, но выбросить не решались, потому что было жаль вещь.

Потом он сидел на стуле возле окна и думал. Он уже не мечтал о цирке и судьбе отшельника-аскета. Все было позади, как дым, как туман, как сон о царе Петре, который строил корабли и отрезал боярам стилижьи бороды.

Сережка решил твердо и окончательно заработать деньги. По гривеннику, по копейке в день — все равно. Он сам себе купит тапочки, смоем навсегда свой позор. Это — точно и бесповоротно. Так решил Сережка!

Не будем смеяться. Давайте поверим ему и подождем. Даже такому человеку, как Сережка, можно поверить один раз в жизни...

Путь Сережки снова был на улицу. Туда, где озабоченно идут пешеходы, трудятся, создают материальные ценности, радуются и удивляются всему, чем крепок человек, что держит и утверждает его на земле. Тут сказано много красивых слов. Это — в пылу увлечения. Больше этого не повторится...

Трудно спускаться с облаков на землю. Второй час слонялся Сережка по улице и все без толку. Один раз даже решил пойти к хозяину с клубничной физиономией. Потом вспомнил про расчет и отказался. Пускай он сторгит со своим салом.

Но куда же дальше? Чего вы молчите, люди? Посоветуйте!

Молчат пешеходы, молчат постовые милиционеры. Только подозрительно поглядывают на голые Сережкины ноги и размахивают палочками. Проходи! Не задерживай!

Сережка окончательно обалдел от забот и переживаний. Он остановился возле телеграфного столба и начал изучать рекламу. Неко-

торые объявления пожелтели, растрескались, покрылись пятнами. Были похожи на брезент, из которого Изя Кацнельсон мастерил Сережке тапочки. Были тут и совсем свеженькие, еще не утратившие яркость чернил и карандашей всех цветов. От прозаического синего до ярко-красного из модной шариковой ручки.

Продавались по случаю и в связи с отъездом кровати, матрацы, тумбочки. Была даже одна фисгармония и аппарат для сушки волос. За пять минут здесь можно было составить целое состояние, обеспечить себя на всю жизнь.

Но Сережку интересовал более узкий отрезок времени. Запросы его были скромнее. Он искал рекламу о найме рабочей силы, письменных указаний, где применить свои силы и таланты.

Сережка нашел объявление. Оно висело на кнопках возле ржавой, закрученной спиралью проволоки. На узеньком листке из тетрадки по арифметике было написано:

«Требуется опытная няня. Оплата по соглашению. Без рекомендаций не приходить».

Реклама всколыхнула в Сережкиной душе сложные разноречивые чувства. Их можно было разделить на две части. Нянька, как знал Сережка, должность сугубо женская. Если Галя Гузеева узнает, что Сережка пошел в няньки, она подымет его на смех. «Ты, Покусаев, болван, — скажет она. — Я в тебе окончательно разочаровалась!»

Неизвестно, как оценят Сережкин шаг Вовка-директор и лучший друг Изя Кацнельсон. Вероятно, тоже не одобряют.

Не подходили Сережке и другие пункты рекламы. У Сережки не было опыта и рекомендаций. Без них в порядочный дом нечего и соваться. Это ясно.

Сережка стоял возле столба, как конь, привязанный к стойлу. Читал объявление и все больше понимал — работа эта как раз по нему. Опыт — дело наживное, а рекомендации — пустяк. Выпишут в домоуправлении.

Сережка снял объявление, чтобы избавиться от конкурентов. Он был бодр и свеж. Пускай ребята смеются. Ему наплевать!

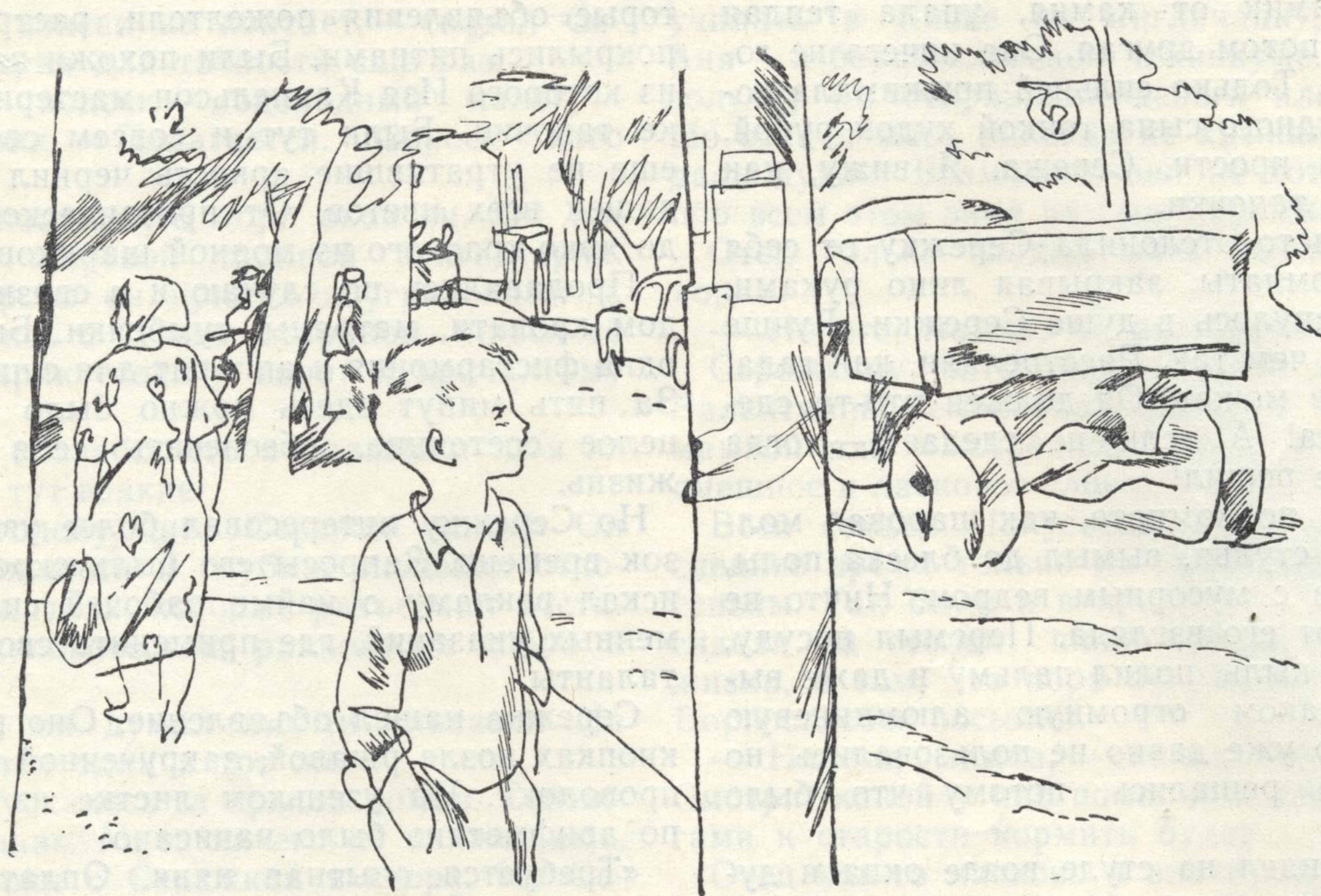
С заветным объявлением в кармане Сережка ринулся домой. По двору бродил Изя Кацнельсон. Ему было скучно без лучшего друга.

Изя увидел Сережку и страшно обрадовался.

— С работы пришел? — спросил он.

Сережка перевел дух, ласково посмотрел на преданного друга. Ему можно было доверить все...

— Без рекомендаций не берут, — сказал он. — Это тебе не шалый-валяй.

Изя Кацнельсон поддержал друга, сказал, что работа это — не шалей-валяй. Тем более такая, как у Сережки. Но вешать голову нечего. У Изиного отца есть характеристика. Характеристика лежит дома, в тумбочке. Изя перекатывает ее в два счета.

— Пошли, — сказал он. — Это мне раз плюнуть!

Изя Кацнельсон увлек друга в дом, переписал характеристику и прочитал Сережке. Только фамилию, где надо, переменял. Это был замечательный документ. Изя с наслаждением читал его, а отдельные, самые выразительные места даже перечитывал по два и три раза: трудолюбив, морально устойчив.

В Сережкиной груди нарастал теплый радостный ком. Он только теперь узнал все свои достоинства, понял, как мало ценили его люди. Ему было даже как-то неудобно перед Изей из-за этого превосходства и массы положительных качеств. Ведь Изя тоже был, в сущности, неплохой парень...

Изя окончил чтение: нежно и вопросительно посмотрел на Сережку из-за своих круглых, увеличивающих, как графин с водой, очков. Сережка кивнул головой, сказал, что все отражено правильно и принципиальных возражений у него нет.

— Напиши, что я люблю детей, — сказал Сережка и немножко покраснел. — Сейчас так требуют...

Изе не хотелось снижать пафос документа

этим будничным признанием. Но он не стал спорить с другом из-за пустяков и уступил Сережке. Изя обмакнул перо в чернильницу и дописал внизу листка: «Очень любит детей и при встрече всегда здороваётся с ними».

Изя и Сережка отправились в домоуправление заверить характеристику. Там у Сережки была знакомая паспортистка. Она принесла маме паспорт и пила вместе с ней чай с вареньем. Паспортистке ничего не стоило шлепнуть на характеристике печать или какой-нибудь штамп.

В домоуправлении, однако, случилась небольшая осечка. Сережке сказали, что паспортистка уже ушла и, вероятно, вернется только завтра.

Горевал Сережка недолго. Можно оформить в няньки и так. Ему поверят на слово, не будут придирааться из-за какой-то печати. Это ясно.

Сережка не стал терять зря времени. Он еще раз поблагодарил лучшего друга Изю и отправился на службу.

Адрес, где требовали няньку, Сережка нашел без труда. Он знал город как свои пять пальцев. Это был небольшой домишко на окраине. Во дворе за деревянным забором румянились на солнце яблочки, созревали последние вишни.

Сережка открыл калитку и вошел во двор. Под деревом он увидел голубую коляску на высоких колесах и возле нее двух женщин.

Одна была совсем молодая, а другая старая, в белой косынке с двумя острыми концами на лбу. Молодая женщина смотрела в коляску на какой-то бело-розовый сверток и улыбалась. Старуха сидела на табуретке, раскачивала коляску рукой и пела:

— Баю-баюшки-баю, колотушек надаю...

Сережка понял все. Молодая — это хозяйка свертка, а старуха — нянька. Она опередила Сережку. Он не выдержал конкуренции, погорел, как швед под Полтавой, которого разбил Петр Первый.

Сережка повернулся и вышел за ворота. Разорвал в мелкие клочья Изину характеристику и швырнул прочь. Ветер подхватил белые лепестки и понес на самый край света. Сережка постоял еще немного, подумал и поплелся вслед за лепестками на край света...

* * *

Случилось так, что Сережка до конца света не дошел. Он доковылял только до железной дороги с полосатым шлагбаумом. Справа от переезда был глиняный бугор, а за ним — болото с лягушками. Из-за бугра доносился какой-то вой и визг. Сережка прислушался и понял — это гудела и визжала грузовая машина.

Там была узкая земляная дорога. После дождя по ней не ездили. Дождь был только вчера. Так разошелся, что деревья ломались. Наверно, шофер не знал, какая это дорога, и затесался в самую грязь.

Сережка полез на бугор, спустился по рыжему скользкому откосу и увидел грузовик с прицепом. На прицепе лежали длинные неструганые доски и большие ящики с черным клеймом.

Сережка подошел ближе. Машина увязла в болоте левым колесом, вырыла глубокую скользкую яму. Шофер дергал за рукоятки. Машина моталась из стороны в сторону, гремела всеми своими железками и не двигалась с места. Колесо вертелось вхолостую. Вокруг шлепали липкие черные комья.

Шофер окончательно выбился из сил. Он вылез из кабины, вытер рукавом лоб, уныло ударил каблуком по мокрому скату. Тут он заметил ротозея Сережку. Сначала он смотрел на Сережку, как смотрят на пустое место или телеграфные столбы, которые мелькают и мелькают за окном кабины. Потом лицо его оживилось. Вероятно, вспомнил, что вдвоем беда всегда вполбеда. Даже с таким маленьким и не совсем сильным человеком, как Сережка.

— А ну, малый, подмогни, — сказал он. — Чего стоишь?

Сережка принялся помогать шоферу. Он приволок из-за бугра обломки кирпичей, замостил яму, отошел в сторонку и поднял руку вверх.

— Тро-о-гай!

Машина вздрогнула, завертела колесами и, переваливаясь с боку на бок, покатила по дороге. Но ликовать и бросать шапки вверх было еще рано. Грузовик прокатил несколько метров, снова забуксовал и вырыл яму больше прежней.

Три раза Сережка и шофер вытаскивали машину, и три раза она снова зарывалась в грязь.

Грузовик раскалился, как печка. Из радиатора с шумом и свистом вырывались тонкие горячие струи. Они напоминали гейзер, который Сережка видел в учебнике по географии.

Солнце старалось вовсю. Даже лягушки примолкли, не показывали глаз из липкой зеленой тины. Только изредка какая-нибудь забудется, квакнет вполсилы и виновато замолкнет.

У Сережки ныло с непривычки все тело, все косточки. Он буквально валился с ног. И все же, как ни трудно это было, Сережка не бросил дела, доказал, что и он тоже может быть мужчиной, а не какой-то тряпкой и размазней.

Машина вырвалась, наконец, на оперативный простор, весело покатила по дороге. Шофер перевалил через бугор, притормозил и крикнул Сережке.

— Иди сюда, малый!

Не зная, что будет дальше, Сережка подошел. Шофер выпрыгнул из кабины, вытер руки тряпкой, затем полез в карман и протянул вдруг Сережке рыжий помятый рубль.

— Возьми, — сказал он. — Купишь чего, однако...

Они стояли рядом — два друга, которых свел случай, два работника и страдальца. Сережка не принимал подаяния. Только крепче сжимал зубами пересохшую, треснувшую поперек губу.

— Зачем вы так? — сказал он. — Я ж просто так помогал...

Шофер обнял Сережку за плечи. Крепко и горячо, как обнимают только друзей и единомышленников.

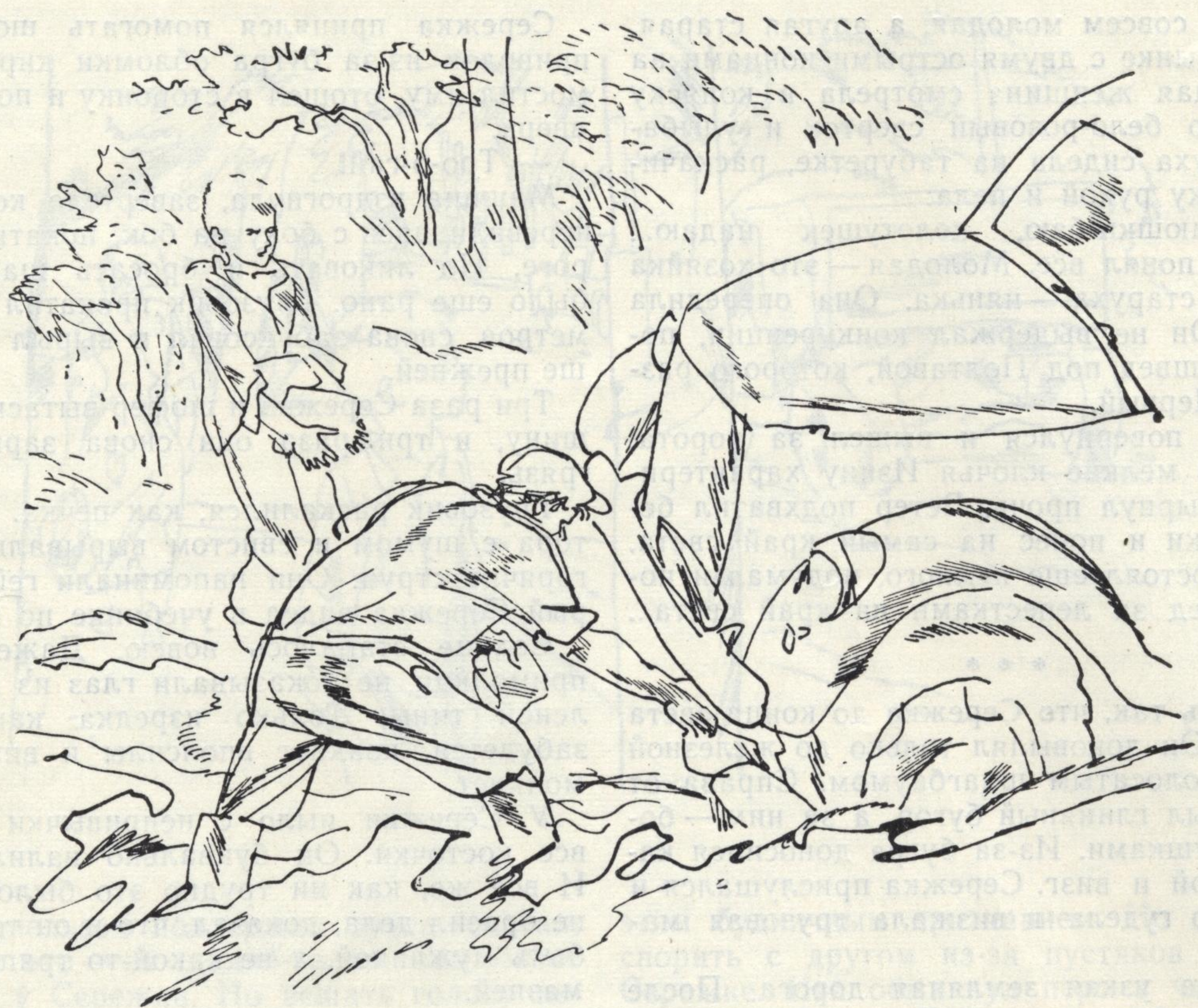
— Ты меня извини, — сказал он. — Я сразу понял, что ты просто так... Сережкой тебя зовут?

— Сережкой. Покусаев фамилия...

— Покусаев? А меня — Гырда. Смешно, правда?

— Ничего не смешно. Нормально!

— Я тоже думаю — нормально. Не в фами-

лии дело... Садись, Покусаев, в город подброшу.

Шофер открыл дверцу кабины, пропустил Сережку, а сам зашел с другой стороны, поправил узенькое зеркальце над головой и нажал на педали.

Машина катила по асфальту. Даже не верилось, что где-то в мире было болото с лягушками и глубокие черные ямы, вырытые колесами. Шофер закурил, поглядел сбоку на Сережку и спросил:

— Отец кто у тебя?

— Рабочий. На экскаваторном вкалывает...

— Законно! — одобрил шофер. — Рабочий — это тебе, Покусаев, человек... На нем вся земля держится!

За окнами кабины замелькали городские дома. Мягко поскрипывало сиденье, сбоку задувал прохладный вечерний ветерок. Сережка смотрел на эти знакомые дома и улыбался. Ему было приятно, что отец у него рабочий, а он, Покусаев, сын рабочего. Он помог шоферу вытащить машину, а теперь едет домой. Больше Сережке ничего не было нужно на свете...

Но попал Сережка домой не сразу. Тут сно-

ва дело в единстве взглядов шофера Гырды и Сережки Покусаева, одной точки зрения на главные вопросы жизни.

— Хочешь или нет, а я должен тебя накормить, — сказал шофер. — Не возражай, а то обижусь.

Сережка не возражал. Он сам хотел есть ужасно. Только стеснялся сказать.

Машина свернула в один переулок, затем в другой и остановилась возле высокого серого здания. Над дверью мигала неоновыми огоньками вывеска — «Столовая № 3».

Сережка и шофер захлопнули каждый со своей стороны дверцы и отправились в столовую есть и закреплять дружбу. Все тут было как прежде — и квадратные голубые столики, и шишкинская картина с медведями, и официантки возле буфета. Казалось, они так и не окончили делового разговора, который начали в первый Сережкин визит. Впрочем, и тут оказались перемены. На дверях столовой номер три уже не было объявления о подсобном рабочем. Наверно, подсобник нашелся. Все постепенно становилось на свое место.

Сережке и шоферу пришлось подождать. Но зато пировали они на славу. На столе бы-

ло все, что пожелает душа и предусмотрено раскладкой и калькуляцией. Сережка наел на рубль и четыре копейки. Живот у него стал как хороший полковой барабан.

Шофер тоже был доволен. Он предложил Сережке прокатиться на машине в другой конец города, но Сережка отказался. От всего, что пришлось пережить за этот долгий день, и сытой еды ему захотелось спать. В ушах стоял протяжный глухой звон и шум.

Первый раз за эти трудные дни Сережка возвращался домой без страха и сомненья. Он был с ног до головы перепачкан болотной грязью и тиной, на руках нестерпимо горели, созревали до положенного предела желтые водянистые пузыри.

Сережка ничего этого не замечал. Он взбирался по знакомой лестнице твердым замедленным шагом. Казалось, ничего с Сережкой особенного не случилось. Ни сегодня, ни вчера. И в то же время — случилось. Он увидел жизнь с разных сторон — и плохих и привлекательных, стал чуточку лучше и взрослее. Будто разошлась у него в душе и выпрямилась какая-то важная, необходимая в жизни пружина.

На лестничной клетке Сережку поджидал Изя Кацнельсон. Он не мог идти домой, не узнав, что случилось с Сережкой и почему его нет так долго с работы. Изя увидел Сережку и понял, что друг был не на секретном заводе, а где-то совсем в другом месте.

— Ты это откуда? — участливо спросил Изя.

Сережка не ответил. Все рассказывать — надо полдня. А если с подробностями, то даже больше. Сережка только приветливо кивнул Изе головой и сказал:

— Сейчас, Изя, некогда. Потом...

Сережка подымался домой не торопясь, уверенно печатал на ступеньках один шаг за

другим. Так делал его отец. Сережке хотелось быть похожим на отца — и внешне и внутренне. Сегодня он тоже был отчасти рабочим человеком...

Эта история записана со слов Сережки Покусаева. Это небольшая стенограмма его жизни и страданий. Возможно, он немного приврал. Сережка не может без этого. Но в основном тут все правда. Кое-кто, конечно, не поверит, скажет, что такого в жизни не было и не может быть. Пусть тогда спросят Сережку сами или напишут ему письмо. Можно расспросить и других. О Сережке охотно расскажут его лучший друг Изя Кацнельсон, Галя Гузеева, в которую Сережка влюблен с первого класса, или Вовка-директор, у которого ботинки сорок шестого размера. Но бить ноги и тратить деньги на конверты и марки нет смысла, потому что эту историю теперь уже знает пол-Воронежа. Даже немного больше...

Купил Сережка тапочки или не купил, неизвестно. Этот вопрос остается открытым. Скорее всего, не купил. Трудно маленькому мальчишке устроиться на работу. Да и не надо этого делать. Пусть пока растет, учится и не таскает домой двоек по арифметике. О тапочках можно расспросить и самого Сережку. Но мы не советуем. Сережка может наговорить такого...

Автор этой повести тоже мог бы приврать, сказать, что Сережка заработал кучу денег, купил себе тапочки, матери капроновую косынку, отцу — галстук, а лучшему другу Изе Кацнельсону шариковую ручку на три цвета. Но он не хочет делать этого, не будет извращать действительность и вводить читателей в заблуждение. Истина для него дороже всего на свете.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 3 награждены дипломами — Людмила Липатова (Гатчина), Сергей Ковалев (Южно-Сахалинск), Михаил Бержанер (Ленинград), Александр Вислоцкий (Кривой Рог), Сергей Хабаров (Путивль), Александр Голубцов (Москва), Рафаил Садыков (с. Б. Полянки), Виктор Даценко (п. Ольховатка), Марат Хасанов (Казань), Игорь Усенко (Киев), Александр Пронин (Липецк), Андрей Гаркави (Москва) и другие доблестные рыцари.

ДВА МИРА НА ОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Борис Никольский

Кто кому помогает?

Мальчик-анголец получил тяжелые ожоги во время налета португальских самолетов. Напалмовые бомбы для ведения колониальной войны в Анголе Португалия закупает в Соединенных Штатах Америки

Представьте себе такую сцену: встречаются два человека, и один говорит:

— Не можешь ли ты мне дать в долг денег? Очень нужно.

— Пожалуйста! — отвечает второй. — Конечно, могу! Что за разговор!

— Ну вот спасибо! — радуется первый. — Выручил!

— Только с двумя условиями. Ну, проценты, это само собой разумеется. Через год вместо ста рублей вернешь сто десять...

— Ладно, — говорит первый, — что же делать...

— И еще одно условие, — говорит второй. — Я тебя выручил, и ты меня выручи. Тут у меня вещички кое-какие залежались — телевизор старый, ботинки малы оказались, продавать нужно, — так ты их у меня и купи на те деньги, что я тебе в долг даю.

— Какой телевизор? Не нужен мне телевизор! Я другие вещи купить собирался.

— Ах, не нужен? Тогда я и денег не дам. До свидания!

Очень странный разговор, не правда ли?

Но вот на днях я наткнулся в газете на такую заметку:

«Официальные представители Боливии заявили, что правительство не может принять займы от США.

Займы, предоставляемые США этой стране, обычно сопровождаются навязыванием обязательных закупок товаров в США, причем по высоким ценам.

На практике, как отмечает «Нью-Йорк таймс», США

получают два доллара на каждый предоставленный в кредит».

Вот теперь и решайте — так ли уж неправдоподобен тот разговор, о котором вы прочли в начале главы.

Не случайно один наш советский художник даже нарисовал такую карикатуру: боливец в огромной шляпе-сомбреро убегает от тол-

стого дядюшки Сэма, который замахнулся, как дубинкой, мешком с долларами. «Караул! Помогают!» — такая подпись сделана под рисунком. Очень точная подпись!

И не случайно боливийский ученый Педро Вильоло однажды так прямо и сказал:

— Дары Соединенных Штатов дают хлеб на сегодня и несут голод на завтра.

Как две капли нефти...

Можно рассказывать много и долго о том, как дерутся капиталисты друг с другом из-за нефти. Об этом написаны очень толстые и очень серьезные книги. Но сейчас я хочу рассказать вам только две истории.

ОДНА ИСТОРИЯ началась давно, еще до революции, в царской России.

Далеко на севере, возле Ухты, там, где теперь расположена республика Коми, была найдена нефть.

Казалось бы — найдена нефть и прекрасно! Что может быть лучше?

Но это известие не обрадовало Нобеля — владельца нефтепромыслов в Баку. Промыслы Нобеля были самыми главными и едва ли не единственными в России. Он боялся, что нефть станет дешевле. Ему вовсе не было дела до интересов страны.

И что же он тогда сделал? А вот что.

Он купил право на добычу нефти на севере сроком на пять лет.

Ровно пять лет он платил за это право. И ровно пять лет ни один рабочий, ни один инженер не появлялся там, где под землей залегала нефть. Ни капли нефти не было добыто за пять лет. «Мне не надо, но и другим не дам», — именно по такому правилу действовал Нобель.

Но вот пятилетний срок кончился.

Может быть, Нобель сдался, уступил? Ничуть не бывало.

На помощь ему пришли газеты.

Газеты писали, что нефти на Ухте совсем мало, что тратить деньги на ее разведку невыгодно и бессмысленно, что ни один серьезный геолог не возьмется за это дело.

Нобель добился своего.

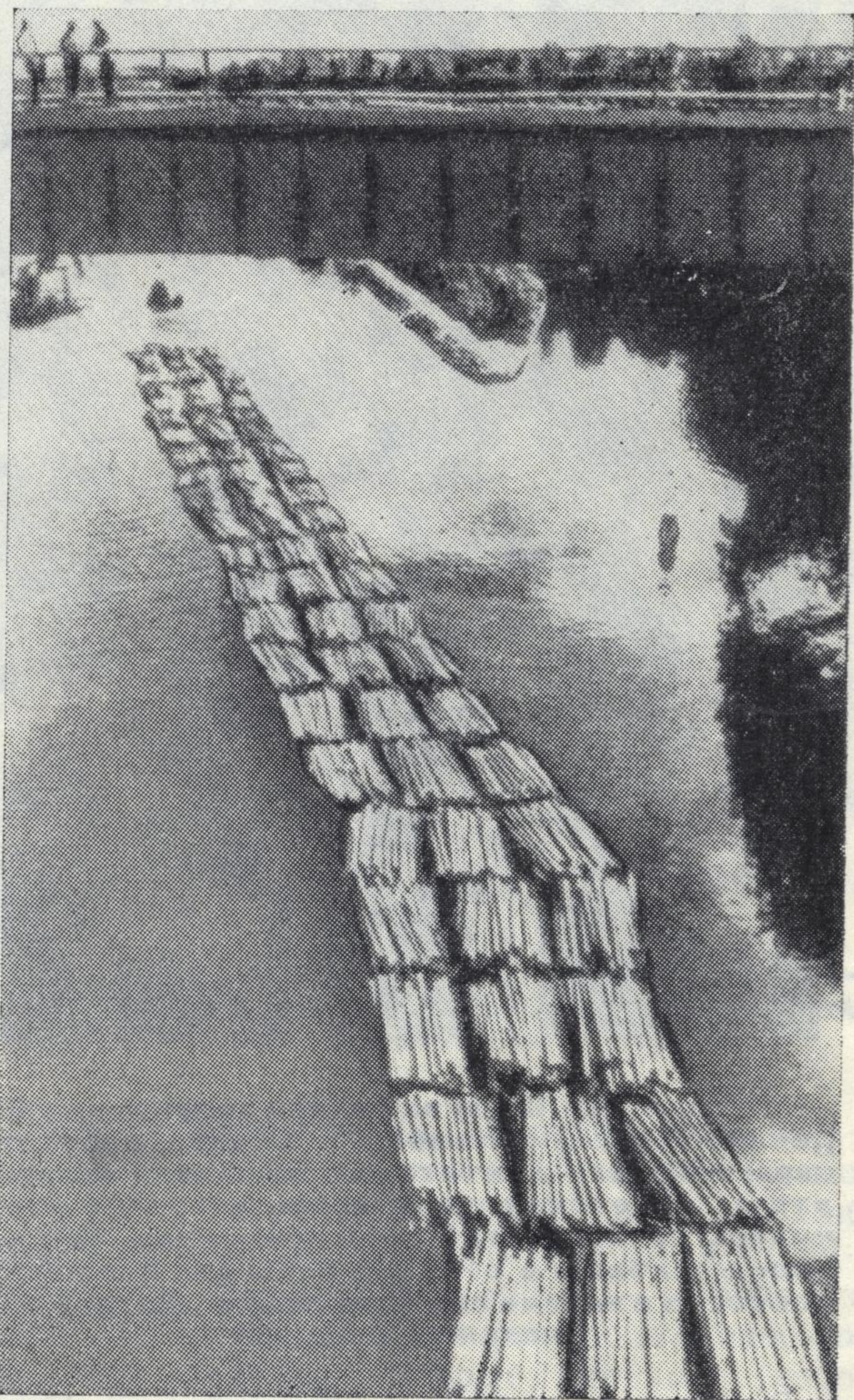
Только после Октябрьской революции на Ухту была послана экспедиция.

Судьбой ухтинской нефти очень интересовался Владимир Ильич Ленин. И не напрасно. Запасы нефти оказались немалыми.

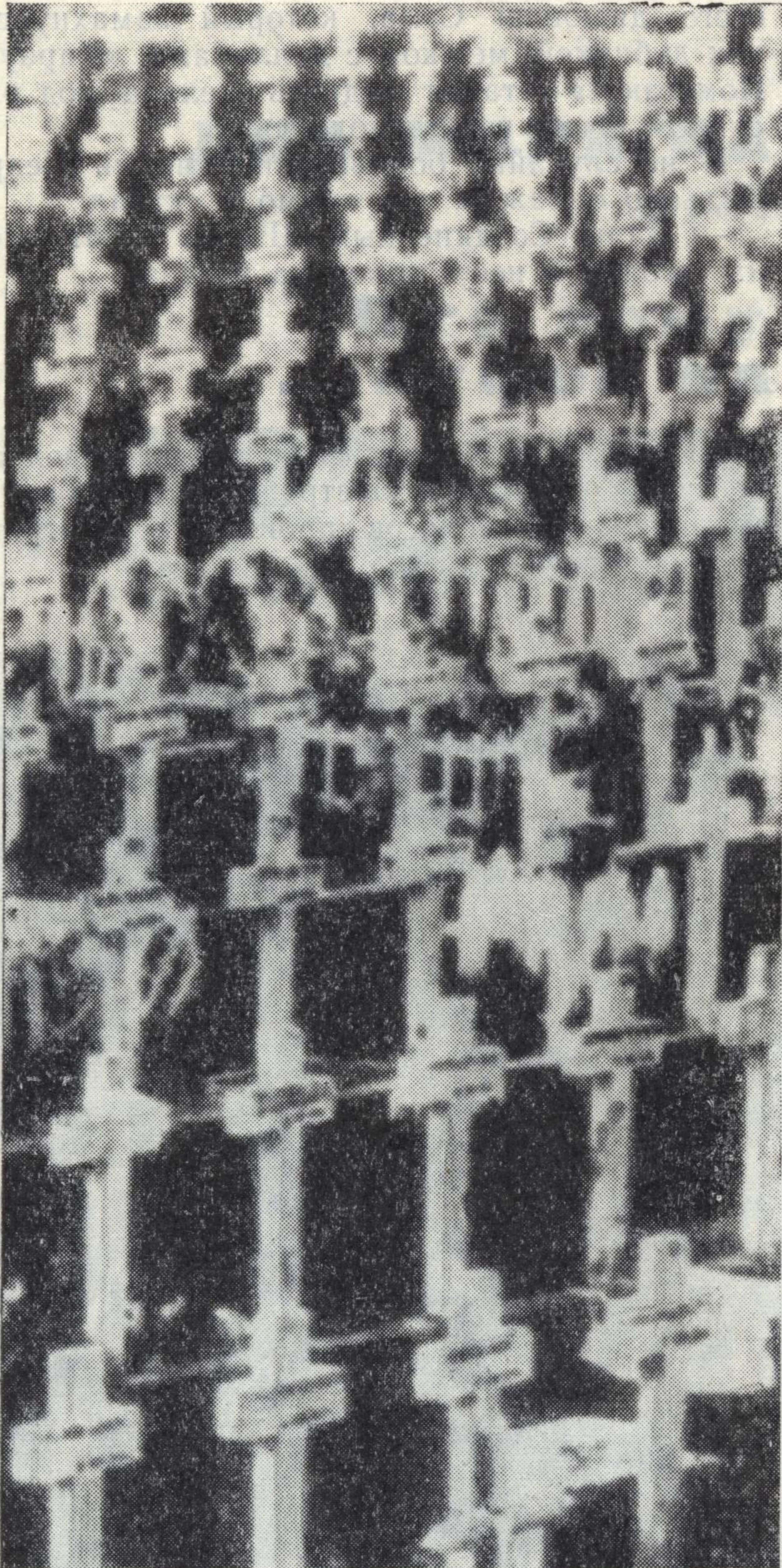
А теперь **ИСТОРИЯ ВТОРАЯ**.

Эта история произошла всего несколько лет назад уже в другой части света, в далекой латиноамериканской стране Бразилии.

В 1955 году бразильская государственная нефтяная компания «Петробраз» пригласила американских геологов произвести в стране разведку нефти.

Сайминский канал — одна из главных водных магистралей Финляндии. Часть канала проходит через территорию нашей страны. Его сооружение стало возможным благодаря активному содействию Советского Союза (смотри „Костер“ № 12 за 1988 год)

С тех пор как Парагвай начал получать от США „экономическую помощь“, личное состояние парагвайского диктатора Стресснера возросло втрое, а детская смертность в стране увеличилась на пятьдесят пять процентов. Это детское кладбище в столице Парагвая Ассунсионе известно в народе под названием „Погребенная надежда страны“

Руководил работами американец Уолтер Линк, между прочим, бывший сотрудник компании «Стандард ойл». Это стоит запомнить.

Пять лет длились работы. Наконец в 1961 году Уолтер Линк представил отчет.

Он сообщал, что нефти в Бразилии очень

мало, что если и можно ее отыскать, то лишь в отдаленных, труднодоступных районах, что добывать ее невыгодно и бессмысленно.

«Я предлагаю прекратить разведки», — писал Уолтер Линк.

Кого же восхитил этот отчет?

Больше всего он восхитил американских нефтяных королей — могущественную «Стандард ойл». Нефтяные короли вовсе не хотели, чтобы у Бразилии появилась своя нефть. Зачем? Пусть лучше Бразилия покупает нефть у «Стандард ойл».

Но бразильцы не успокоились. Они вновь пригласили геологов. На этот раз не американских, а советских.

Советские нефтяники Эйюб Тагиев и Эрнест Бакиров прибыли в Бразилию.

Несколько месяцев провели они в этой стране. На автомобилях, на гидросамолетах, на катерах пробирались они по притокам Амазонки и по безводным пустыням, через непроходимые джунгли и плоскогорья.

Они работали не покладая рук, они торопились, потому что помнили: Бразилии нужна нефть.

«Мы не знали, что такое суббота и воскресенье, — рассказывал уже после Эйюб Тагиев. — Мы жили на берегу океана и не видели его».

Эйюб Тагиев и Эрнест Бакиров составили карту нефтяных месторождений Бразилии.

«В Бразилии есть нефть! — утверждали они. — И немало».

«Фонтаны нефти скоро забьются на Амазонке!» — радовались бразильцы.

Но радовались они рано.

Фонтаны нефти не забились на Амазонке.

Что же случилось?

Может быть, советские геологи ошиблись и прав оказался американец Уолтер Линк? Нет, дело совсем не в этом.

Просто в Бразилии произошел военный переворот. И новое правительство вовсе не хочет портить отношения с нефтяными королями Америки.

Говорят даже, что карту, составленную Тагиевым и Бакировым, уничтожили.

Так спокойнее для «Стандард ойл».

И вот ведь какая любопытная вещь.

Сами капиталисты, да и те ученые, которые им служат, очень любят твердить о том, что капитализм, мол, теперь совсем изменился, что его и капитализмом-то называть не стоит.

Если это верно, то почему же так похожи эти две истории?

Так всегда будет

Однажды в Советский Союз пришло письмо из далекой африканской страны Анголы.

Это письмо добиралось к нам нелегким путем. Оно было написано в джунглях, там, где скрываются партизаны. Ведь в стране до сих пор еще хозяйничают португальские колонизаторы. В стране идет война.

Письмо было адресовано советскому геологу Меланье Ковалевой.

«Мой дорогой друг!

В этой короткой спешно написанной записке хотелось бы поблагодарить Вас за Ваше любезное содействие и предложение. Нашим партизанам очень понравился хлеб по Вашему рецепту...»

Любопытно — что же это за хлеб? И почему ангольские партизаны благодарят за него советского геолога?

Оказывается, дело было так.

Меланья Ковалева познакомилась с женщинами из Анголы в Москве. Ангольские гости рассказывали о нелегкой партизанской жизни. И между прочим пожаловались, что особенно трудно обеспечивать партизан хлебом. Выпекать хлеб каждый день невозможно. И сохранить его долго в тропическом климате тоже невозможно. Вот и получается, что нередко бойцы остаются без хлеба.

Тут-то и вспомнила Меланья Ковалева о хлебе казахских кочевников-животноводов — о баурсаках. Как готовятся баурсаки — шарики пресного теста, сваренные в кипящем жиру — она узнала еще в молодости, когда работала в казахских степях. Очень понравился ей тогда этот казахский хлеб. А главное — он мог сохраняться целыми месяцами.

Меланья Ковалева рассказала о баурсаках ангольским женщинам. А на другой день пригласила гостей домой и показала, как баурсаки делаются. И отправился старинный казахский рецепт в далекую африканскую страну.

Этот студент из Нигерии учится на филологическом факультете Киевского университета. Он будет преподавать русский язык и литературу в одном из вузов своей страны

Простая, казалось бы, не очень значительная история. Конечно, она не идет ни в какое сравнение с историей Асуанской плотины или огромного металлургического завода в индийском городе Бхилаи. Подумаешь — шарики из теста! Не лучше ли было рассказать здесь о советских ракетах, которые охраняют небо Вьетнама, или о тысячах мин, извлеченных советскими саперами из земли Алжира?

Но все-таки и эта скромная история говорит о многом. Любовь советских людей всегда на стороне тех, кто борется за свою свободу. Так всегда было. Так всегда будет.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИЛЫ

1. Отталкивание рукой от опоры. 10 раз каждой рукой.

2. Броски набивного мяча 0,5—1 кг двумя руками снизу вперед. 12 раз.

3. Выпрыгивание из исходного положения, стоя толчковой ногой на опоре высотой 40—50 см. Обращай особое внимание на работу маховой ноги. 8 раз на каждую ногу. Темп средний.

4. Поднимание бедра с отягощением (мешок с песком — 5 кг). 15 раз на каждую ногу. Темп средний.

5. Быстрое поднятие рук и ног из исходного положения лежа на спине. Руки держи за головой, ноги вместе. Поднимай быстро, опускай в исходное положение медленно. 8 раз.

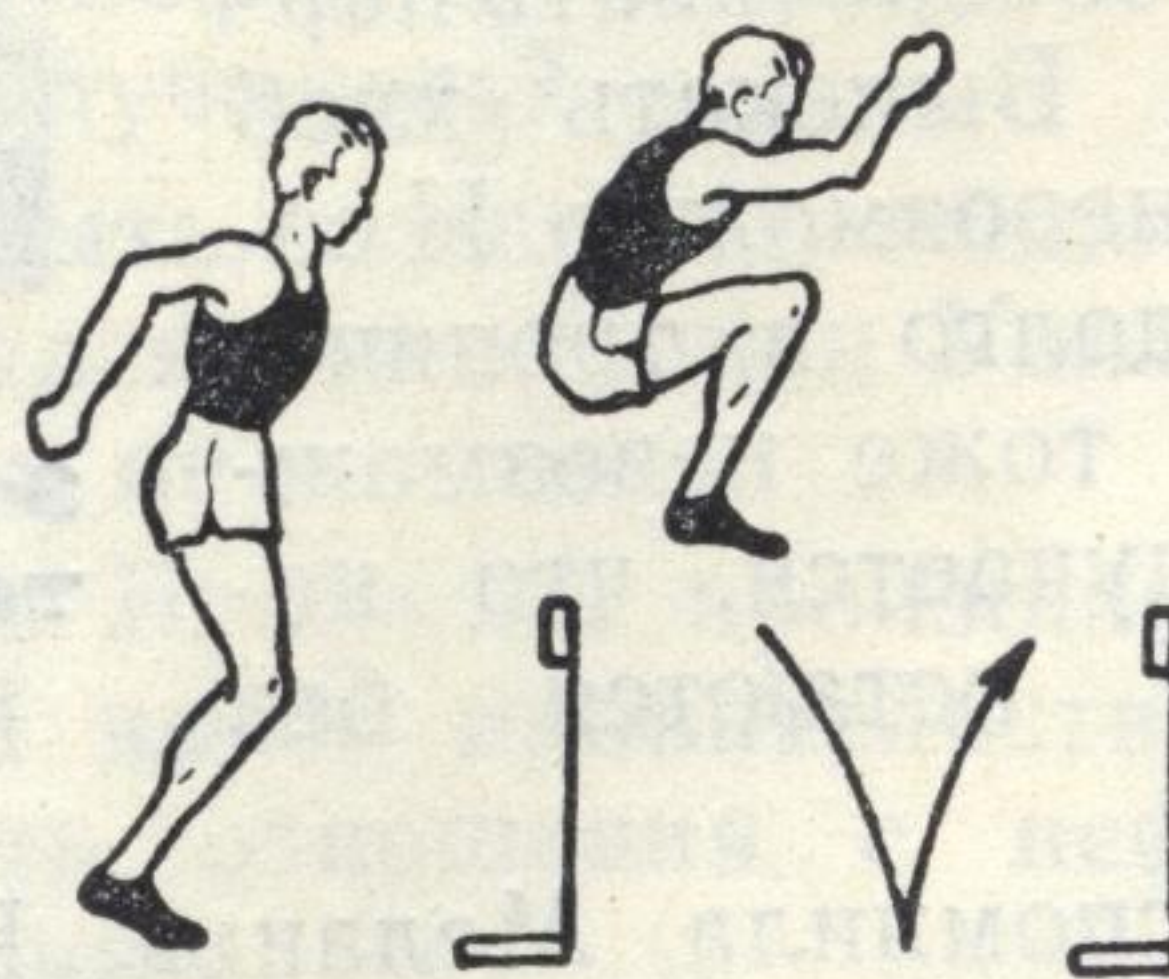

6. Лежа на животе, поочередно сгибай ногу в коленном суставе. Партнер оказывает умеренное сопротивление. Упражнение для укрепления задней поверхности бедра. 12 раз на каждую ногу. Можно сгибать обе ноги одновременно.

7. Прыжки через барьеры или кусты высотой 40—50 см. Толкаться обеими ногами. 4 раза. Темп средний.

Нагрузки рассчитаны на спринтеров 15—16 лет. Мальчики и девочки 13—14 лет выполняют эти упражнения, уменьшая количество повторений вдвое и увеличивая интервалы отдыха как между повторениями, так и между отдельными упражнениями.

Дневник самоконтроля

Каждому, кто решил серьезно заниматься спортом, надо вести дневник самоконтроля.

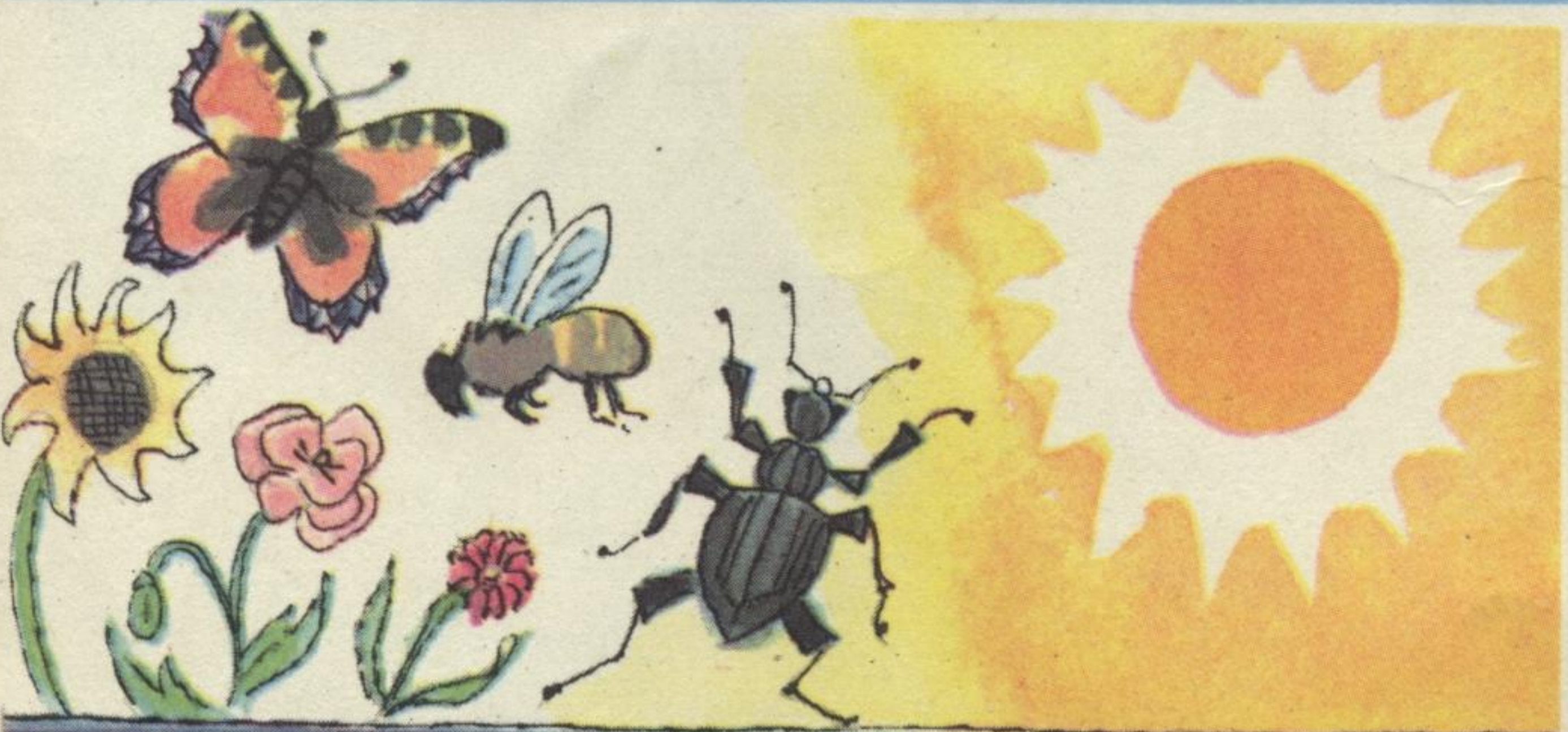
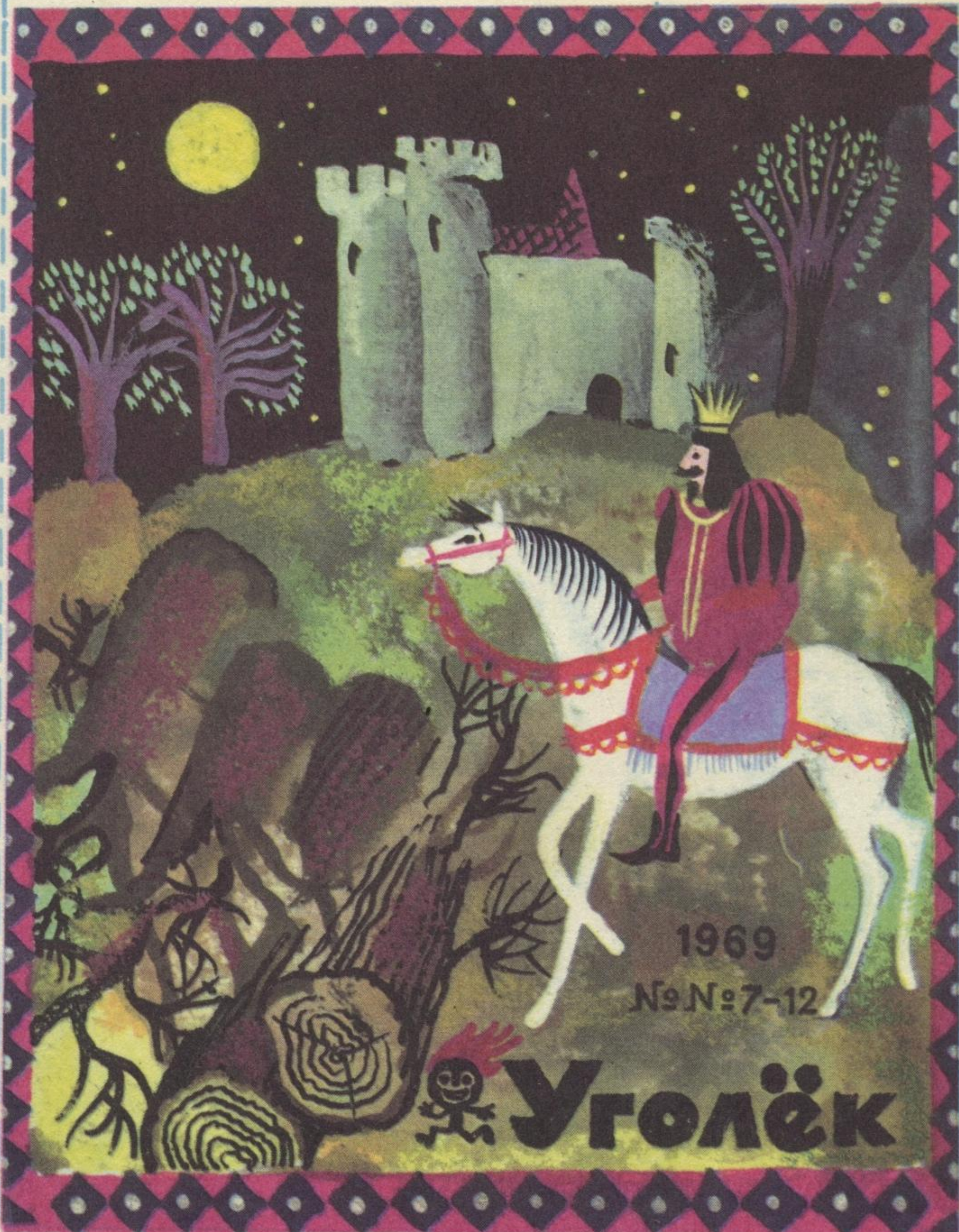
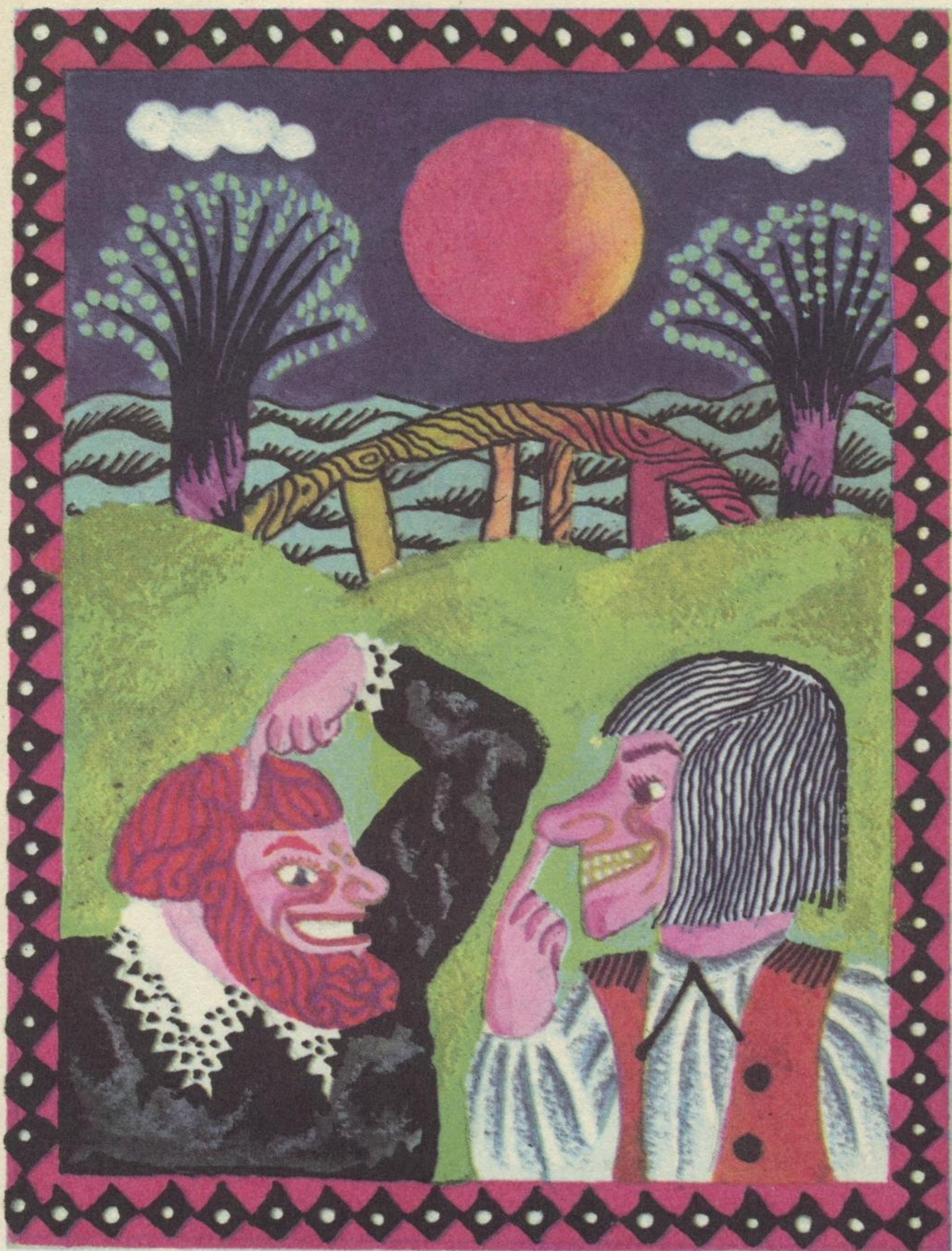
В дневнике самоконтроля каждую страничку нужно разделить пополам. Слева пишется содержание тренировочного занятия, справа — сведения

о самочувствии в этот день: как спал, какой пульс, аппетит. Неплохо отмечать также изменения в настроении, состояние работоспособности.

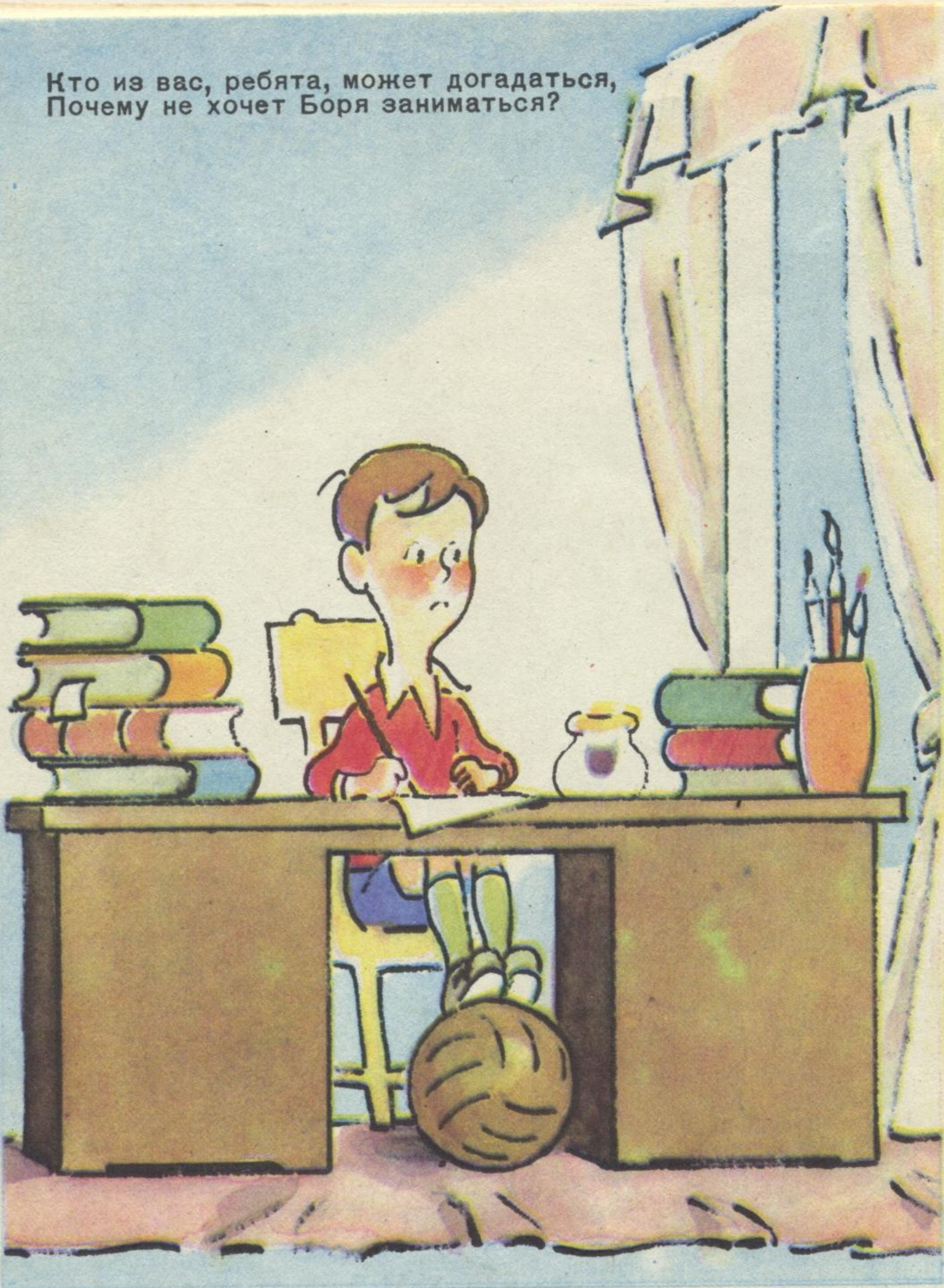
Записывай ежедневно в одни и те же часы. Обязательно отмечай в дневнике вялость, головную боль,

сердцебиение, чувство усталости. Этот дневник станет хорошим подспорьем для тебя в составлении тренировочных планов и даст возможность спортивному врачу или тренеру посоветовать тебе, как тренироваться дальше.

А. Лаптев,
кандидат медицинских наук

Кто из вас, ребята, может догадаться,
Почему не хочет Боря заниматься?

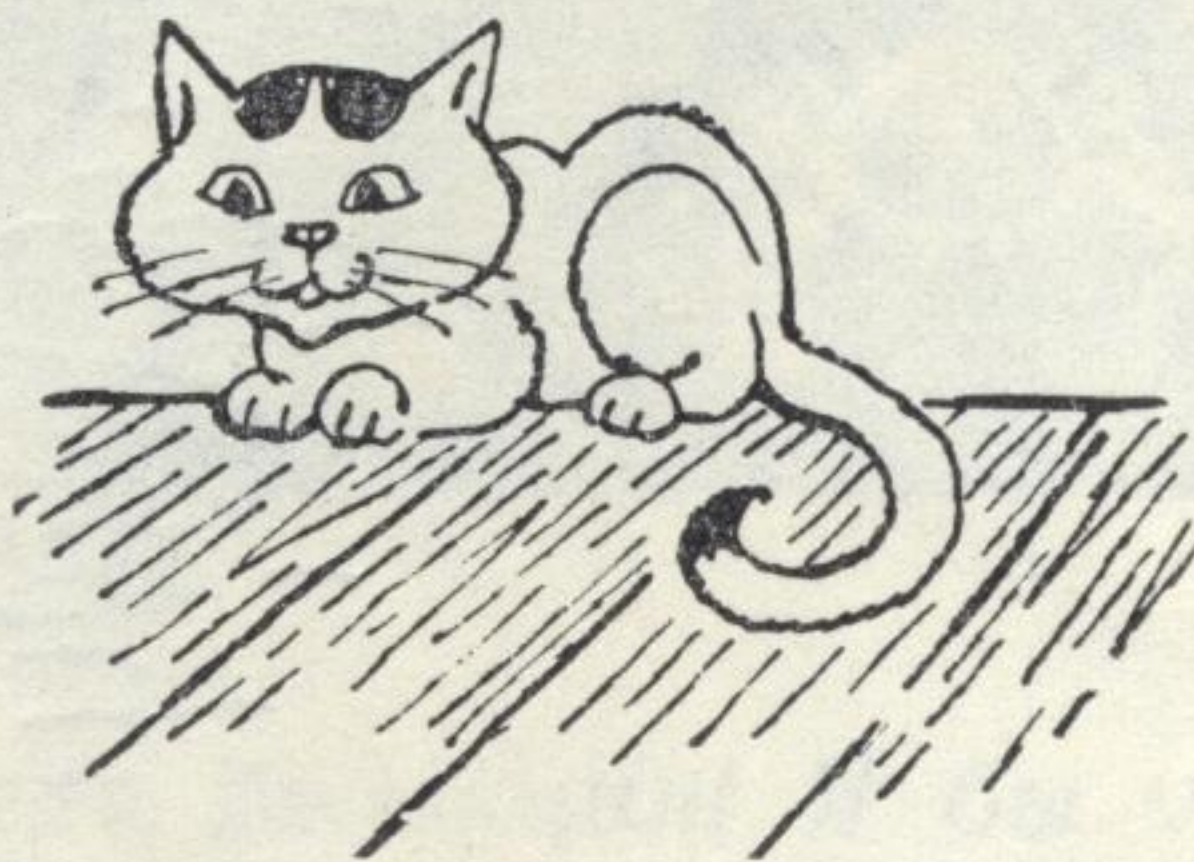
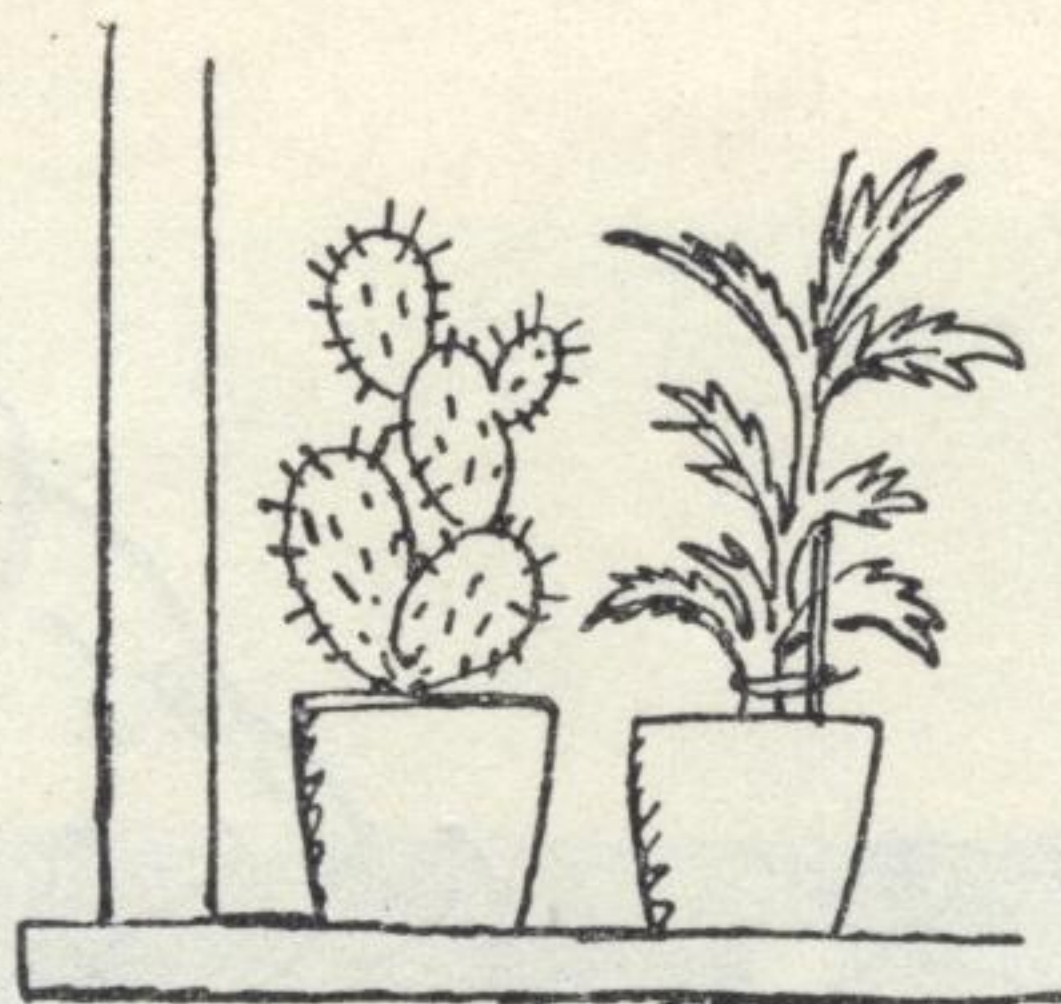
В школу шагает мальчишка Шурик,
Его провожает вприпрыжку Шарик.

Шурик усталый из школы идет,
Шарик приятеля не узнает.

Но дело в том,
Что наша кошка
И дни и ночи
Напролет,
Вдыхая тихо
У окошка,
Сидит и мышку
В гости ждет.

А мышка —
Видели плутовку! —
К себе гостей
Не позовет.
Сама же ходит
К нам в кладовку,
Хоть там ее
Никто не ждет.

Семен Коган

Рисунки Б. Семенова и С. Острова

Писатель Джеймс Болдуин живет в Соединенных Штатах Америки, а там, как известно, людей преследуют и угнетают, если у них такая темная кожа, как у Джеймса. Но Джеймс Болдуин не из тех, кто хнычет, жалуется и боится постоять за себя, он пишет смелые книги, храбро выступает на демонстрациях, он борется за то, чтобы негры в Америке были равноправны с белыми.

А еще Джеймс Болдуин добрый и веселый человек. Прочтите в этом и в одиннадцатом выпуске «Уголька» старинные сказки, которые он пересказал для детей, и убедитесь сами.

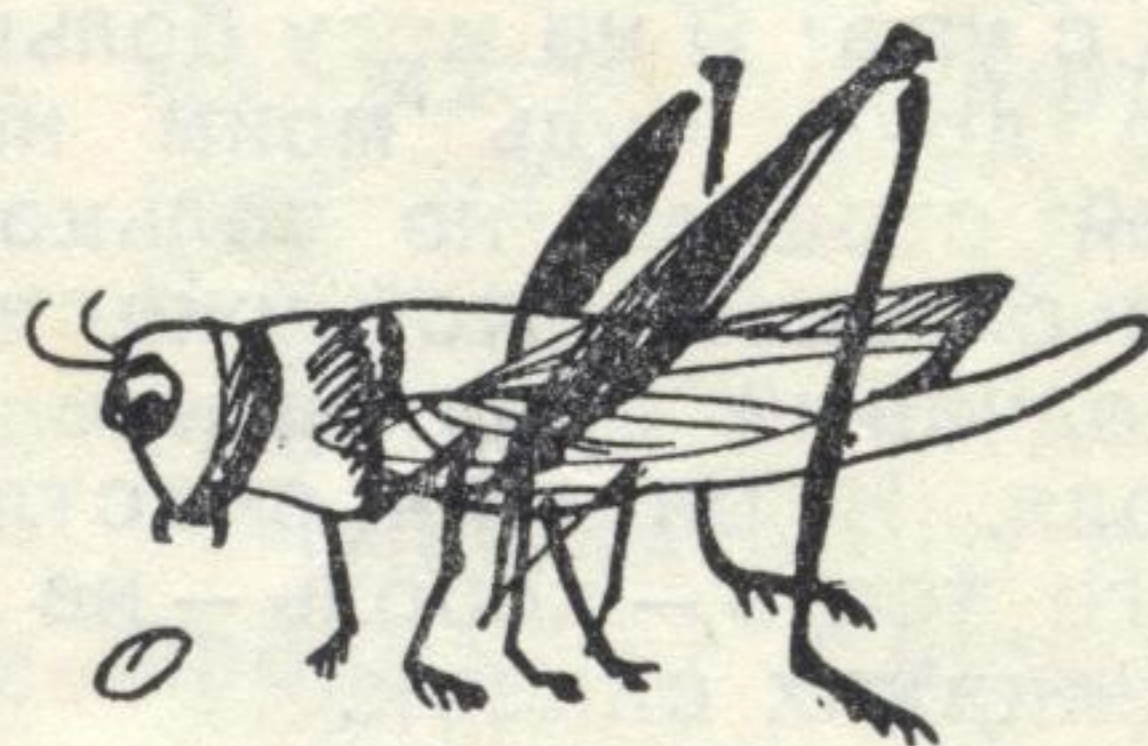

— Да, если он сможет рассказать что-нибудь этакое, — сказал король. — Если нет, он потеряет голову.

— Прекрасно, — сказал незнакомец. — Я готов рассказать очень интересную сказку про саранчу.

— Рассказывай, — сказал король, — я слушаю тебя.

И рассказчик начал: „Когда-то давно один король приказал собрать всю пшеницу и свезти ее в каменный амбар. Но над полем пролетала большая стая саранчи, и она заметила, куда было спрятано зерно. После долгих поисков саранча обнаружила в стене маленькую дырочку, через которую могло пролезть только одно насекомое. И вот одна саранча пролезла в дырочку и вынесла из амбара одно зерно пшеницы, затем другая

саранча пролезла в дырочку и тоже вынесла зерно пшеницы, затем другая саранча пролезла в дырочку и вынесла зерно пшеницы...“

День за днем, неделю за неделей рассказчик твердил: „Затем другая саранча пролезла в дырочку и вынесла зерно пшеницы...“

Прошел месяц, прошел год. К концу второго года король спросил: „Как долго еще

будет саранча влезать в амбар и выносить зерна?“

— Мой король! — ответил бродяга. — Они вычистили амбар только на один локоть. А в амбаре еще много тысяч локтей!

БЕСКОНЕЧНАЯ СКАЗКА

В одной южной стране правил король, которому совершенно нечего было делать. Каждый день с утра до вечера он сидел на мягких подушках и слушал всякие истории и сказки. И было неважно, о чем сказка, интересная она или нет. Король никогда не уставал слушать, даже если она была очень длинная.

— Только один недостаток я нахожу в твоей истории, — часто говаривал он. — Она слишком коротка.

2

— Мучитель! — закричал король. — Ты сведешь меня с ума! Я не могу больше слушать. Бери мою дочь, будь моим наследником, правь моей страной, но только не говори больше ни слова об этой ужасной саранче!

Так находчивый бродяга женился на дочери короля. И он жил счастливо многие годы. А его тесть — король — не мог больше слышать никаких сказок.

Перевел с английского Л. Прыгунов

КАК ДЕЛАЕТСЯ „УГОЛЁК“

Ежемесячный выпуск «Уголька» нужно аккуратно вырезать из журнала по сплошным линиям и сложить по пунктирным. К концу года наберется шесть выпусков, все шесть нужно вложить в цветную обложку, которая напечатана в этом номере «Костра». Остальные цветные странички нужно вставить так, чтобы картинка с грибами оказалась после «Уголька» № 8, картинка с Шуриком и Шариком — перед «Угольком» № 9, картинка с лежебокой — после «Уголька» № 10, картинка с пекарем — перед «Угольком» № 11. Вся книжечка потом сшивается вместе.

6

ГОСТИ

Накинув
Старое пальтишко,
И дни и ночи
Напролет

Дворовый пес,
По кличке Тишка,
Сидит и кошку
В гости ждет.

7

К нему во дворец приглашались рассказчики со всего мира, и некоторые рассказывали в самом деле очень длинные истории, но король всегда огорчался, когда истории кончались.

Наконец, он разослал гонцов по всей стране, предлагая большую награду любому, кто придумает ему бесконечную сказку.

— За такую сказку, — сказал король, — я отдам этому человеку в жены свою дочь, сделаю его наследником и он будет королем после меня.

Но это было не все. Он еще поставил тяжкое условие: „Если он начнет рассказывать сказку и, не дай бог, остановится, я отрублю ему голову“.

Дочь короля была очень красива, и молодые люди той страны готовы были сделать все что угодно, чтобы получить ее в жены. Но терять голову тоже было жалко, так что не многие решились попытать счастья.

Один юноша рассказывал сказку три месяца, но на четвертый его фантазия истощилась, и он больше ничего не мог придумать. Его судьба стала предостережением для других, и долгое время никто не пытался проверить терпение короля.

Но однажды во дворец пришел молодой бродяга с севера.

— Величайший повелитель! — сказал он. — Это правда, что ты предлагаешь награду тому, кто расскажет историю, у которой нет конца?

— Правда, — ответил король.

— И ты отдашь ему в жены свою дочь и сделаешь своим наследником?

8

«Дорогая редакция! Я бы очень хотела, чтобы на страницах журнала кто-нибудь из акванавтов рассказал об освоении морских глубин. К сожалению, я не знаю ни одного из этих мужественных людей по имени», — пишет Оля Попова из Москвы. Оле и другим читателям «Костра», интересующимся подводным плаванием, отвечает мастер спорта тренер клуба «Нептун» Виктор Иванович Солонкин.

ПРЕВРАЩЕНИЕ В ИХТИАНДРА

Одни с острогой или пружинным ружьем охотятся на рыб.

Другие исследуют дно незнакомых водоемов, составляют описание флоры и фауны.

Третьи участвуют в спортивных состязаниях, меряясь силами в скорости плавания или глубине ныряния.

Четвертые ведут археологические изыскания, поднимая со дна древние амфоры и оружие.

Пятые добывают в глубинах морей кораллы, жемчуг, губку...

Да разве все перечислишь! В спасательных работах, в военном деле, в разведении ценных сортов рыб, в геологических изысканиях, в киносъёмках не обойтись в наши дни без помощи спортсменов-подводников.

Чтобы почувствовать себя как рыба в воде, нужно обзавестись кое-каким специальным снаряжением.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ РЕЗИНОВАЯ МАСКА со стеклом, плотно прилегая к лицу, защищает глаза от соленой мор-

ской воды. Кроме того, стекло дает широкий обзор и позволяет видеть все под водой так же хорошо, как и на суше.

ЛАСТЫ — резиновые плавники. Благодаря им спортсмен развивает скорость 3—4 километра в час. Ласты придают пловцу большую устойчивость и маневренность.

ДЫХАТЕЛЬНАЯ ТРУБКА с резиновым мундштуком-«загубником» на одном конце дает возможность дышать в воде. Чем проще и легче трубка, тем она удобнее; ее длина не должна превышать 50 см.

Все вместе — трубка, маска и ласты — называются комплектом № 1, с помощью которого можно плавать с опущенным вниз лицом и нырять на небольшую глубину.

В комплект № 2, кроме этого, входит **АКВАЛАНГ**, что значит в переводе «подводные легкие». Этот замечательный дыхательный аппарат, изобретенный французскими исследователями моря Кусто и Ганьяном, позволяет долгое время находиться под водой и опу-

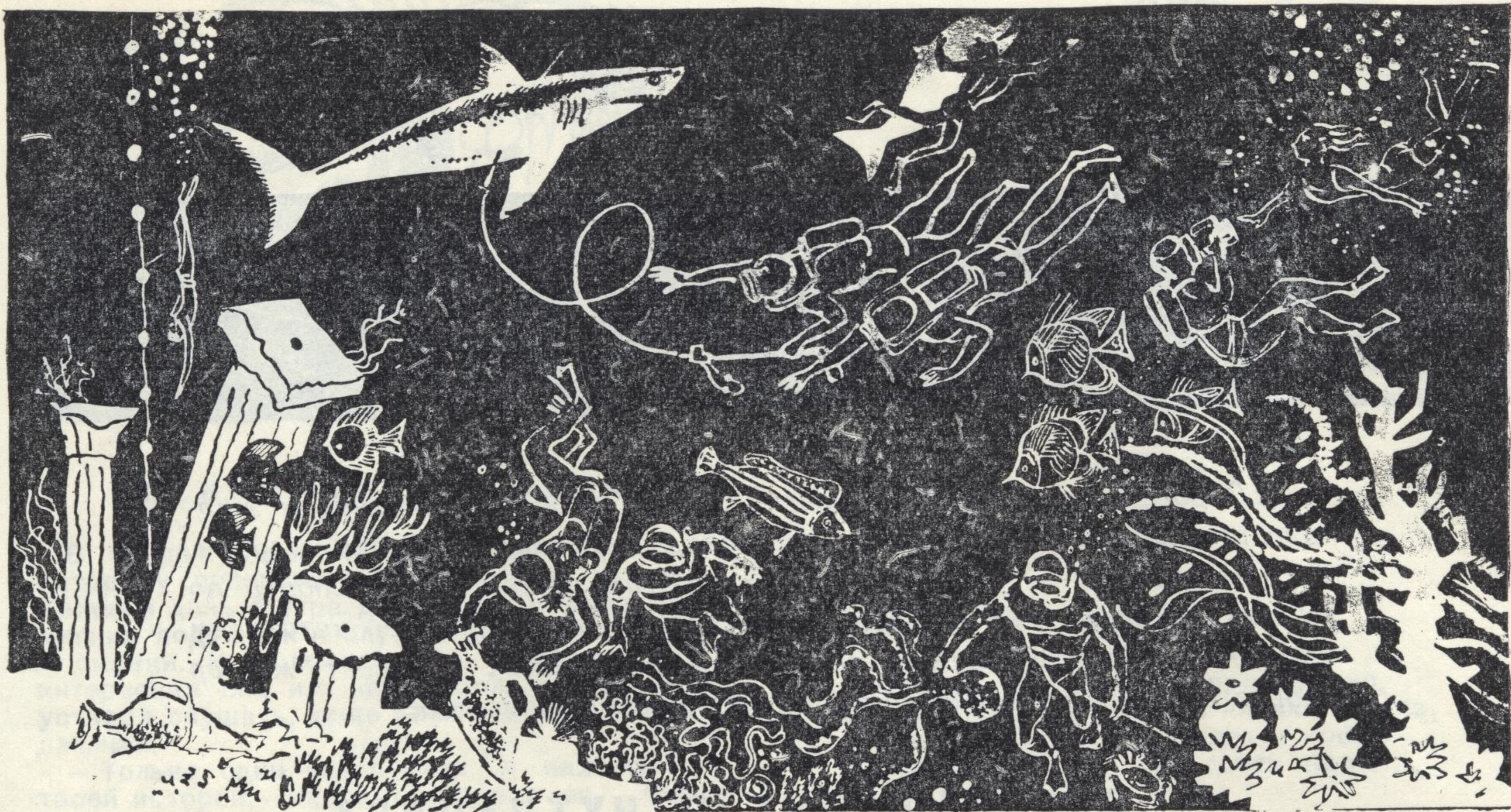
скаться на значительную глубину.

Разнообразны состязания, которые проводятся под водой. Я, например, выполнил норму мастера спорта в подводном пятиборье на первенстве Вооруженных Сил в Севастополе.

Что для этого мне пришлось проделать? Сначала выступал в комплекте № 1. 40 м под водой я пронырнул за 21 секунду, а 1000 м проплыл в маске за 13 минут 12 секунд.

Затем приступил к более трудным упражнениям. Здесь уже понадобился акваланг, компас, глубиномер и счетчик дистанции. Даже с помощью этих приборов нелегко было обнаружить пять разбросанных на глубине контрольных буйков. Еще затруднительнее был подводный слалом, где идти по сложной дистанции пришлось без ориентиров.

И, наконец, пятое упражнение — групповое. Вместе с двумя товарищами мы по сигналу стартера натянули подводное снаряжение и бросились в во-

ду. Встретились у первого ориентира, обнаружили там груз и доставили его ко второму ориентиру. Оттуда, не теряя ни мгновения, устремились к линии финиша.

Кстати, такие же соревнования проводились в прошлом году в Крыму, вблизи Алушты. Здесь был разыгран чемпионат Европы. Советские аквалангисты завоевали 14 золотых медалей из 16!

...Непроглядная темень. Металлические таблички, закрепленные на тросе, едва мерцают. Спортсмен, продолжая скользить вниз, срывает, наконец, одну из пластинок с троса. А теперь — подъем! Проходит еще около минуты. Стоящие наверху видят, как из глубины будто вырастает гигантский шевелящийся бутон. И вот уже ясно, что это фигура человека. Вспыхивает овал, стреко-

дут кинокамеры. Только что вынырнувший спортсмен — Рон Крофт — поднял над головой пластинку с цифрами «72». Таков отныне мировой рекорд погружения без дыхательного аппарата.

Достижения, установленные с помощью акваланга, еще более поразительны. На глубину 1000 футов, то есть 304 метра, опустился в 1962 году швейцарец Г. Келлер.

Урок.
всего архиварий

НЕДОСТОЙНЫЙ СЫН

Рассказывают, что когда турецкий поэт Махамут-оглы был сражен вражеской пулей в бою, его вдова Евва оплакала смерть мужа-бойца в стихах столь прекрасных, что сравнялась с ним поэтической славой и снискала всенародную любовь.

К сожалению, единственный сын супругов-поэтов беспутным поведением немало огорчал свою славную мать и вовсе не желал слушать ее увещаний. Когда же друзья пытались его усостыжить и заставить прислушаться к материнским советам, молодой повеса говорил:

— Вот еще! Слушать ее! Я — сын Махамут-оглы и Еввы, а она кто?

Штурм «голубого континента» продолжается. Одними из самых отважных гидронавтов были, без сомнения, советские ученые В. Савин и Ю. Пыркин. Находясь на арктической станции «Северный полюс-6», они первыми в мире опустились под лед в высоких широтах.

Погружение человека в воду — это вторжение в мир высоких давлений. В целом человек довольно легко выдерживает сжатие. Ведь наше тело более чем на 70 процентов состоит из несжимаемой воды. Но зато воздух в легких от большого давления сжимается, резко уменьшается в объеме. Значит, на какой-то критической глубине неизбежно повреждение легких. Мнения ученых, где лежит опасность, разошлись. Большинство утверждало, что предел ныряния — 40 метров. Долгое время таблица мировых рекордов подтверждала эту гипотезу, пока бразилец Санторелли и итальянец Майорко не опустились на добрых полтора десятка метров за «барьер смерти». Оба гидронавта вернулись на поверхность целыми и невредимыми.

Это придало смелости новым соискателям рекордов. Сейчас и женщина — итальянка Тре-

леани — побывала на глубине 45 метров!

А как быть ребятам, которые мечтают стать акванавтами?

Для них во многих городах уже созданы специальные детские спортивные школы подводного плавания. Такие школы есть, например, в Москве, Ленинграде, Алуште, Ейске. Школы эти создаются при комитетах Добровольного Общества Содействия Армии, Авиации и Флоту. В организациях ДОСААФ и следует узнавать, где имеется ближайшая детская секция.

Интересно, что в Ейском клубе подводников самой юной спортсменке Тане Обуховской — 10 лет. Недавно на соревнованиях девочка, которая учится в четвертом классе, сумела опередить всех стартовавших на дистанции 50 метров!

А если поблизости нет клуба, школы или секции подводного спорта? Тогда ребята, умеющие хорошо плавать, могут заниматься самостоятельно. Но обязательное условие: неукоснительно соблюдайте правила, которые приведены ниже!

В. Солонкин,
мастер спорта СССР

Кодекс безопасности ластоногих

Приступай к погружениям лишь после того, как получишь разрешение врача.

Нырять или плавать в маске в одиночку — нельзя. На поверхности обязательно должен быть кто-то, способный в любую минуту прийти на помощь.

Неходи в воду, если чувствуешь себя нездоровым.

Не ныряй слишком много и часто — иначе наступит кислородное голодание и ты потеряешь сознание.

Держись под водой свободнее — не расходуй сил на лишние движения.

Берегись переохлаждения. Если температура воды ниже чем +15°С, лучше не купаться.

Не надевай маску, пока не надел ласты.

Поднявшись на поверхность, энергично продуй трубку.

Не снимай маски, пока не добрался до мелководья.

Остерегайся запутаться в рыболовных сетях.

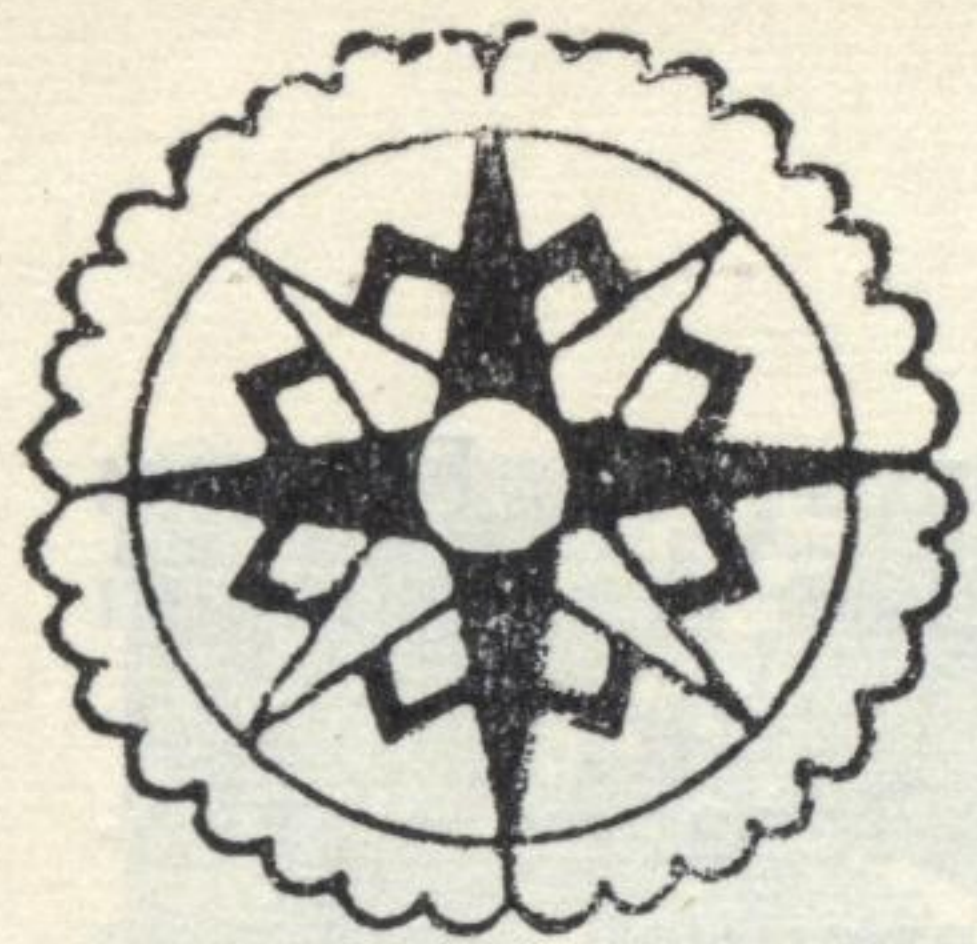
Не плавай рядом со шлюпками, лодками, катерами.

ПОМНИ, ЧТО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ АКВАЛАНГОМ РАЗРЕШАЕТСЯ СПОРТСМЕНАМ-ПОДВОДНИКАМ ЛИШЬ С 18-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА.

ГРУСТНАЯ ШУТКА

Преподавал в Петербургском университете физику профессор Орест Данилович Хвольсон. Автор пятитомного учебника физики, переведенного на многие иностранные языки. Орест Данилович был, как говорили, «прогрессивных воззрений», и потому российская Академия наук никак не хотела принимать выдающегося физика в свои ряды. Наконец Хвольсона избрали почетным членом академии, что, впрочем, не давало права участвовать в заседаниях академиков. Узнав о своем избрании, он сказал: «Разница между академиком и почетным академиком такая же, как между государем (так называли царя) и милостивым государем (так обращались ко всякому малознакомому человеку).

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания тринадцатый

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

В В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ

Самые маленькие военные корабли — катера.

О том, как воевали они, обязательно вспомнят в День Военно-Морского Флота старые моряки.

Даже летом сурово Баренцево море. Того и гляди налетит холодный ветер, закрутит, завертит снег. В воду — не попадай. Несколько минут — и конец. Окоचेет человек, вытянет из него ледяная вода тепло.

В таком море пришлось воевать командиру торпедного катера Василию Быкову.

Однажды катера получили приказ: «В заливе Варангер-фьорд обнаружен конвой противника. Найти и уничтожить».

На фоне коричневых сумрачных сопок нелегко разглядеть черные полоски — корабли. Длинной це-

почкой вытянулись они вдоль берега. В охране — катера, миноносцы. Чтобы потопить транспорты, надо прорываться под огнем фашистов.

Катер Быкова шел одним из первых. Когда вражеские корабли открыли огонь, Быков подумал:

— Дымзавеса!

— На корме у катера дымовая аппаратура, шашки. Если включить их — густой хвост белого дыма потянется за кораблем. Под прикрытием его могут сближаться с противником товарищи.

— Полный ход!.. Дым!

Враг сначала подумал, что катер идет в атаку. Пенные столбы от снарядов заметались то справа, то слева — почти все корабли конвоя вели огонь по отважному катеру.

Но, не доходя до дистанции залпа торпедами, катер повернул и помчался вдоль конвоя. Он шел, то прибавляя, то уменьшая ско-

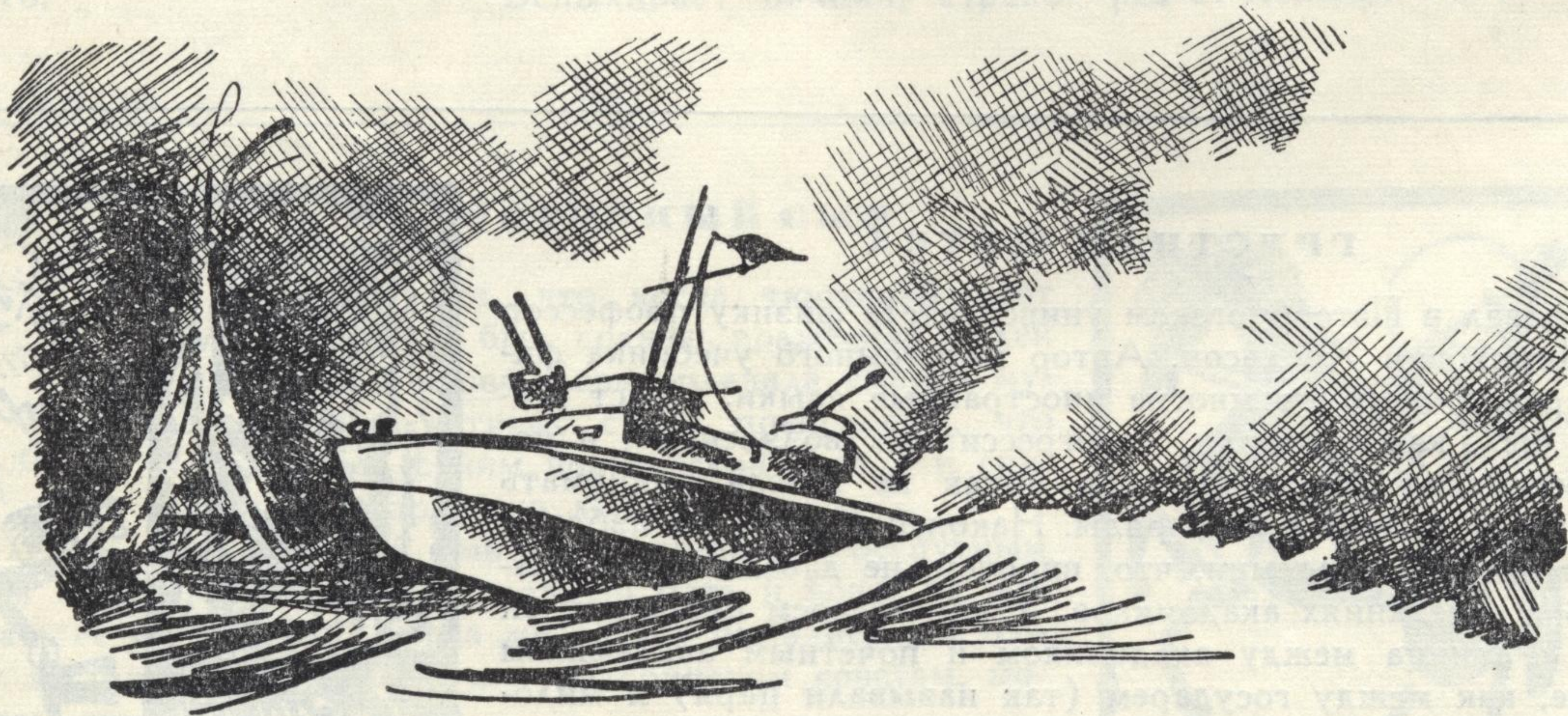
рость, и вражеским наводчикам никак не удавалось правильно навести орудия по нему.

Белая стена вставала между конвоем и атакующими катерами. Товарищи Быкова под прикрытием ее начали сближение. Дымовое облако легло невдалеке от транспортов. Катера по одному выскакивали из него, разряжали торпедные аппараты и, прежде чем противник успевал открыть огонь, скрывались в дыму.

Грохот взрывов доносился до Быкова. Это взлетали один за другим на воздух фашистские корабли.

Когда дым из аппаратуры и шашек идти перестал, Быков развернулся и сам пошел в атаку на транспорты...

За мужество и воинское умение командир торпедного катера Василий Иванович Быков был удостоен звания Героя Советского Союза.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ШАХМАТИСТ

Ферзьбери и Пешкоедов попали в некий шахматный клуб.

— Господа, минуту внимания! — громко произнес Пешкоедов. — У вас в гостях знаменитый шахмат-адмирал Ферзьбери!

— Да здравствует Ферзьбери! — воскликнул президент клуба, и все зааплодировали. — Что бы адмирал хотел?

— Сыграть с вашим самым необыкновенным шахматистом.

— Самым необыкновенным? Пожалуйста. Марио!

Против адмирала сел щеголь с короткими усиками.

Ферзьбери играл белыми три партии. Первую он быстро свел к задаче рыцаря Артура Юдилевича из Белгорода (см. диаграмму).

Вторую — к задаче рыцаря из села Старая Киреметь — Николая Глухарева. Белые: Kрf3, Cd6, Cf7, пп. с3, g2, h4; черные: Kрf5, пп. с5, f6, h5.

А третью — к задаче рыцаря Михаила Белоусова из Сумы. Белые: Кра8, Фа1, Сb1, Кс7, п. е7; черные: Крс8, Фh8, Лh3, пп. а7, с2, d7.

В каждой из партий, сведя к задаче, Ферзьбери спрашивал:

— Вы не сдаетесь, Марио?

— Я никогда не сдаюсь! — гордо отвечал тот.

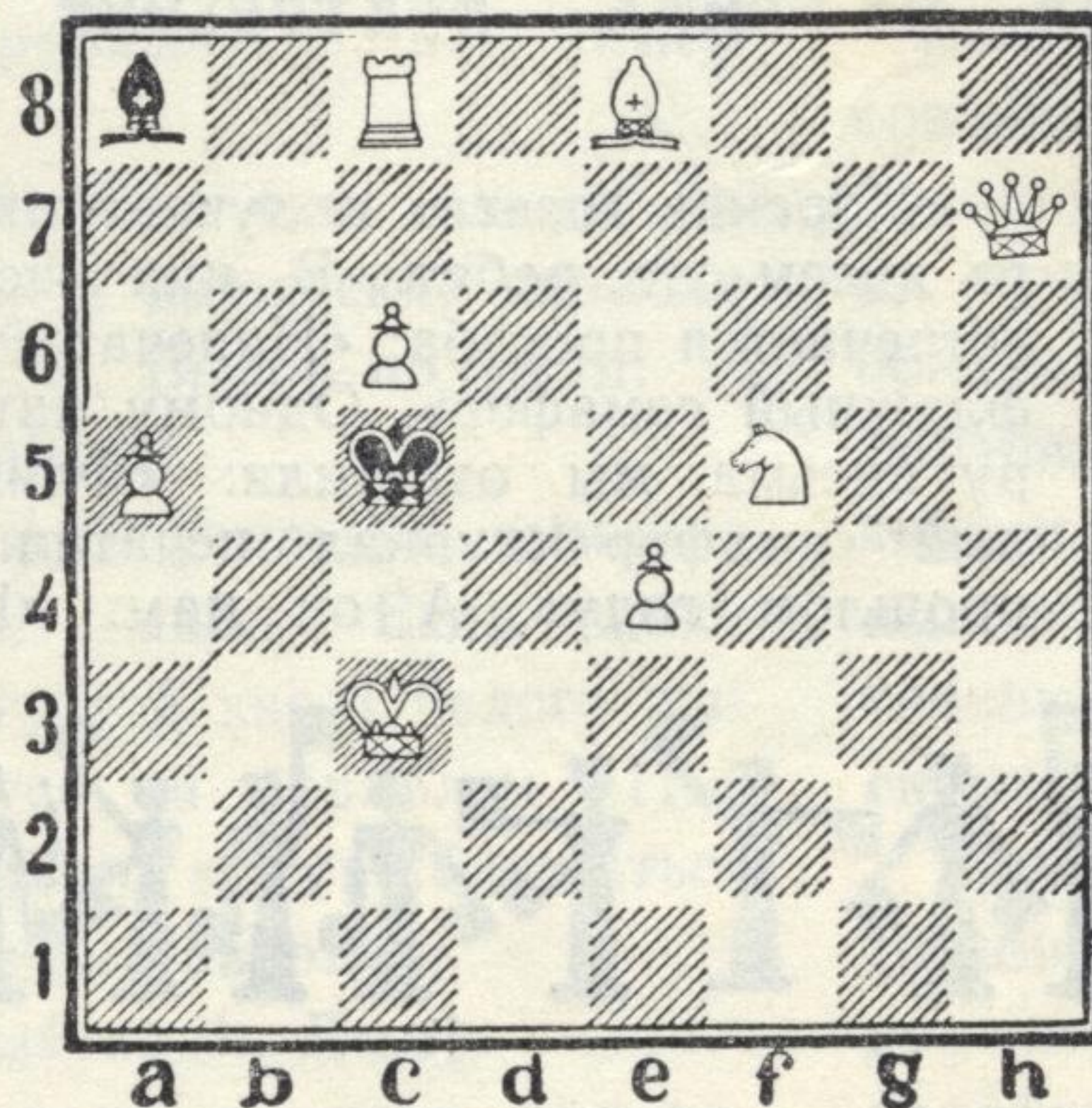
— Тогда пеняйте на себя! — и адмирал объявлял мат: в первой партии в два хода, во второй — в три, в третьей — в три.

Но Марио не казался сколько-нибудь огорченным.

Прощаясь с президентом клуба, Пешкоедов сказал:

— Послушайте! Ферзьбери — шахматист, который никогда не проигрывал и вряд ли когда-нибудь проиграет. А кого дали вы ему в партнеры? Мы ведь просили выбрать из ваших шахматистов самого необыкновенного!

— Но это и есть Марио! Он играет уже 10 лет, но еще никогда не выигрывал и вряд ли когда-нибудь выиграт!

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕККОМ, приказываю:

§ 1. Шахматным рыцарям — найти маты в партиях с Марио.

§ 2. Шашечным рыцарям найти комбинации — А) Алима Койшина из пос. Валентиновка — белые: а3, b4, d2, e1, f2, h6; черные: с5, d4, d6, d8, e7, f8, h2; Б) Владимира Бледных из Комсомольска-на-Амуре — белые: с1, e1, e3, e5, f4, h4; черные: а3, а7, b4, b6, с5, f6, g7, h6; В) Сергея Ковалева из Южно-Сахалинска — белые: b2, c1, с3, e1, e3, f2, g1, h2; черные: с5, с7, d8, e7, f6, g5, g7, h4.

§ 3. Рыцарят — найти за белых мат в два хода в задаче Александра Маркина из с. Малый Кусмар — белые: Kрh5, Фс1, Лf1, Ch1; черные: Kрh3, Сс5, п. g2.

§ 4. Срок присылки рапортов — до 1 октября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахаров, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Рукописи не возвращаются

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

М-40184. Подписано к печати 4/VI 1969 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 4+1 вкл. 6,56 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 370 000 экз. Заказ 147. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

Что такое хорошо...

Понравился Боре этот день рождения.

Подарков Ире надарили! Миша принес клюшку. Саша тоже принес клюшку. И Петя. Ну и сам Боря — тоже клюшку. Каждый пошел и выбрал, что ему больше по душе. Ну, а что может быть лучше клюшки?

Сначала немного пошучили. Просто приклеились к дивану. Девочки предлагали викторину да фанты. Их послушаться, так весь вечер голову ломать надо, вспоминать, соображать, ответы придумывать. Боря стукнул себя по лбу: «Давайте в жмурки. Места хватит!»

...Носились как на дворе. Саша всех насмешил. Глаза ему завязали, как положено, а он руки растопырил и идет, дороги не разбирая. Вазочку смахнул, разбилась. Миша на четвереньки встал и побежал. Бабушка входила в дверь с подносом — под ноги ей бросился, не успел остановиться. По инерции. Вот смеху-то было — пирожки посыпались, как живые.

За стол сели уже растрепанные. У Саши галстук на плече, у Миши хлястик на ниточке повис.

За столом зевать не приходилось. Боря и Саша словно наперегонки старались. Пока кто-то собирается бутерброд взять — эти по два уплетут. А за яблоком они с Мишей так потянулись, что бутылку лимонада опрокинули.

Напоследок музыку завели, танцевать стали. Боря созвал всех мальчиков достроить кран из конструктора. Отличный конструктор у Ириноного брата. Достроили — и по домам. Пока девочки искали свои шапки-шляпки, Боря домой примчался.

Понравился Боре этот день рождения!

А Ире — не очень. Как вы думаете, почему?

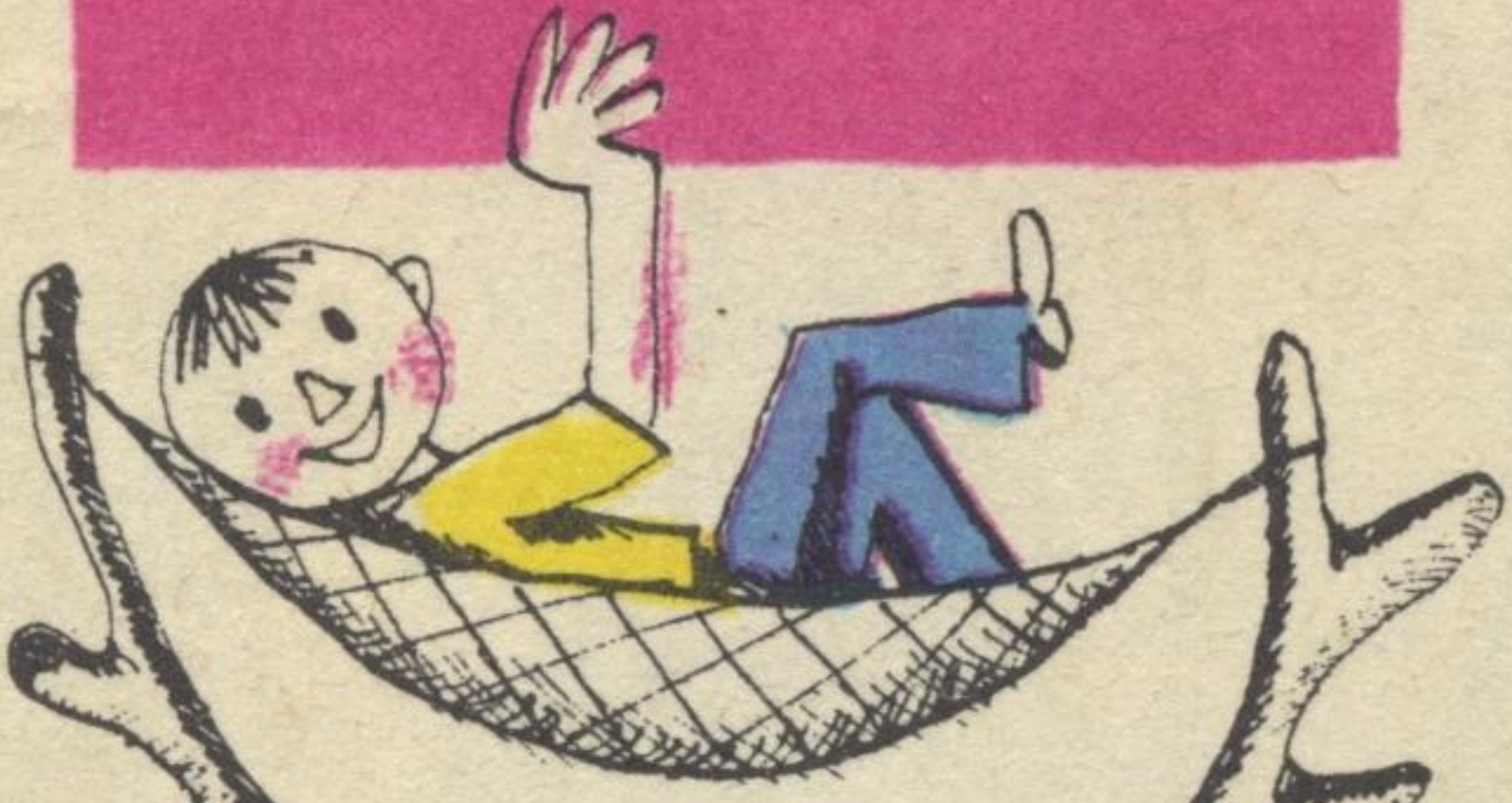
Рисунок В. Гальбы

В
69

ИГРА
РОБОТ

ВЕСЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ
художника М. Беломлинского

70
70
70
270
р

